

В.Г. Зинченко

В.Г. Зусман

З.И. Кирнозе

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

ОТ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Учебное пособие

Москва

Издательство «Флинта»

Издательство «Наука»

2007

УДК 530.1(075.8)
ББК 22.31
З-63

Зинченко В.Г.

З-63 Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме : учеб. пособие / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. — М. : Флинта : Наука, 2007. — 224 с.

ISBN 978-5-89349-472-3 (Флинта)

ISBN 978-5-02-034660-4 (Наука)

В пособии, посвященном современным аспектам теории и практики межкультурной коммуникации, изложены принципы системного подхода к культуре, рассмотрено воздействие современной синергетической парадигмы научного знания на культуру и язык. Специальные разделы посвящены межкультурной коммуникации в международных отношениях и бизнес-коммуникации.

Для студентов и преподавателей высших учебных заведений.

УДК 530.1(075.8)

ББК 22.31

Издано при участии Московского психолого-социального института

ISBN 978-5-89349-472-3 (Флинта)

ISBN 978-5-02-034660-4 (Наука)

© Издательство «Флинта», 2007

Введение

Культура и коммуникация неразрывно связаны. Культура порождает коммуникацию и порождается ею. С одной стороны, культура обуславливает коммуникацию, с другой стороны, коммуникация продуцирует культуру. Отношение между культурой и коммуникацией основывается на нелинейной циклической причинности. Новое понимание мира, повлиявшее на общую атмосферу эпохи, складывается во второй половине XX в.

В основе новой картины мира — философия нестабильности, исходящая из многовариантности, нелинейности и открытости Вселенной.

Основы философии нестабильности разработал выдающийся физик и философ Илья Пригожин. Рассматривая неустойчивые, неравновесные системы в живой природе, ученый выдвинул парадоксальное утверждение: порядок непродуктивен, хаос продуктивен. С позиций философии нестабильности мир предстает как открытая, диссипативная, неравновесная, нелинейная система, в которой «...порядок и беспорядок сосуществуют как два аспекта одного целого и дают... различное видение мира». По утверждению И. Пригожина, неравновесность может служить источником организации и порядка. Скачкообразные и спонтанные переходы макроскопических систем от упорядоченного к хаотическому состоянию изучает относительно новая наука — синергетика. Синергетика — теория, изучающая «...возникновение новых качеств на макроскопическом уровне». В рамках этой теории порождение смысла рассматривается «...как возникновение нового качества системы, или, иначе говоря, как самопорождение смысла»¹. Суще-

¹ Хакен Г. Информация и самоорганизация. М., 1991. Термин синергетика «...происходит от древнегреческого слова «синергия» — содействие, совместный труд. Герман Хакен применил этот термин для названия той науки, которая начала изучать закономерности самоорганизации в сложных открытых физико-хими-

ственно подчеркнуть, что в философии нестабильности процессы в живой и неживой природе рассматриваются как аналогичные, подобные.

Культура современного глобализованного мира также может быть названа «диссипативной». В гуманитарной сфере происходят процессы разрушения и порождения смысла, которые можно описать в категориях философии нестабильности. В этом контексте проблема межкультурной коммуникации заняла одно из главенствующих мест в социологии, политике, культурологии, филологии. Этому способствовало то, что после Второй мировой войны были существенно ослаблены позиции европоцентризма, предполагавшего неравенство между «цивилизованными» и «нецивилизованными» народами и соответственно не усматривавшего острой необходимости в диалоге с культурами, далекими по своему характеру от европейских. Основание ООН и ЮНЕСКО, провозглашение прав человека и деколонизация, а затем и создание Европейского союза, стали поворотными пунктами в истории человечества, и они же обусловили появление новой научной дисциплины — межкультурной коммуникации, в которой сочетались фундаментальное и прикладное начала.

В принципе всякая коммуникация содержит параметры межкультурности. Межкультурная коммуникация как реальный процесс возникает гораздо раньше дисциплины Intercultural communication. Идея межкультурной коммуникации рождается вместе с человеком. Эта мысль определяет широкое понимание «межкультурной коммуникации» в предлагаемой книге.

Термин, используемый американским антропологом и лингвистом Э. Холлом, после Второй мировой войны, десятилетия спустя перестал обозначать только направление, разрабатываемое в американском Институте службы за границей, организованным антропологом и лингвистом. Сегодня задача видится и в том, чтобы «найти узкий путь между глобализацией и сохранением культурного плюрализма, между насилием и политическими

ческих системах, находящаяся в состояниях, далеких от равновесия (нестабильных)». См.: *Лутай В.С.* Синергетическая парадигма как философско-методологическая основа решения главных проблем XXI в. // Практична філософія. № 1. 2003. С. 21.

методами решения проблем, между культурой войны и культурой разума»².

Фундаментальный характер новой дисциплины был отмечен и обоснован в первую очередь учеными, занимающимися точными науками, — математиками, физиками, термодинамиками, обратившимися к биологии и к философии. Именно они поставили во главу угла глобальные задачи дисциплины. Из огромного множества сложных взаимодействующих и сотен тысяч переменных, характеризующих общее понятие мировой культуры, они пытаются выделить наиболее важные процессы и те ключевые факторы, которые оказывают влияние уже не на одну математику или биологию, но и на такие далекие от них науки, как философия, история, социология, экономика, этнография, филология... Ибо «если XX в. прошел под знаком разбрасывания камней, рождения сотен научных дисциплин, то XXI в. определятся тем, насколько успешным окажется междисциплинарный синтез, насколько удачно будут собраны камни»³.

Междисциплинарный синтез положен в основу и этой книги. Ни в малой мере не претендуя на глубокое освещение процессов, определяющих развитие математики или физиологии, авторы сосредотачивают внимание на вопросах филологии и культурологии. Несмотря на внутринаучный характер рассматриваемых проблем, в книге делается попытка использовать шанс, который дает гуманитарным наукам огромный потенциал, накопленный математикой и естествознанием.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Илья Пригожин (Вишман) (1917—2003) родился в Москве в семье инженера-химика. Раннее увлечение музыкой сформировалось под влиянием матери-пианистки («Я научился читать ноты раньше, чем слова»). Переезд семьи в 1921 г. в Литву, а затем в Германию и Бельгию породили, по словам Пригожина, «острую восприимчивость к переменам». Коллебание в выборе карьеры концертирующего пианиста, профессио-

² Пригожин И. Кость еще не брошена // Синергетическая парадигма. М., 2002. С. 21

³ Капица Е.П., Курдюмов С.П., Маленцкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. 3-е изд. М., 2003. С. 61.

нального философа, биолога и математика разрешились в пользу термодинамики. В 1943 г. бакалавр естественных наук защищает диссертацию о значении времени в термодинамических системах. Пригожина особенно интересуют неравновесные открытые системы, в которых материя либо энергия обмениваются реакцией с внешней средой. Пригожину принадлежит теория диссипативных структур, согласно которой неравновесность может служить источником организации и порядка. В 1977 г. Пригожин получил Нобелевскую премию за работы по термодинамике и «особенно за теорию диссипативных структур». В работах Пригожина осуществляется преодоление разрыва между математическими, биологическими и социальными сферами исследований, наукой и искусством. Его называют «поэтом термодинамики».

И. Пригожин — член Российской, Бельгийской, Нью-Йоркской, Румынской и других академий, почетный профессор многих университетов, в т.ч. и Московского. Диапазон его интересов — термодинамика, история, археология, философия, литература, музыка. Научные работы писал на английском языке. На русский язык переведены: «Введение в термодинамику необратимых процессов», «Неравновесная статическая механика», «Термодинамическая теория структуры, устойчивости к флуктуации», «Самоорганизация в неравновесных системах» (совместно с Г. Николисом) (М., 1979) и др.

И. Пригожин. ФИЛОСОФИЯ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

У термина «нестабильность» странная судьба. Введенный в широкое употребление совсем недавно, он используется порой с едва скрываемым негативным оттенком и притом, как правило, для выражения содержания, которое следовало бы исключить из подлинно научного описания реальности. Чтобы проиллюстрировать это на материале физики, рассмотрим элементарный феномен, известный, по-видимому, уже не менее тысячи лет: обычный маятник, оба конца которого связаны жестким стержнем, причем один конец неподвижно закреплен, а другой может совершать колебания с произвольной амплитудой. Если вывести такой маятник из состояния покоя, несильно качнув его груз, то в конце концов маятник остановится в первоначальном (самом нижнем) положении. Это — хорошо изученное устойчивое явление. Если же рас-

положить маятник так, чтобы груз оказался в точке, противоположной самому нижнему положению, то рано или поздно он упадет либо вправо, либо влево, причем достаточно будет очень малой вибрации, чтобы направить его падение в ту, а не в другую сторону. Так вот, верхнее (неустойчивое) положение маятника практически никогда не находилось в фокусе внимания исследователей, и это несмотря на то, что со времени первых работ по механике движение маятника изучалось с особой тщательностью. Можно сказать, что понятие нестабильности было в некоем смысле идеологически запрещено. А дело заключается в том, что феномен нестабильности естественным образом приводит к весьма нетривиальным, серьезным проблемам, первая из которых — проблема предсказания.

Если взять устойчивый маятник и раскачать его, то дальнейший ход событий можно предсказать однозначно: груз вернется к состоянию с минимумом колебаний, т.е. к состоянию покоя. Если же груз находится в верхней точке, то в принципе невозможно предсказать, упадет он вправо или влево. Направление падения здесь существенным образом зависит от флуктуации⁴. Так что в одном случае ситуация в принципе предсказуема, а в другом — нет, и именно в этом пункте в полный рост встает проблема детерминизма⁵. При малых колебаниях маятник — детерминистический объект, и мы в точности знаем, что должно произойти. Напротив, проблемы, связанные с маятником, если можно так выразиться, перевернутым с ног на голову, содержат представления о недетерминистическом объекте.

(...)

Риск и ответственность

В детерминистическом мире риск отсутствует, ибо риск есть лишь там, где универсум открывается как нечто многовариантное, подобное сфере человеческого бытия. Я не имею возможности детально обсуждать здесь эту проблему, но представляется очевид-

⁴ *Флуктуация* — колебание, случайное отклонение величины от средних значений.

⁵ *Детерминизм* — признание причинной обусловленности явлений природы.

ным, что именно такое, многовариантное видение мира, положенное в основание науки, с необходимостью раскрывает перед человечеством возможность выбора — выбора, означающего, между прочим, и определенную этическую ответственность... Когда-то Валери совершенно правильно, на мой взгляд, отметил, что «время — это конструкция»⁶. Действительно, время не является чем-то готовым, предстающим в завершенных формах перед гипотетическим сверхчеловеческим разумом. Нет! Время — это нечто такое, что конструируется в каждый данный момент. И человечество может принять участие в процессе этого конструирования.

Вопросы философии. № 6. 1991. С. 46—57.

<http://www.humans.ru/humans/21791>

⁶ *Поль Валери* (1871—1945) — французский поэт, философ, увлекавшийся точными науками.

Т е м а 1. ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ О КУЛЬТУРЕ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *культура, цивилизация, природа, техника, знак, смысл.*

Слова «культура» и «цивилизация» употребляют нередко как синонимы. Известны выражения «культурный человек» и «циви-

Слово *культура* происходит от латинского корня: **colĕre** – выращивать; возделывать и обрабатывать землю; населять, обитать; **cultus** – почитать, поклоняться.

лизованный человек», означающие примерно одно и то же. Вместе с тем уже наличие союза «и» свидетельствует, что культура и цивилизация — понятия не вполне тождественные. В самом общем смысле при сопоставлении *культуры* и *цивилизации* первая оценивается как проявление высших человеческих предназначений, вторая — как олицетворение материальных форм бытия. В разные эпохи соотношение культуры и цивилизации понималось по-разному. Так, в трактатах политика и идеолога Просвещения маркиза де Мирабо цивилизация предстает уздой человечества и определяется как «смягчение нравов, учтивость, вежливость и знание, распространяемые для того, чтобы соблюдать правила приличий и чтобы эти правила играли роль законов общежития». Цивилизация у Мирабо призвана давать обществу «основы и формы добродетели». В ином ключе рассуждали о цивилизации немецкий историк О. Шпенглер, считавший цивилизацию «зака-том» культуры, Жан-Жак Руссо, видевший в развитии цивилизации падение нравов.

Смысл понятий «культура» и «цивилизация» выявляется в этимологии этих слов. В современной трактовке культура — это «природа, которую пересоздает человек, утверждая себя по-

средством этого в качестве человека»¹. Понятие «цивилизация» более позднее, хотя слова *cīvis* (лат.) — гражданин и *cīvīlis*, -e (лат.) — гражданский тоже были известны в Риме. Но в современном понимании «цивилизация» принадлежит XVIII в., когда понятие начало ассоциироваться с гражданским обществом, прогрессом.

Слово «культура» принадлежит к числу самых многозначных, фундаментальнейших. По числу сочетаемых понятий оно занимает одно из главных мест в европейских языках. «Философия культуры», «культура эпохи», «дворянская культура», «пролетарская культура», «современная культура», «русская культура», «культура Германии», «европейская культура», «агрокультура», «культура производства», «культура поведения», «культура торговли», «музыкальная культура», «культура чувств», «физическая культура» — ряд этот поистине неисчерпаем. В словаре В.И. Даля культура — это обработка и уход, возделывание, возделка; это образование — умственное и нравственное. Как мы видим, русский этнограф и лингвист выделяет происхождение слова от латинского корня и сохраняет его первоначальное значение, усиливая нравственную сторону.

Современный ученый Ю.М. Лотман отмечает разницу в смысле, семантическом наполнении понятия «культура» в разные исторические эпохи у разных ученых. Однако, как полагает Ю.М. Лотман, разница эта не должна нас обескураживать, если мы вспомним, что значение этого термина произошло от типа культуры, что каждая историческая эпоха порождает ей присущую, собственную модель культуры, что культура при этом, однако, «имеет признак — отгороженную сферу — и осознается на фоне оппозиции “не-культуры”, являя таким образом “знаковую систему”»². Всемирную известность получили сенсационные открытия российских археологов в Горном Алтае. В первом тысячелетии до новой эры в скифскую эпоху племена кочевников, хороня своих умерших, покрывали тело сложными татуировками, существовавшими более 2500 лет назад. Но это были не просто укра-

¹ Гуревич П.С. Культурология. М., 1999. С. 39.

² Лотман Ю.М. Механизмы культуры // Избранные статьи: В 3 т. Т. III. Таллинн, 1993. С. 326.

шения, а «знаковая система, текст — сакральное письмо, предназначенное для передачи важной информации... Таким способом происходило “переоформление” натурального человеческого облика в изобразительный символ племенной мудрости»³. В определении Ю.М. Лотмана главное — оппозиция: культура — не-культура. При фактически бесконечных определениях культура становится культурой только в том случае, если она имеет смысл.

Собственная концепция культуры разработана Г. Хофстеде. Г. Хофстеде — известный голландский антрополог, специалист в области теории и практики менеджмента. Проводя смелую аналогию между человеком и компьютером, Г. Хофстеде определяет культуру как «ментальную программу» (Culture as mental software). Каждый человек мыслит, чувствует и действует по определенным схемам, которым он обучается в течение всей жизни. Часть из них он получает еще в детстве. Ментальный «софт» выявляет типичные поведенческие мотивы индивидуумов.

Г. Хофстеде не отрицает, что поведение человека лишь частично предопределено «ментальными программами». У личности остается возможность отклоняться от этих программ. Человек может отреагировать на происходящее совершенно неожиданным образом. Нельзя исключить неожиданные, нетипичные, творческие или деструктивные действия.

Г. Хофстеде принадлежит к представителям социологического подхода к культуре. Связывая ментальные программы людей с их социальным окружением, он рассматривает культуру как цивилизацию, т.е. как выражение материальных аспектов жизни коллектива. Программирование начинается в школе, продолжается в общении с соседями, в молодежных группах, на рабочем месте, во взаимоотношениях с партнерами по личной жизни. Весьма последовательно Хофстеде делит культуру на культуру-1 и культуру-2. Культура-1 — «культура в узком смысле слова» есть не что иное, как «облагораживание духа», и результаты такого облагораживания — образование, литература, искусство. Культуру-1 Г. Хофстеде не считает важным и современным объектом исследования. В гораздо большей степени его привлекает культура-2, включающая в себя стереотипные, «обычные», «относительно низкие» элемен-

³ Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. М., 2004. С. 121.

ты человеческой жизни: приветствия, прощания, еду, выказывание или утаивание чувств, сохранение физической дистанции в общении с другими людьми, половой акт, правила гигиены. По мнению Г. Хофстеде, культура-2 затрагивает основополагающие моменты человеческой жизни. Она затрагивает вещи, которые людей задевают, «зацепляют», ранят. Культура-2 — коллективный феномен⁴.

Г. Хофстеде прав, несомненно, в том, что культуру-1 гораздо сложнее запрограммировать. Верным представляется и его положение о значимости культуры-2. Вместе с тем спорной кажется мысль ученого о том, что культура-2 важнее культуры-1. Если бы это было так, то культуру наполняли бы исключительно и единственно продукты ментального и языкового программирования — различные стереотипы. Стереотипы многое определяют в современной культуре, но не исчерпывают ее до конца. Нельзя принять тезис о разрыве между культурой-1 и культурой-2. Идеальные и материальные аспекты культуры определяют колебания, трансформации культуры. Без взаимодействия культуры-1 и культуры-2 не может возникать новый *смысл*.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Освальд Шпенглер (Spengler, 1880—1936) — выдающийся немецкий философ, историк, создатель «морфологии культуры». Шпенглер разграничил понятия «культура» и «цивилизация». Подобно растению, «культура» проходит стадии зарождения, расцвета и умирания. «Цивилизация» — неизбежная «судьба», «закат» и «окаменение» культуры. Бездушная, техническая цивилизация порождает «толпу», управляемую «массу».

ОСНОВНОЙ ТРУД

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии истории: Т. 1. Образ и действительность / Пер. Н.Ф. Гарелина. Минск, 1998.

⁴ *Geert Hofstede. Culture's Consequences: Composing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. Second Edition, 2001. Geert Hofstede. Lokales Denken, globales Handeln. Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management. München, 2001. S. 2—4.*

О. Шпенглер. ЗАКАТ ЕВРОПЫ

Каждая культура находится в глубоко символической связи с материей и пространством, в котором и через которое она стремится реализоваться. Когда цель достигнута и идея, т.е. все изобилие внутренних возможностей, завершена и осуществлена во внешнем, тогда культура вдруг *застывает*, отмирает, ее кровь свертывается, силы ее надламываются — она становится *цивилизацией*. И она, огромное засохшее дерево в первобытном лесу, еще многие столетия может топорщить свои гнилые сучья. Мы наблюдаем это на примерах Египта, Китая, Индии и мусульманского мира. Так, античная цивилизация времен империи необъятно разрасталась с кажущейся юношеской силой и изобилием и отнимала воздух и свет у молодой арабской культуры Востока.

Таков смысл всех *падений* в истории, к числу которых принадлежит наиболее отчетливо рисующееся перед нами «падение античного мира»...

Всякая культура переживает возрасты отдельного человека. У каждой имеется свое детство, юность, возмужалость и старость...

- ВОПРОСЫ**
- 1) Как понимает О. Шпенглер соотношение понятий «цивилизация» и «культура»?
 - 2) Почему культура, застывая, становится цивилизацией?

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Арнолд Джозеф Тойнби (Toynbee 1889—1975) — английский историк и социолог, один из руководителей Королевского института международных отношений (1925—1955). Главный труд Тойнби — «Исследование истории» (т. 1—12, 1934—1961). Следуя О. Шпенглеру, Тойнби выстраивает историю цивилизаций, каждая из которых проходит в своем развитии стадии «возникновения, роста, надлома и разложения, после чего гибнет, уступая место другой» Развитие цивилизаций связано с деятельностью творческого меньшинства, которое, отвечая на «вызовы» истории, увлекает за собой инертное большинство. «Своеобразие этих “вызовов” и “ответов” определяет специфику каждой цивилизации, иерархию её социальных ценностей и философские концепции

смысла жизни». Влияние Тойнби испытали на себе С.П. Хантингтон и многие другие историки, этнографы и культурологи XX в.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

The world and the West, L., 1953.

A study of history. Abridgement by D. Somervell, v. 1—2, L., 1946—1957.

Change and habit, L., 1966.

Тойнби А.Дж. Постигание истории. Текст приводится по сайту: <http://gumilevica.kulichki.net/Toynbee/index.html>. Перевод на русский язык: издательство «Прогресс», 1991.

А.Дж. Тойнби. ПОСТИЖЕНИЕ ИСТОРИИ

Сам факт, что рост цивилизаций — дело рук творческих личностей или творческих меньшинств, предполагает, что нетворческое большинство будет находиться позади, пока первооткрыватели не подтянут арьергарды до своего собственного уровня. Последнее соображение требует внести уточнение в определение цивилизации и примитивного общества. Ранее в настоящем исследовании мы установили, что примитивные общества находятся в статическом состоянии, тогда как цивилизации или по крайней мере растущие цивилизации — в динамике. Отметим теперь, что растущие цивилизации отличаются от примитивных обществ поступательным движением за счет творческого меньшинства. Следует добавить, что творческие личности при любых условиях составляют в обществе меньшинство, но именно это меньшинство и вдыхает в социальную систему новую жизнь. В каждой растущей цивилизации, даже в периоды наиболее оживленного роста ее, огромные массы народа так и не выходят из состояния стагнации, подобно примитивному обществу, пребывающему в постоянном застое, так как подавляющее большинство представителей любой цивилизации ничем не отличается от человека примитивного общества.

Характерным типом индивида, действия которого превращают примитивное общество в цивилизацию и обуславливают причину роста растущей цивилизации, является «сильная личность», «медиум», «гений», «сверхчеловек»: но в растущем обществе в любой

данный момент представители этого типа всегда находятся в меньшинстве. Они лишь дрожжи в общем котле человечества.

(...)

ОБЛАСТЬ ВЫЗОВА-И-ОТВЕТА

«Полные паруса», или «Слишком хорошая земля»

Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние.

Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию. Традиционное мнение, согласно которому благоприятные климатические и географические условия, безусловно, способствуют общественному развитию, оказывается неверным. Наоборот, исторические примеры показывают, что слишком хорошие условия, как правило, поощряют возврат к природе, прекращение всякого роста.

Египет традиционно рассматривают как регион с благодатными природно-климатическими условиями. Однако на поверку оказывается, что первоначально это был трудный для земледелия район, который расцвел благодаря специальной ирригационной системе. В Центральной Америке, на Цейлоне, на севере Аравийской пустыни, на острове Пасхи, в Новой Англии и Римской Кампании можно заметить следы жизни, когда-то обустроенной и цивилизованной, а потом заглохшей, брошенной, забытой. Это говорит о том, что цивилизация существует благодаря постоянным усилиям человека. Достаточно лишить город энергоснабжения, как цивилизованная жизнь в нем сразу же окажется поставленной под сомнение. Достаточно было полинезийским купцам прекратить свои опасные вояжи на остров Пасхи, как великие достижения его древней культуры превратились в загадку уже через несколько поколений. Итальянская Капуя оказалась «коварной», потому что солдаты, пристрастившись к «радостям земным», полностью деморализовались и позабыли о своем воинском долге. Одиссей не поддавался искушениям гарпий, сулившим «радости земные» взамен родины, путь к которой был труден, но желанен.

Моисей вывел соплеменников из Египта, где они «сидели у котлов с мясом» и «ели хлеб досыта», и не случайно они сетовали, что их хотят «уморить голодом» (Исх. 16, 3). И наоборот, предоставленные самим себе народы, обитавшие в жарких центральноафриканских джунглях, оказались лишенными естественного стимула и в течение тысячелетий оставались в застывшем состоянии на примитивном уровне.

Стимулы роста можно разделить на два основных вида: стимулы природной среды и стимулы человеческого окружения. Среди стимулов природной среды можно выделить стимул «бесплодной земли» и стимул «новой земли».

Стимулов «бесплодной земли» обнаруживается в истории немало. Суровые естественные условия нередко служат мощным стимулом для возникновения и роста цивилизации. Например, если сравнить долины Янцзы и Хуанхэ, то первая значительно более приспособлена для циклического сезонного земледелия, чем вторая. Казалось бы, древняя китайская цивилизация должна была возникнуть именно в долине Янцзы. Но она возникла в долине Хуанхэ. Если сравнить два района в Южной Америке, то можно встретить аналогичную ситуацию. Андская цивилизация возникла не в Вальпараисо, районе, который из-за обилия дождей испанские конкистадоры называли земным раем, а в североперуанской области, где постоянна нехватка воды и земледелие невозможно без сложной ирригационной системы.

- ВОПРОСЫ**
- 1) Почему цивилизация существует благодаря постоянным усилиям человека?
 - 2) Какова роль «сильной личности» в истории?
 - 3) Как можно трактовать термины «вызов», «стимул к росту», «ответ»?

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Сэмюэл П. Хантингтон — известный американский политолог, профессор Гарвардского университета. Вслед за А.Дж. Тойнби С. Хантингтон понимает цивилизацию «как культуру в широком смысле слова, как самое большое “мы”, где человек чувствует себя в культурном отноше-

нии дома, и одновременно то, что отделяет нас от всех “них” — тех, что вовне».

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Столкновение цивилизаций / Полис, 1994. № 1.

The Clash of Civilizations and Remaking the World Order. New York, 1996.

С.П. Хантингтон. СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ПЕРЕУСТРОЙСТВО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Цит. по:

<http://pubs.carnegie.ru/P&C/Vol2—1997/2/default.asp?n=10huntington.asp>

Цивилизация — это широчайшая культурная общность. У деревень, регионов, этнических групп, народностей, религиозных групп существуют особые культуры на разных уровнях культурного многообразия. Культура деревни в Южной Италии может быть иной, нежели у деревни в Северной Италии, но обе будут частями итальянской культуры, которая отличает их от немецких деревень. Европейские образования будут, в свою очередь, обладать общими культурными чертами, которые отличают их от китайских или индуистских обществ. Однако китайцы, индусы и люди Запада не входят ни в одну более широкую культурную общность. Они образуют цивилизации. Цивилизация, таким образом, представляет собой самую широкую культурную группировку людей и самый широкий круг их культурной идентификации — за исключением того, что вообще отличает людей от других живых существ. Цивилизацию определяют и такие общие объективные элементы, как язык, история, религия, традиции, институты и субъективная самоидентификация людей. У людей есть несколько уровней идентификации: житель Рима с разной степенью интенсивности может назвать себя римлянином, итальянцем, католиком, христианином, европейцем, человеком Запада. Цивилизация, к которой он принадлежит, — самая широкая сфера, с которой он себя идентифицирует. Цивилизации — это самое большое «мы», где человек чувствует себя в культурном отношении дома, и одновременно то, что отделяет нас от всех «них» — тех, что вовне. Цивилизации мо-

гут включать большое число людей (китайская) или же очень небольшое (англоязычная карибская). История знает много малых групп людей, которые обладали индивидуальной культурой, не имея никакой иной более широкой культурной идентификации. В зависимости от размера и важности делалось различие между основными и периферийными цивилизациями... или главными и остановившимися или прервавшимися цивилизациями (Тойнби). Моя книга посвящена тому, что обычно считается главными цивилизациями в человеческой истории.

У цивилизаций не бывает четко обозначенных границ, точного начала и конца. Люди могут переосмысливать и переосмысливают свою идентичность, и в результате композиция цивилизации и ее очертания со временем меняются. Культуры народов взаимодействуют и перекрывают друг друга. Степень их сходства и различия также существенно варьируется. Тем не менее цивилизации — это полные смысла целостности; они реально существуют, хотя границы между ними редко бывают четкими.

- ВОПРОСЫ**
- 1) Какие факторы определяют цивилизации?
 - 2) На чем основано отличие разных цивилизаций?
 - 3) Как соотносятся идеи Тойнби и Хантингтона?

Т е м а 2. СМЫСЛ В КУЛЬТУРЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *смысл, целое, значение, денотат, имя, точка зрения, контекст, биосфера, ноосфера.*

Философию, культурологию, теологию, филологию, точные науки объединяет категория «смысл», понятая как Бог, целостность (целое), круг (сфера), сущность (содержание), абсолютная истина, высшие ценности... Хотя в философии и традиционной логике термины «смысл» и «значение» рассматриваются как синонимы, вместе с тем возможна и другая трактовка этого соотношения. Разграничение «смысла» и «значения» восходит к трудам немецкого математика, логика и философа Г. Фреге.

Смысл у Фреге — это путь, «которым люди приходят к имени». Смысл не совпадает со значением. «Значение» у Фреге понимается как денотат. Значение, денотат — это «чувственно воспринимаемый предмет». «Смысл» освещает предмет лишь с какой-то одной стороны, с определенной точки зрения.

Г. Фреге приводит яркий пример. У двух выражений: «*Утренняя звезда — это небесное тело, освещаемое солнцем*» и «*Вечерняя звезда — это небесное тело, освещаемое солнцем*» денотат одинаков — планета Венера. «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» — это разные имена «...одного и того же небесного тела». Денотат, «значение» совпадают. Однако смысл у этих высказываний разный. Вечерняя звезда Венера ярко сияет на вечернем небосводе. Утренняя звезда Венера — небесное тело, заметное на утреннем небосводе. Несовпадение смысла и значения связаны с различной позицией наблюдателя, который видит Венеру в разное время суток.

Г. Фреге ставит проблемы, которыми позднее лингвисты будут заниматься в рамках теории «референции». Референция — «относительность» имен к объектам действительности, денотатам¹. Очень

¹ Арутюнова Н.Д. Референция // Языкознание. Большой Энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 2000. С. 411.

важно, с какой точки зрения, в какой момент наблюдатель смотрит на воспринимаемый объект. В понимании Фреге смысл имени не тождествен понятию. Понятие всегда связано с базовыми значениями слова. Смысл зависит от контекста и наблюдателя.

Понять переход от природы к культуре можно, только если мы опираемся на понятие «смысл». Гениальный ученый, биогеохимик В.И. Вернадский вслед за французским естествоиспытателем Ламарком (1744—1829) и выдающимся биологом и религиозным мыслителем Пьером Тейяром де Шарденом (1881—1955) создал целостную теорию эволюции органического мира — биосферы. *Биосфера* (от греч. жизнь и шар) — земная оболочка, в которой живое вещество и неживое вещество, состоящее из геологических и физико-химических элементов, образуют живой пласт планеты Земля. В процессе эволюции «в последние тысячелетия наблюдается интенсивный рост влияния одного вида живого вещества — цивилизованного человечества — на изменение биосферы. Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — в ноосферу»². Новое состояние *ноосферы* — состояние осмысления, одухотворения биологической природы человека. Такой подход приближает В.И. Вернадского к мысли французского философа и математика XVII столетия Б. Паскаля, изумлявшегося творческой возможности человека объять чувством и мыслью бесконечно превосходящий его мир. С этим бесконечно превосходящим человека миром, глубинным процессом, обнимающим различные сферы бытия, В.И. Вернадский познакомился на лекциях Пьера Тейяра де Шардена в Париже. «Под геохимическими, геотектоническими, геобиологическими пульсациями всегда можно узнать один и тот же глубинный процесс — тот, который, материализовавшись в первых клетках, продолжается в созидании нервных систем. Геогенез, — полагает Пьер Тейяр де Шарден, — переходит в биогенез, который в конечном счете не что иное, как психогенез... Биосфера — в такой же степени универсальная оболочка, как и другие «сферы», и даже значительно более индивидуализированная, чем они...»³. Ноосферу Пьер Тейяр де Шарден называет «планетарной ступенью».

² Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 1989. С. 185, 217.

³ Пьер Тейяр де Шарден. Феномен человека. М., 1987. С. 148.

И у В.И. Вернадского «область человеческой культуры и проявление человеческой мысли — вся ноосфера лежит вне космических просторов, где теряется как бесконечно малое, и вне атомных ядер с миром их составляющих частиц, где она отсутствует как бесконечно большое». Культура у В.И. Вернадского не может завершиться и уничтожиться, поскольку неуничтожим смысл бытия.

Один и тот же смысл может выражаться в словах, имеющих разное значение. В лингвистике категории «значение» и «смысл» отнесены к самому имени, к языковому знаку.

Смысл зависит от позиции и отношений слов в контексте. При помощи называния «...выделяется некоторый предмет (под предметом подразумевается все, о чем можно сказать) в его отношении к другому предмету». Так как в процессе коммуникации передается новая информация, значение слов может постоянно меняться. Благодаря контексту возникают «смысловые сдвиги»⁴. Одно и то же предметное содержание слова может пониматься по-разному не только разными народами, но и «разными индивидуумами... в сфере народа»⁵.

Значение слова непостоянно. Оно изменяется в ходе развития мысли, в зависимости от контекста. Смысл слова представляет собой совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову.

Смысл слова, таким образом, «...оказывается всегда динамическим, текучим, сложным образованием, которое имеет несколько зон различной устойчивости. Значение есть только одна из зон того смысла, который приобретает слово в контексте какой-либо речи...». Смысл в контексте больше и меньше значения изолированного слова. «Слова могут менять свой смысл — смыслы могут менять слова»⁶.

Нестабильность природного и культурного миров, их постоянные изменения во времени, порождают все новые и новые подхо-

⁴ Жинкин Н.И. Речь как проводник информации // Психолингвистика в очерках и извлечениях: Хрестоматия / Под общ. ред. В.К. Радзиховской. М., 2003. С. 323.

⁵ Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 56.

⁶ Вьготский Л.С. Мышление и речь // Психолингвистика в очерках и извлечениях: Хрестоматия / Под общ. ред. В.К. Радзиховской. М., 2003. С. 284—285.

ды к определению культуры, а следовательно, и к определению возникающего в ней смысла.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Пьер Тейяр де Шарден (1881—1955) — выдающийся французский религиозный мыслитель, геолог, палеонтолог, антрополог. В 1920 г. получил докторскую степень и стал профессором геологии. Участник палеонтологических экспедиций в Китай и Монголию. Один из первооткрывателей синантропа близ Пекина (1929). Вел раскопки в Южной Африке. Пьер Тейяр де Шарден — сторонник теории эволюции, выделявший три стадии: «преджизнь» (литосфера), «жизнь» (биосфера) и «феномен человека» (ноосфера).

ОСНОВНОЙ ТРУД

Пьер Тейяр де Шарден. Феномен человека. М., 1987. С. 148—151.

Пьер Тейяр де Шарден. ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕКА

Изменение биологического состояния, приведшего к пробуждению мысли, не просто соответствует критической точке, пройденной индивидом или даже видом. Будучи более обширным, это изменение затрагивает саму жизнь в ее органической целостности, и, следовательно, оно знаменует собой трансформацию, затрагивающую состояние всей планеты... С критическим переходом к рефлексии раскрывается лишь следующий член ряда. Психогенез привел нас к человеку. Теперь психогенез ступшевывается, он сменяется и поглощается более высокой функцией — в начале зарождения, затем последующим развитием духа — ноогенезом. Когда в живом существе инстинкт впервые увидел себя в собственном зеркале, весь мир поднялся на одну ступень... Признав и выделив в истории эволюции новую эру ноогенеза, мы соответственно вынуждены в величественном соединении земных оболочек выделить пропорциональную данному процессу опору, то есть еще одну пленку. Вокруг искры первых рефлектирующих сознаний стал разгораться огонь. Точка горения расширилась. Огонь распространился все дальше и дальше. В конечном итоге пламя охва-

тило всю планету. Только одно истолкование, только одно название в состоянии выразить этот великий феномен — ноосфера. Столь же обширная, но, как увидим, значительно более цельная, чем все предшествующие покровы, она действительно новый покров, «мыслящий пласт», который, зародившись в конце третичного периода, разворачивается с тех пор над миром растений и животных — вне биосферы и над ней... и даже в настоящий момент какому-нибудь марсианину, способному анализировать как физически, так и психически небесные радиации, первой особенностью нашей планеты показалась бы не синева ее морей или зелень ее лесов, а флюоресценция мысли.

Самый проникательный исследователь нашей современной науки может обнаружить здесь, что все ценное, все активное, все прогрессивное, с самого начала содержащееся в космическом лоскуте, из которого вышел наш мир, теперь сконцентрировано в «короне» ноосферы.

И высокопоучительна (если мы умеем видеть) констатация того, сколь *незаметно* в силу универсальной и длительной подготовки произошло такое громадное событие, как возникновение этой ноосферы.

Человек вошел в мир бесшумно.

- ВОПРОСЫ**
- 1) Как понимает автор ноосферу?
 - 2) Как соотносятся биосфера и ноосфера?
 - 3) Как можно прокомментировать метафору автора — «человек вошел в мир бесшумно»?

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Владимир Иванович Вернадский (1863—1945) — русский философ, естествоиспытатель, основоположник антропокосмизма, генетической минералогии, биогеохимии и многих смежных наук гуманитарного и естественно-научного циклов. Профессор Московского университета в 1898—1911 гг., академик Петербургской Академии наук, первый президент АН Украины, организатор и директор Радиевого института (1922—1939) и Биохимической лаборатории. Получил Сталинскую

премию в 1943 г. По научному кругозору и широте интересов приближается к титанам Возрождения. Развив теорию биосферы совместно с французским теологом и естествоиспытателем Пьером Тейяром де Шарденом (1881—1955), делает следующий шаг — признает неизбежность перехода homo sapiens из биосферы в ноосферу.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Избранные сочинения. Т. 1—5. М., 1954—1960.

Химическое строение биосферы Земли и ее окружение. М., 1965.

Философские мысли натуралиста. М., 1988.

Биосфера и ноосфера. М., 1989.

В.И. Вернадский. НАУЧНАЯ МЫСЛЬ КАК ПЛАНЕТНОЕ ЯВЛЕНИЕ

(...)

Человек, как он наблюдается в природе, как и все живые организмы, как всякое живое вещество, есть определенная *функция биосферы*, в определенном ее пространстве-времени.

Человек во всех его проявлениях составляет определенную закономерную часть строения биосферы.

«Взрыв» научной мысли в XX столетии *подготовлен всем прошлым биосферы* и имеет глубочайшие корни в ее строении — он не может остановиться и пойти назад. Он может только замедляться в своем темпе. Ноосфера — биосфера, переработанная научной мыслью, подготавливавшаяся шедшим сотни миллионов, может быть миллиарды лет, процессом, создавшим Homo sapiens faber — *не есть кратковременное и преходящее геологическое явление*. Процессы, подготавливавшиеся многие миллиарды лет, не могут быть преходящими, не могут остановиться. Отсюда следует, что биосфера неизбежно перейдет так или иначе — рано или поздно — в ноосферу, т.е. что в истории народов, ее населяющих, произойдут события, нужные для этого, а не этому процессу противоречащие.

Цивилизация «культурного человечества» — поскольку она является формой организации новой геологической силы, создавшейся в биосфере, — *не может прерваться и уничтожиться*, так

как это есть большое природное явление, отвечающее исторически, вернее геологически, сложившейся организованности биосферы. Образую ноосферу, она всеми корнями связывается с этой земной оболочкой, чего раньше в истории человечества в скольконибудь сравнимой мере не было.

(...)

Становится сейчас ясным, что здесь, как и в области атомных наук, вскрываются перед нами научные явления, которые впервые охватываются мыслью человека и принадлежат по существу к другим областям реальности, чем та, в которой идет человеческая жизнь и создается научный аппарат.

Ибо область человеческой культуры и проявление человеческой мысли — вся ноосфера — лежит вне космических просторов, где она теряется как бесконечно малое, и вне области, где царят силы атомов и атомных ядер с миром их составляющих частиц, где она отсутствует как бесконечно большое.

Обе эти новые области знания — пространство-время предельно малое и пространство-время неограниченно большое — есть то новое и по существу то основное, что внесла научная мысль XX в. в историю и в мысль человечества.

К ранее известной области человеческой жизни (ноосферы), в которой до сих пор шло развитие науки, прибавились две новые, резко от нее отличные, — мир просторов Космоса и мир атомов и их ядер, по отношению к которым приходится, по-видимому, коренным образом менять основные параметры научного мышления — константы физической реальности, с которыми мы количественно сравниваем все содержание науки.

- ВОПРОСЫ**
- 1) Почему ноосфера не кратковременное и не преходящее явление?
 - 2) Как соотносятся биосфера и ноосфера?

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Готтлоб Фреге (Frege, 1848—1925) — выдающийся немецкий философ и математик, автор основополагающих работ в области логической семантики. В статье «Смысл и денотат» (Über Sinn und Bedeutung, 1892)

он вводит разграничение между смыслом и значением знака. Понимание «смысла» знака у Г. Фреге можно соотнести с современными трактовками вербально выраженного концепта.

ОСНОВНОЙ ТРУД

Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика: Сб. научных статей. М., 1997. С. 352—361, 379; Вып. 35.

Г. Фреге. СМЫСЛ И ДЕНОТАТ

(...) знак как таковой... может мыслиться не только в связи с обозначаемым, то есть с тем, что можно было бы назвать денотатом знака [Bedeutung], но и в связи с тем, что мне хотелось бы назвать смыслом знака [Sinn]; смысл знака — это то, что отражает способ представления обозначаемого данным знаком. (...) денотат выражений *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда* одинаков, но смысл разный.

(...)

В идеале соответствие между знаками, смыслами и денотатами должно быть устроено таким образом, чтобы всякому знаку всегда соответствовал один определенный смысл, а всякому смыслу, в свою очередь, всегда соответствовал один определенный денотат; в то же время денотату (вещи) может соответствовать не один смысл, а несколько, и один и тот же смысл может выражаться разными знаками не только в разных языках, но и пределах одного и того же языка. Разумеется, в действительности указанное соответствие часто нарушается. Как было только что сказано, в идеальной знаковой системе всякому выражению должен соответствовать только один определенный смысл; однако естественные языки далеко не всегда удовлетворяют этому требованию: редко бывает так, чтобы слово всегда имело один и тот же смысл в разных контекстах. Далее, хотя можно предполагать, что любому грамматически правильному выражению, выступающему в роли имени собственного, всегда соответствует некоторый смысл, вовсе не всякому смыслу соответствует некоторый денотат. Например, выражение

(3) *наиболее удаленное от Земли небесное тело*

имеет вполне определенный смысл, но вряд ли у него есть денотат.

Выражению

(4) *ряд, сходящийся медленнее любого другого ряда,*

также соответствует некоторый смысл, но денотата оно не имеет, так как можно доказать, что для любого сходящегося ряда найдется еще медленнее сходящийся ряд. Таким образом, даже если смысл имени очевиден, денотата у него может и не быть.

Когда мы употребляем слово обычным образом, его денотат — это то, что мы имеем в виду. Однако иногда нам требуется сказать что-либо о самих словах или об их смысле, например, когда мы передаем чужие слова посредством прямой речи. Тогда прямая речь, то есть произносимые нами слова, обозначает прежде всего «чужие слова» — слова другого лица, и только эти последние имеют обычный денотат. Слова в прямой речи — это знаки знаков. На письме в таких случаях изображения слов [Wortbilder] заключают в кавычки, а изображению слова, заключенному в кавычки, нельзя приписывать обычный денотат соответствующего слова.

Желая говорить о смысле выражения *A*, мы можем прибегнуть к словосочетанию *смысл выражения A*. Например, чтобы сообщить что-либо о смысле сказанного третьим лицом, мы пользуемся косвенной речью. Ясно, что и в этом случае словам, выступающим в косвенной речи, тоже нельзя приписывать их обычный денотат, ибо в роли последнего выступает их обычный смысл. Для краткости мы будем говорить, что в косвенной речи слова выступают в косвенном употреблении и имеют косвенный денотат. Таким образом мы будем различать у слов обычный денотат и косвенный денотат, обычный смысл и косвенный смысл. Косвенный денотат слова совпадает с его обычным смыслом. Возможность косвенного употребления слов надо постоянно иметь в виду при установлении соответствий между знаком, смыслом и денотатом.

Смысл и денотат знака следует отличать от соответствующего этому знаку представления. Если денотат знака — это вещь, данная нам в ощущениях, то мое представление об этой вещи есть внутренний образ, возникший у меня на основе моих впечатлений от этой вещи, а также в результате моей деятельности, физической и мыслительной, связанной с этой вещью⁷. Образ представления

⁷ Мы можем объединить представления с восприятиями, для которых впечатления и акты поведения выступают вместо отпечатков, оставляемых ими в сознании. Для нас различие между представлениями и восприятиями несущественно,

часто бывает пропитан эмоциями, отдельные его части могут быть более или менее расплывчатыми. Более того, не всегда, даже для одного человека, определенное представление связано только с одним смыслом. Представление (внутренний образ) всегда субъективно — оно меняется от человека к человеку. Отсюда проистекает многообразие различных представлений, сопряженных с одним и тем же смыслом. У художника, наездника и зоолога с именем *Буцефал* будут связаны, вероятно, очень разные представления. Этим представление существенно отличается от смысла знака, который может быть общим достоянием, а не просто частью опыта одного человека. Именно благодаря смыслам знаков человечество сумело накопить общий багаж знаний и может передавать его от поколения к поколению⁸.

Очевидно, что смысл можно рассматривать сам по себе, то есть можно говорить о смысле как таковом, в то время как, говоря о представлении, необходимо уточнять, кому именно оно принадлежит и к какому времени относится. На это можно было бы возразить следующее: если считать, что разные люди могут связывать с одним и тем же словом разные представления, то почему не считать, что разные люди связывают с одним словом разные смыслы? Однако здесь есть отличие, состоящее в том, что указанные связи имеют разную качественную природу. Разные люди могут одинаково воспринимать один и тот же смысл, однако одинаковых представлений у разных людей быть не может. *Si duo idem faciunt, non est idem* (даже если два человека представляют себе одно и то же, у каждого будет свое собственное представление). Хотя иногда и удается уловить разницу между представлениями или восприятиями разных людей, точное сравнение представлений невозможно, так как разные представления нельзя иметь одновременно в одном сознании.

Денотат собственного имени — это, как мы уже говорили, сама вещь, которую оно обозначает. Что же касается представления,

тем более что в общую картину действительности, наряду с самими ощущениями и актами поведения, входят воспоминания о них. При этом восприятие можно рассматривать также и как вещь, поскольку вещи воспринимаются органами чувств и носят пространственный характер.

⁸ Поэтому нецелесообразно употреблять слово «представление» для столь разных понятий.

связанного с данным именем, то оно абсолютно субъективно. Между денотатом и представлением располагается смысл — не столь субъективный, как представление, но и не совпадающий с самой вещью, то есть с денотатом. Поясним это соотношение следующим примером. Допустим, что некто смотрит на Луну в телескоп. При этом имеют место два реальных изображения Луны: первое образуется на линзах внутри телескопа, а второе — на сетчатке глаза наблюдателя. Тогда саму Луну можно сопоставить с денотатом, первое изображение Луны — со смыслом, а второе — с представлением (или восприятием). Верно, что изображение в телескопе является односторонним и зависит от расположения телескопа, тем не менее оно вполне объективно, поскольку его могут одновременно воспринимать несколько наблюдателей. Однако изображение Луны на сетчатке глаза у каждого будет свое. В силу разного строения глаз, вряд ли можно ожидать даже геометрического подобия изображений на двух разных сетчатках, а их полное совпадение совсем исключено. Наше сравнение можно было бы продолжить, предположив, что X может увидеть сетчатку глаза Y-а, или же что X может увидеть свою собственную сетчатку в зеркале. Таким образом, можно было бы показать, что и само представление может рассматриваться как вещь, то есть как предмет наблюдения. Заметим, однако, что представление в этом своем новом качестве воспринимается наблюдателем совсем не так, как оно воспринимается непосредственно субъектом представления. Впрочем, продолжение этого сравнения может завести нас слишком далеко.

Итак, можно усматривать три степени различия между выражениями (словами, словосочетаниями и целыми предложениями): различие затрагивает либо только представление, либо смысл, но не денотат, либо, наконец, и смысл и денотат. Поскольку слово не имеет четкой связи с представлением, для первой степени могут существовать различия, улавливаемые одними, но не замечаемые другими говорящими.

Разница между переводом и оригиналом не должна, вообще говоря, выходить за пределы первой степени различия. Сюда же относятся различные нюансы и разная стилистическая окраска, которые придаются смыслу в поэзии и вообще в художественном тексте. Эти нюансы не объективны: читатель или слушатель дол-

жен сам воссоздавать их для себя по «намёкам» поэта или оратора. Если бы представления разных людей не были в достаточной степени сходны, словесное искусство, видимо, не могло бы существовать. Однако точно установить, насколько представления читателей отвечают замыслам автора, невозможно.

(...)

Для удобства дальнейшего изложения условимся говорить, что собственное имя (слово, знак, сочетание знаков, выражение) выражает свой смысл и обозначает, или называет, свой денотат.

Идеалисты и скептики, по-видимому, уже давно хотят возразить мне: «Можно ли так просто говорить о Луне как о предмете? Откуда известно, что у имени Луна есть денотат, и более того — что вообще у какого бы то ни было имени есть денотат?» На это у меня есть ответ: когда мы произносим слово Луна, мы не имеем в виду обсуждать наше представление о Луне и не готовы удовлетвориться лишь смыслом этого слова; говоря о Луне, мы тем самым предполагаем, что соответствующий денотат существует. Утверждать, что в предложении

(5) *Луна меньше Земли*

речь идет о чем-либо представлении о Луне, значит не считается со смыслом этого предложения. Если бы говорящий имел в виду свое представление о Луне, он употребил бы выражение *мое представление о Луне*. Наше предположение о том, что у имени *Луна* есть денотат, может, конечно, оказаться неверным — такое уже случалось в истории науки. Однако на вопрос о том, не является ли вообще ошибочным предположение о наличии денотатов у каких-либо имен, можно и не отвечать. Достаточно сослаться на наше намерение говорить или рассуждать именно о денотате знака (делая при этом оговорку: если, конечно, таковой существует).

До сих пор мы занимались смыслом и денотатом только таких выражений, слов и знаков, которые мы определили как собственные имена. Займемся теперь вопросом о смысле и денотате целого повествовательного предложения. Такое предложение всегда содержит (выражает) некоторое суждение [*Gedanke*]. Должны ли мы рассматривать это суждение как смысл или как денотат соответствующего предложения? Предположим, что у данного предложения есть денотат. Заменим в нем некоторое слово на другое слово с тем же денотатом, но с другим смыслом; это никак не должно

повлиять на денотат предложения в целом. Мы увидим, однако, что выражаемое предложением суждение изменится: так, например, в предложениях

(6) *Утренняя звезда — это небесное тело, освещаемое солнцем*

и

(7) *Вечерняя звезда — это небесное тело, освещаемое солнцем*

выражены разные суждения. Если не знать, что *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда* суть имена одного и того же небесного тела, то одно суждение можно считать истинным, а другое ложным. Таким образом, суждение нельзя считать денотатом предложения; его надо рассматривать как смысл предложения. Но что же тогда считать денотатом предложения? И вообще, имеется ли у предложения какой бы то ни было денотат? Может быть, у предложения в целом есть только смысл, но нет денотата? Во всяком случае, можно ожидать, что найдутся предложения, которые — так же как и некоторые их части — имеют смысл, но не имеют денотата. К ним относятся, например, предложения, которые содержат собственные имена, не имеющие денотата.

(...)

Денотатом [Bedeutung] предложения является его истинностное значение [Wahrheitswert], а смыслом [Sinn] — некоторое суждение [Gedanke].

(Пер. Е.Э. Разлоговой)

ВОПРОСЫ 1) Что такое денотат?

2) Как соотносятся смысл и значение?

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Михаил Михайлович Бахтин (1895—1975) — выдающийся русский философ и филолог, создал ряд принципиально новых концепций, охватывавших проблемы теории и истории культуры. Михаил Бахтин родился в Орле. Он происходил «из семьи дворянской и очень древней» (Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М., 1996). Бахтин учился в Виленской гимназии, в Одесском университете, а затем — на классическом отделении историко-филологического факультета Петербургско-

го университета. В круг друзей М.М. Бахтина входили литературовед Л.В. Пумпянский, философ-неокантианец М.И. Каган, пианистка М.В. Юдина. Учениками М.М. Бахтина были П.Н. Медведев, автор книги «Формальный метод в литературоведении» (1928), и В.Н. Волошинов, опубликовавший работу «Марксизм и философия языка» (1929).

Арестованный и сосланный в Казахстан, М.М. Бахтин лишь чудом остался в живых. Он был лишен возможности жить в Москве, Ленинграде и других крупных городах. Долгие десятилетия Бахтин преподавал литературу в средней школе и в Саранском педагогическом институте. Ученый так и не смог защитить докторскую диссертацию, посвященную творчеству Ф. Рабле и народной культуре Средневековья и Ренессанса. Лишь в самом конце жизни он получил возможность переехать в Москву.

Центральной идеей, объединяющей труды М.М. Бахтина, является диалог (диалогические отношения). По мнению философа, «подлинное понимание всегда исторично и персонифицировано».

М.М. Бахтина интересует не языковое предложение, а речевое высказывание, причем «...границы каждого конкретного высказывания... определяются сменой речевых субъектов». Ученый ставит проблему «чужого» слова, «чужой речи». Соответственно и произведение он воспринимает как «звено в цепи речевого общения», направленное на «активное ответное понимание».

Диалог автора с героем моделирует отношения между произведением и читателем. М.М. Бахтин разрабатывает представление об идеальном читателе, «лазеечном адресате», который может принадлежать «большому времени».

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ М.М. БАХТИНА СФОРМУЛИРОВАНЫ В КНИГАХ: Проблемы поэтики Достоевского (1972); Вопросы литературы и эстетики (1975); Эстетика словесного творчества (1979); Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса (1965).

М.М. Бахтин. К МЕТОДОЛОГИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу.
(...)

Смысл не может (и не хочет) менять физические, материальные и другие явления, он не может действовать как материальная сила. Да он и не нуждается в этом: он сам сильнее всякой силы, он меняет тотальный смысл события и действительности, не меняя ни йоты в их действительном (бытийном) составе, все остается как было, но приобретает совершенно иной смысл (смысловое преобразование бытия). Каждое слово текста преобразуется в новом контексте.

(...)

Смысл персоналистичен: в нем всегда есть вопрос, обращение и предвосхищение ответа...

Даже *прошлые*, то есть рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конечными) — они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога, по ходу его они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде.

ВОПРОСЫ 1) Почему смысл зависит от контекста?

2) Почему смысл персоналистичен?

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ _____

Алексей Федорович Лосев (1893—1988) — выдающийся русский философ и филолог, знаток античной культуры. Под воздействием Платона и неоплатоников разрабатывал универсальные модели бытия и мышления.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

История античной эстетики. Т. I—VIII. М., 1963—1994.

Имя. СПб., 1997.

Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1990. С. 55—56.

А.Ф. Лосев. ФИЛОСОФИЯ ИМЕНИ

Если мы возьмем греческое слово... «истина», то в нем кроме отвлеченного и общего значения «истина» (как в латинском *veritas*

или в русском «истина») есть еще момент, характерный именно для психологии греческого мироощущения, так как буквально это слово значит «незабываемое», «незабвенное», а следовательно, «вечное» и т.д.

Предметная сущность этого слова — истина. Но каждый народ переживает этот предмет по-разному, выделяет в нем разные, смотря по собственному интересу и потребностям, моменты. Так, в греческом подчеркивается «незабвенность», в латинском подчеркивается момент доверия, веры и т.д. Все эти различия по-разному оформляют и определяют общее значение предметной сущности истины...

Одно и то же предметное содержание слова разные народы понимают по-разному, в сфере народа — по-разному понимают разные индивидуумы, в сфере индивидуума — понимание разнится по разным временным моментам и условиям. Сейчас я это слово произнес с гневом, в другой раз — с лаской, в третий раз я его просто незаметно пробормотал, в четвертый — внес в него какой-нибудь особенный подчеркнутый смысл, и т.д. и т.д.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Леонид Болеславович Лихтерман (р. 1931) — профессор Института нейрохирургии им. Бурденко РАМН, лауреат Государственной премии РФ, автор основополагающих трудов по нейрохирургии и неврологии.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Лихтерман Л.Б. Ультразвуковая томография и тепловидение в нейрохирургии. М., 1983.

Konovarov A.N., Likhberman L.B., Potapov A.A. I Traumi Cranio-Encephalici. Modena, 1995.

Лихтерман Л.Б. Черепно-мозговая травма. М., 2003.

Лихтерман Л. О смысле жизни // Медицинская газета. № 97. 14.12.2005. С. 3.

Леонид Лихтерман. О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Студент Миша — 18-летний сын моих друзей — недавно спросил меня: «В чем смысл жизни?» Перед этим вопросом в застоль-

ной беседе мы говорили о всеядной, всепроникающей и всепронизывающей коррупции. Миша с юношеским максимализмом утверждал, что за деньги можно добиться всего.

...Я впервые задумался о смысле жизни, когда был подростком, в военные годы. Стал искать его. В 1946 году, едва мне исполнилось 14, вступил в комсомол, где отличился как агитатор. Маленький, щуплый замухрышка умел, однако, четко и убедительно излагать коммунистические идеалы. Но вопрос о смысле жизни продолжал меня мучить. На семинарах агитаторов я обращался с ним к секретарям Ялтинского горкома ВЛКСМ, но они под тем или иным предлогом уходили от ответа.

Время шло. Я окончил школу и институт. Накапливался жизненный и профессиональный опыт. Наконец, когда я посolidнел, обрел докторскую степень и стал вхож в круг профессуры, решил задать мучивший меня вопрос мэтрам неврологии и нейрохирургии. Меня поразили краткость, простота и разнообразие письменных ответов: «Смысл жизни в труде», «в любви», «в вере», «в науке», «в детях» и так далее, и так далее — были перебраны почти все человеческие добродетели и занятия. 90-летний основоположник количественной неврологии профессор Самуил Михайлович Блинков сказал, что смысл жизни в оптимизме, а превосходивший его по возрасту основоположник нейрохирургии профессор Исаак Савельевич Бабчин заявил, что смысл жизни в том, чтобы жить.

Я успокоился и перестал искать смысл жизни, ибо понял, что он многогранен, индивидуален и бесконечен как сама жизнь. А для себя решил, что главное в жизни — это добрые дела, которые творишь, пока живешь.

(...)

Т е м а 3. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *культура, система, диалектика, прямые и обратные связи, инвариант, вариант, производение, продуцирующий субъект, преклоняющийся субъект, производитель, артефакт, потребитель, традиция, реальность, корреляция, нелинейная, диссипативная структура, открытость, нестабильность, нелинейность, флуктуация, бифуркация.*

Мысль о соотношении природного и культурного миров, о взаимосвязи биосферы и ноосферы всегда волновала человечество. С развитием понятия цивилизации в эпоху Просвещения особое внимание уделяется разумной деятельности человека, осмысленно преобразующего природу. Так, *Джон Локк* (Locke, 1632—1704) — английский философ-просветитель и естествоиспытатель, автор «Опыта о человеческом разумении» (1690), ставит вопрос о соотношении природы, деятельности человека и смысла этой деятельности. Вспоминая уже приведенное современное определение культуры как «природы, которую пересоздает человек, утверждая себя посредством этого в качестве человека», мы можем реконструировать так называемый «треугольник Локка». Треугольник Локка имеет своими вершинами природу, технику, семиотику. Культура у Локка — синоним общества.

Природа, очеловеченная трудом ради какой-то цели, — та природа, с которой человек вступает в отношения, в своеобразный диалог. Техника у Локка (от греч. *techne* — искусство, мастерство) — не обязательно машины или орудия какой-то отрасли производства, но техника в общем смысле — накопленные человечеством в процессе развития умения и навыки. Семиотика — знаковая система, обозначающая смысл этой деятельности¹. В таком описании так называемый треугольник Локка не только общество, но и культура. Общество существует, пока оно осмысленно, пока оно не потеряло связи с природой и продолжает творить, пока оно сохраняет память. Утратившие память цивилизации, сколь бы ни был в свое время высок их технический уровень, мертвы. Треугольник Локка являет самое общее представление о культуре как системе. В этой системе есть связи. Ее целое больше суммы составляющих элементов. Есть и необходимая для системы иерархичность. Но в ней еще нет необходимого для построения системы «культура» акцентированного разграничения на материальные и духовные аспекты, нет диалектики — необходимости прямых и обратных связей.

Эта гениальная мысль принадлежит другому философу — Г.В.Ф. Гегелю. Через сто лет после Локка, опираясь на теорию развития, Гегель создал свой диалектический метод. Обратившись к категории «искусство», Гегель заметил, что искусство «распадается на произведение, имеющее характер внешнего, обыденного наличного бытия, на субъект, его продуцирующий, и на субъект, его созерцающий и перед ним преклоняющийся»².

¹ Локк Д. Избранные философские произведения: В 2 т. М., 1960. *Рождественский Ю.В.* Введение в культуроведение. М., 1999. С. 15—16. В трактовке Ю.В. Рождественского так называемый «треугольник Локка» выглядит несколько иначе:

Это связано с разными задачами, которые ставят перед собой автор «Введения в культуроведение» и авторы «Межкультурной коммуникации». Представляется, что принципиального расхождения здесь нет.

² Гегель Г. Сочинения: В 15 т. Т. VII. М.; Л., 1934. С. 216.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (Hegel, 1770—1831), выдающийся немецкий философ, представитель объективного идеализма. Опираясь на понятие «развитие» Гегель создал теорию диалектики. Внутренним источником развития у Гегеля выступает противоречие, которое понимается как восхождение от абстрактного к конкретному. Противоречие Гегель описывает с помощью триады: тезис — антитезис — синтез. Рассматривая искусство, философ выделяет триаду, фиксирует двойственность художественного произведения, имеющего материальный и идеальный аспекты. Воспринятый читателем или зрителем артефакт обретает свое инобытие в произведении искусства. Одним из первых Гегель подчеркивает значимость диалога сознаний. Основные идеи Гегеля изложены в «Феноменологии духа» (1807), «Энциклопедии философских наук» (1817), литературе и искусству посвящена «Эстетика» (Т. 1—4).

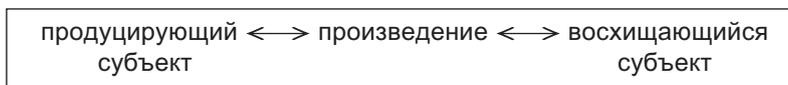
При этом произведение может быть не только новеллой, оперой, скульптурой или любым другим произведением искусства, но и сельскохозяйственной машиной или сложной компьютерной программой. В нашем случае существен не характер произведения, а то, что оно названо Гегелем в его триаде первым, т.е. главным, поскольку именно через него осуществляется связь между творцом и потребителем, который должен «преклоняться» перед произведением, иметь в нем потребность. Крестьянину, обрабатывающему огород примитивным способом, нет нужды в компьютере, а составляющему прогноз поведения финансовых рынков программисту не нужны грабли. В обоих случаях — и компьютер, и грабли — бессмысленны, не включены в коммуникативную цепь, не рассматриваются потребителем как предмет «восхищения» и не обнаруживают потому свойств предметов культуры.

Если произвести подстановку, обозначив вместо одного произведения бесконечный ряд предметов культуры, то и ряды производителей и потребителей тоже уйдут в бесконечность. Производителем может быть Гомер, Шекспир, Гёте... Кундера, Акунин, живущие сегодня в любой стране и жившие столетия назад, а глобально — народы, этносы, расы, производящие бесчисленное количество объектов культуры, имеющих значение и смысл для читате-

лей, живущих, быть может, совсем в другое время и «восхищающихся» произведениями ведомых или неведомых творцов. Отсюда становится понятным гегелевское определение: «Культура представляет собой имманентный момент абсолютного и обладает своей бесконечной ценностью»³. Бесконечная ценность культуры есть ее инвариант, ее общее определение. Но в мысли Гегеля не менее значим и другой оттенок. Определение «имманентный» (от лат. *immanens* — присущий) означает свойство явления, проистекающее из его природы. В культуре это способность к коммуникации. Именно в культуре и коммуникации заложена возможность бесконечного расширения, диалога, прямых и обратных связей. Гегелевское определение содержит ответ на один из самых сложных вопросов: что можно считать произведением искусства, а что является только подделкой ловкого ремесленника, миражом «потребляющего субъекта», принимающего за шедевр картину, сонату, скульптуру, роман или архитектурное сооружение, которые могут быть названы лишь образцами плохого или неразвитого вкуса. Вопрос этот тревожит всех потребителей искусства.

По мысли Гегеля, ответ кроется лишь в субъективной оценке ценителя. Если он «преклонился», произведение для него становится произведением искусства. Другое дело, что для сторонних наблюдателей оно таковым не является, и чтобы избежать ошибки, не доверяя себе, потребитель искусства ищет подтверждения своему преклонению в общепринятом мнении, отмеченном знаком, которым может быть оценка специалиста, традиция, мода, имя известного художника, а то и просто цена.

Гегелевскую триаду можно представить схемой:

В иных терминах, позволяющих обобщить и приблизить к социологии приведенную схему, она будет выглядеть как

³ Гегель Г. Сочинения: В 15 т. Т. VII. М.; Л., 1934. С. 216.

При огрублении и известном упрощении обратим внимание на то, что сохранены главные свойства ряда: центральное место произведения — артефакта и наличие прямых и обратных связей. Присутствие трех элементов в системе Гегеля не делает эту систему простой. Каждая из частей, в свой черед, является сложной системой, содержащей бесконечное множество составляющих.

Остановимся подробнее на компонентах гегелевской триады: «продуцирующий субъект» — автор, художник, ремесленник — творец — реальный человек, но он же «субъект сознания», способный «родить» идею, прежде чем она воплотится в материи. Но эти двойные «роды» могут и не состояться. Художника покинуло вдохновение или настигла болезнь. Замечательный русский пейзажист Ф. Васильев умер в двадцать три года от чахотки в Крыму. Стремительный рост таланта М. Лермонтова прервала дуэль. Он погиб. Можно вспомнить и более простые — технические или бытовые примеры. Новая модель автомобиля так и осталась в чертежах конструкторского бюро. Сверхзвуковой авиалайнер не был запущен в серийное производство. В гомеровском эпосе верная Пенелопа не завершила своей работы, так и не соткала полотно. В многовариантности приведенных причин решающую роль играет случай, вторгающийся в жизнь и диктующий ей свои законы. Но случай этот глобально, в пределе закономерен. Ибо как сказал А. Блок, «...нас всех подстерегает случай // Над нами сумрак неминучий // Иль ясность Божьего лица». В строках поэта над хаосом случайностей стоит общефилософский закон — неминучей смерти или оглядки на Бога, дарующего идею бессмертия. Этот общий закон может быть определен как высший Смысл — «одна из самых трудных для философии категорий»⁴.

Из возможных подходов к пониманию культуры мы избираем системный подход. Существует множество определений понятия «система», но создание строгого определения, которое могло бы стать общепринятым, — дело будущего. Упрощая представления о системе, здесь можно воспользоваться той ее

⁴ Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982. С. 236.

дефиницией, которая вошла в справочную литературу, изданную на русском языке: «Система (от греч. *systema* — целое, составленное из частей; соединение), совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство»⁵. Единство, внутреннее содержание и есть смысл. К основным особенностям систем относятся *целостность* — принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов; *структурность* — возможность описания системы через установление ее структуры, т.е. сети связей и отношений; обусловленность поведения системы не столько поведением ее отдельных элементов, сколько свойствами ее структуры; *взаимозависимость системы и среды* — система формирует и проявляет свои свойства в процессе взаимодействия со средой, являясь при этом ведущим компонентом взаимодействия; *иерархичность* — каждый компонент системы, в свою очередь, может рассматриваться как система, а исследуемая в данном случае система представляет собой один из компонентов более широкой системы; *множественность описания каждой системы* — в силу принципиальной сложности каждой системы ее адекватное познание требует построения множества различных моделей, каждая из которых описывает лишь определенный аспект системы. В этом далеко не полном перечне особенностей систем особое место принадлежит *целостности*. Ее атрибутом является *системное*, или *интегративное, качество*, присущее данной системе. Оно порождается взаимодействием ее элементов и ведет к появлению таких свойств элементов, которые эти элементы утрачивают, пребывая в составе иных систем.

Системный подход сложился лишь во второй половине XX в., когда ученые — физики, химики, биологи, термодинамики — подошли вплотную к идее поисков интеграции между разными областями знаний. Разработка современной теории систем связана с именем Людвиг фон Берталанфи.

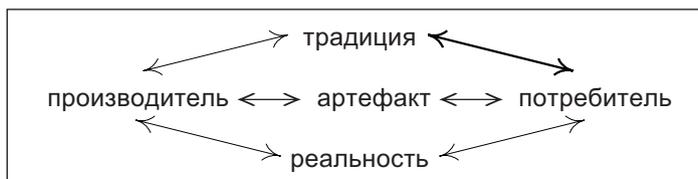
Системный подход применяется сегодня в математике, кибернетике, социологии, теории информатики, языкознании и множе-

⁵ Философский энциклопедический словарь. М., 1989. Советский энциклопедический словарь. М., 1981. С. 1225.

стве других наук. В последние годы он используется в лингвистике, литературоведении и теории межкультурной коммуникации. Сложность состоит в том, чтобы выстроить иерархию уровней системы и отделить «суммативное множество» от множества системного. Это особенно трудно сделать в так называемых нелинейных системах, в которых отношения причин и следствий сопротивляются законам формальной логики. Но даже в так называемых суммативных множествах, где элементы на первый взгляд не связаны между собой — в куче камней на поле, в толпе на площади, в рое насекомых или в гряде облаков — при глубинном изучении обнаруживается связь. В их сближении есть смысл. Камни сложил человек, готовящий поле для урожая. Толпа собралась ради политической демонстрации или на праздник. Насекомые организованы инстинктом. Тучи собираются к дождю. Современный ученый, один из основоположников системного подхода и синергетики, Илья Пригожин признавался, что долго искал пример суммативного множества и нашел его лишь в бездумном подбрасывании рукой человека камешков на морском берегу. Но и этот пример он же признал не вполне корректным. Как сказал Берталанфи, «системы повсюду».

Системой можно назвать и культуру в целом, имея в виду общее определение — ее инвариант. Инвариантом называют «определяющий момент» системы, способный сохраняться при ее определенных преобразованиях⁶. Обращаясь к определению культуры как к природе, которую пересоздает человек, утверждая себя посредством этого в качестве человека, мы можем назвать это определение инвариантным. Тогда вариантами культуры выступят различные формы этой деятельности — расчистка леса с целью создания плодородного поля, строительство крепости из камня, создание пещерных городов в Чуфут-Кале или Мангупе, строительство храма Покрова на Нерли или Собора Парижской Богоматери, фрески Дионисия в Ферапонтове, словарь «Живого Великорусского языка» В.И. Даля, творчество А.С. Пушкина. При бесконечном разнообразии произведений культуры, называемых сухим словом «артефакт», все они могут быть представлены в одной и той же системе:

⁶ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 211.

Отдельные виды культуры — ее варианты. В иной терминологии их можно назвать фракталами.

Фракталы — варианты культуры

Фракталами называют объекты, обладающие свойством самоподобия (масштабной инвариантности), проявляющегося в том, что меньший фрагмент структуры такого объекта подобен большему, а большой фрагмент структуры подобен структуре объекта, взятого в целом. Так, академик В.П. Маслов, один из создателей новой науки «эконофизики», пишет: «Эффект курса пробоя акций математически аналогичен эффекту фонтанирования сверхтекучего гелия при нагревании капилляра...». При всех отличиях поведения финансовых рынков от поведения сверхтекучего гелия процессы эти фрактальны. Обратившись к совсем другой сфере, мы можем заметить, что и в приведенной схеме автор и произведение, произведение и читатель фрактальны. Дистантной фрактальностью обладают соединенные произведением автор и читатель, если читатель понял произведение. Фрактальны также конструктор машины и ее пользователь, продавец и покупатель, власть и народ, язык и культура... Их объединяет смысл. Инвариант есть смысл.

Инвариант и вариант фрактальны, т.е. меньший фрагмент структуры таких объектов подобен большему. Именно об этом фактически писал Гегель, предугадавший фрактальную природу искусства, ибо «...как бы ни был велик тот интерес, то содержание, которые поэзия делает центральным моментом художественного произведения, она в равной степени организует и всё малое, — подобно тому как и в человеческом организме всякий член, каждый палец образует изящнейшее целое и как вообще в действительности любое существо представляет замкнутый внутри себя мир»⁷.

⁷ Гегель Георг Вильгельм Фридрих. Эстетика: В 4 т. Т. III / Под ред. Мих. Лифшица. М., 1971. С. 364.

Артефакт

Гегель не случайно назвал «произведение, имеющее характер внешнего, конечного, обыденного бытия» первым в своей триаде, хотя по логике первым в системе «культура» стоит производитель, и артефакту отводится место между создателем и потребителем. Но *артефакт* первый, потому что он *главный элемент системы*. Присутствие артефакта позволяет говорить о том, что культура есть преобразование человеком природы с целью проявить себя в статусе человека, творца, homo sapiens. С развитием цивилизации количество артефактов растет в геометрической прогрессии, заполняя культурный мир. Невостребованное потребителем произведение из этого мира уходит.

С артефактами происходят удивительные вещи. Они то входят в систему «культура», то выходят из нее и спустя время опять возвращаются. Так, амфора в музее, старый примус на витрине супермодного магазина, первая модель автомашины в коллекции миллионера свидетельствуют, что у них нашелся ценитель, вернувший им смысл и имя артефакта. Именно *благодаря артефакту система «культура» становится центрированной системой*. Через артефакт осуществляется коммуникация в системе «культура».

Автор-производитель и потребитель

Судьбу артефакта определяют автор и потребитель, стоящие на входе и выходе системы «культура». Связанные наличием артефакта, только благодаря ему они получают собственный статус. С другой стороны, судьбу артефакта определяет диалог их сознаний. Так, современный городской житель не знает, как правило, для чего предназначено веретено, которым пользовались многие поколения крестьянок. Веретено выпало из системы и потеряло смысл. В этом случае артефакт либо не будет использован потребителем, либо будет использован совсем не так, как предполагал его создатель. Универсальным артефактом являются деньги. При режиме Пол Пота в Кампучии деньги были отменены и утратили смысл. Традиционная финансовая система взаимосвязей автора, производителя и потребителя оказалась искусственно разорванной.

В системе «культура» артефакт чрезвычайно важен. И в практической жизни с неизбежностью вытекает потребность в многочисленных «инструкциях по применению» и «указаниях к использованию», которые прилагаются к новым приборам, механизмам и т.п. в технике.

Если артефакт оказывается невостребованным потребителем, его производство прекращается. Закрывается завод, производящий марки автомобилей, которые больше не пользуются спросом. Забываются произведения на некогда актуальную тему. Артефакты диктуют моду и уничтожаются новой модой. Архаизмы в языке — аналоги таких вышедших из употребления артефактов. И все они зависят от той реальности, которая определяет бытование системы «культура».

Традиция и реальность

Артефакт создается с учетом традиции. Предшественников имел и гениальный изобретатель колеса, и ткач в средневековом городе, и создатели готического собора, конструкторы роллс-ройса и гиперзвуковых ракетных комплексов. Когда герой рассказа Чехова несчастный мальчик Ванька Жуков писал «на деревню дедушке», он помнил о сельском этикете эпистолярной прозы. И все мы, начиная письмо, тоже учитываем *культурную традицию*. И виртуальная переписка в сети Интернет тоже порождает свою традицию, систему узнаваемых символов и знаков. Традиция эта определяет характер артефакта. Самое ее нарушение дает знак потребителю, что он имеет дело с созданием какой-то новой традиции, не отменяющей полностью сложившуюся. Создатели кубизма художники Брак и Пикассо, ломая привычные, ренессансные каноны живописи, использовали традиции негритянской скульптуры. И писали свои полотна они на холсте и красками, как это делали до них поколения живописцев. Архитекторы-конструктивисты, совершая революцию в архитектуре и заменяя прежнюю систему несущих конструкций железобетонными столбами, не отменили взаимосвязи функциональных и эстетических начал, пользы, прочности и красоты, провозглашенной еще в античности и сохраняющей свое значение сегодня.

Культурная традиция и экстракультурная реальность — сферы существования системы «культура», ее внешняя среда. Та же революция в архитектуре, о которой только что шла речь, была обусловлена реальными потребностями жизни, ростом городов с их заводами и вокзалами, необходимостью предоставить жилье сотням тысяч вчерашних крестьян, переселяющихся в города. Реально существующий рынок диктует производителю темп и качество создания артефактов, использование новых материалов. Всем известно выражение — «спрос определяет предложение». Тысячью нитей связан артефакт с обстоятельствами реальной действительности.

Реальность — момент абсолютного бытия, меняющаяся в разной этнокультурной среде, в каждый исторический период, сегодня, ускользающая в прошлое и обещающая день завтрашний. Это возникновение можно услышать даже и в обиходном языке. Речь погружается в жизнь, порождая новые смыслы: «Одно и то же предметное содержание слова разные народы понимают по-разному, в сфере народа — по-разному понимают разные индивидуумы, в сфере индивидуума — понимание разнится по разным временным моментам и условиям. Сейчас я это слово произнес с гневом, в другой раз — с лаской, в третий раз я его просто незаметно пробормотал, в четвертый — внес в него какой-нибудь особенный подчеркнутый смысл, и т.д. и т.д.»⁸.

Изменчива и традиция. Сохраняя в течение долгого времени устойчивые признаки и черты, она способна резко меняться. На протяжении столетий русская икона сохраняла верность канону. В XVII столетии с повышением интереса к материальной стороне жизни изменились сюжеты русских икон, в них появляются исторические детали. На фресках Ильинской церкви в Ярославле появляются сцены жатвы, бытовые эпизоды, иноземные послы... Традиция не прямо связана с модой, но ее влияние она испытывает. Все изменения в культуре существуют не сами по себе. Они взаимозависимы, элементы системы «культура» соединены прямыми и обратными связями. Все они, в свою очередь, являются сложными системами.

Никакой создатель культурных ценностей не начинает деятельность с «чистого листа». Гончар уже знаком с гончарным кру-

⁸ Лосев А. Ф. Философия имени. М., 1990. С. 56.

гом. У виртуоза-скрипача есть ноты и музыкальный инструмент. Первые земледельцы и охотники на земле тоже знали традиции своего дела, уходящие в бесконечную даль времен. Они ориентировались на традицию, *традиция* влияла на них, как влияла и влияет она на потребителя, сверяющего свои представления о культурной ценности продукта с известными ее качествами: надежность, полезность, красота. И с изменением потребностей и вкусов потребителя меняется традиция, чему можно привести тысячи примеров из самых разных областей техники, ремесла, искусства. Меняется реальность. Меняется продукт. Меняется производитель. Лотмановский водораздел «культурное — некультурное» пролегает в сфере социально-исторической и психологической. Герои популярной телепередачи «Окна» еще совсем недавно были невозможны на Центральном телевидении.

Корреляция в системе «культура»

В цепи элементов «производитель — артефакт — потребитель» есть два отношения: (1) «производитель — артефакт» и (2) «артефакт — потребитель», имеющих общий для них член «артефакт»:

Производитель	Артефакт
— (1) —	— (2) —
Артефакт	Потребитель

Отношение «производитель — артефакт» зафиксировано в артефакте, а потому константно. Отношение «артефакт — потребитель» подвержено изменениям в силу неоднородности потребителей и разнообразия условий, в которых осуществляется потребление артефакта. Эти два отношения связаны между собой корреляцией.

Корреляция — вероятностная или статистическая зависимость. В отличие от функциональной зависимости, которая является частным случаем корреляции, *корреляция возникает тогда, когда зависимость одного свойства от другого осложняется наличием случайных признаков.*

Первое отношение — «производитель — артефакт» константно в силу единичности акта творения: оно может лишь отклоняться

от первоначального вида по мере износа артефакта, но утрачивает его лишь в случае сильной деформации или порчи артефакта. Второе отношение — «артефакт — потребитель», напротив, изменчиво в силу неоднородности состава потребителей (в пространстве) и его непостоянства (во времени), обусловленного сменой поколений потребителей. Однако влияние на отношение «артефакт — потребитель» этих поддающихся прогнозированию факторов сочетается с влиянием многих случайных факторов. К последним можно отнести, например, возможности реализации артефакта, платежеспособность потребителя, изменения моды, социальные катаклизмы, войну, землетрясения и т.п.

Один из самых читаемых сегодня писателей Милан Кундера в романе «Невыносимая легкость бытия» говорит о том, что «наша каждодневная жизнь подвергается обстрелу случайностями. Точнее сказать, случайными встречами людей и событий, называемых совпадениями. “Со-впадение” означает, что два неожиданных события проходят в одно и то же время, что они сталкиваются».

Замысел автора создать произведение может не реализоваться или реализоваться самым неожиданным образом в силу не зависящих от автора, случайных обстоятельств, а произведение, имеющее многовековую историю существования, может восприниматься в какой-то период времени отдельными потребителями или даже большинством их как нечто чуждое культуре и ее ценностям.

Приведем еще одну иллюстрацию. Шедевр русской средневековой архитектуры храм Покрова на Нерли (1165 г.) во время разлива реки оказывается со всех сторон окруженным водой. Он мог бы стоять в совсем ином месте или рухнуть, если бы под ним не оказалось слоя тугопластичной юрской глины, чем и воспользовались зодчие, обладавшие пониманием строительной геологии. Случай сыграл решающую роль в судьбе этого храма и в 1784 г., когда игумену Боголюбова монастыря потребовался камень для строительства колокольни и он получил разрешение на разборку древнего здания. От разрушения храм спасло лишь расхождение между игуменом и подрядчиком в цене за эту работу.

То обстоятельство, что зависимость отношения «произведение — потребитель» от отношения «автор — произведение» осложнена действием случайных факторов, делает систему «культу-

ра» неустойчивой — структурой диссипативной (как назвал такие структуры И. Пригожин) или структурой нелинейной (как называл ее Г. Хакен). Этот фактор позволяет говорить о присутствии здесь вероятностной или статистической зависимости. Корреляция может быть более или менее тесной. Применительно к системе «культура» это означает ясно выраженную зависимость отношения «произведение — потребитель» от отношения «автор — произведение». Число, показывающее степень тесноты корреляции, называется коэффициентом корреляции. В целевых системах коэффициент корреляции стремится к единице. Производство человеком продуктов, предназначенных для потребления людьми, — целевая система, в которой интересы производителя могут не совпадать с интересами потребителя.

Из этого следует, что существует не однозначное соответствие отношений, а лишь *тенденция к такому соответствию*, и что проявляться она будет тем явственнее, чем шире — в пространстве и во времени — окажется круг потребителей артефакта. Иначе говоря, если производитель создал высококачественный артефакт, то у этого артефакта больше шансов получить признание потребителя, чем у низкокачественного, и в то же время у высококачественного артефакта меньше шансов оказаться непризнанным, чем у низкокачественного. При этом решающую роль играет время: смена поколений потребителей — это, как правило, и повышение требований к артефакту. Поэтому испытание временем является не только самым суровым, но и самым справедливым экзаменом, который приходится выдерживать претендующим на ценность артефактам.

Корреляция интегрирует цепь элементов «производитель — артефакт — потребитель» в систему, свойства которой не сводимы к сумме свойств составляющих ее элементов. В системе «культура» каждый из элементов названного выше множества приобретает новое для него качество, которым он, будучи взятым вне системы, не обладает. Здесь артефакт, получивший признание потребителя, становится произведением культуры, производитель — автором, а потребитель — ценителем достояния культуры. Система производства и потребления артефактов тоже приобретает новое качество и становится системой производства и потребления культурных ценностей, системой «культура».

Однако вполне возможна система (такие системы существовали и существуют!), в которой нетребовательный потребитель воспринимает артефакт как произведение культуры. Но эта система «квазикультура» имеет крайне низкий коэффициент корреляции, а потому недолговечна. Достаточно измениться вкусам потребителя, чтобы артефакт и система, в которой он функционировал, оказались обреченными на разрушение. Такая судьба постигла, например, многочисленных гипсовых «девушек с веслом», которые еще недавно «украшали» почти все наши парки, имевшие водоемы. «Девушек с веслом», как правило, никто не снимал с пьедесталов. Они рассыпались, когда их перестали ежегодно покрывать масляной краской. Погибнуть может и подлинное произведение культуры, если исчезли его ценители или среди лиц, обладающих властными полномочиями, нет людей, преклоняющихся перед произведениями культуры. Примером тому может служить снос храма Христа Спасителя (1837—1889) в Москве, который был взорван в 1931 г. Однако если артефакт может существовать или уничтожаться, то система «культура» демонстрирует удивительную жизнестойкость в силу присущего ей высокого коэффициента корреляции.

Говоря о возможности функционирования нехудожественных текстов в качестве художественных, Ю.М. Лотман заметил, что бывает случай, когда «писатель создает текст не как произведение искусства, но читатель воспринимает его эстетически (например, современное восприятие сакральных и исторических текстов древних и средневековых литератур)»⁹. Учитывая наблюдение Ю.М. Лотмана о том, что «искусство XX в. принципиально разрешает включать газетный текст в поэзию или иными способами использовать нехудожественные тексты в функции художественных», можно объяснить восприятие в XX—XXI вв. сакральных текстов, исторических сочинений античных авторов и средневековых хроник в роли увлекательного чтения.

В результате корреляции в культуре устанавливаются вероятностные отношения, которые оперируют возможностью событий, но не сводят реальные индивидуальные случаи к выводимому точно предсказуемому следствию. Отсюда пристокает следующее важнейшее свойство культуры.

⁹ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970. С. 347.

Открытая, неустойчивая система

На входе и выходе система «культура» сообщается через производителя и потребителя с окружающей ее средой, становится открытой и неустойчивой. Открытость — свойство живых систем. Нормальное состояние всякой мертвой системы есть состояние устойчивого равновесия, в то время как нормальное состояние всякой живой системы «есть состояние неустойчивого равновесия, в поддержании которого и заключается жизнь»¹⁰. Рассмотрение подобных систем стало объектом особого интереса И. Пригожина. И. Пригожин различает два типа систем: равновесные и диссипативные. Типичным примером равновесных структур он называет кристалл, в котором связи образуются и поддерживаются при незначительном отклонении от равновесия. Диссипативные структуры не равновесны, способны к рассеиванию (см. французский глагол *dissiper*). Системы могут быть с одной или несколькими стационарными состояниями. Чем больше стационарных состояний, тем устойчивее, но и более закрыта система. Типичным примером такой устойчивой системы в культуре может служить, например, французский классицизм. Требования для драматургов трех единств: времени, места и действия, нормативность александрийского стиха, жестких правил игры трагических актеров, соблюдаемых в XVII столетии, оказались отброшенными в эпоху романтизма, когда после революционных событий и изменений в социальной структуре общества изменились вкусы зрителей и читателей, и произошли существенные изменения в искусстве. Достаточно вспомнить так называемую «романтическую битву» в 1830 г. при постановке пьесы Виктора Гюго «Эрнани». Победили вкусы демократической публики.

Флуктуации и бифуркации

Открытость системы означает наличие в ней источников, обмены веществом или энергией с окружающей средой. Нелиней-

¹⁰ Эта гениальная мысль принадлежит физика Я.И. Френкелю. См.: *Евин И.А. Синергетика мозга. М., 2005. С. 6.*

ные системы избирательно реагируют на внешние воздействия, нелинейность указывает на большую зависимость системы от окружающей среды. Воздействие окружающей среды на систему осуществляется через флуктуации. (от лат. fluctuatio — колебания). Флуктуации осуществляются под воздействием реальности и до определенного времени не разрушают систему. Но флуктуации могут привести к ветвлению путей эволюции системы, к бифуркации (от лат. bifurcus — раздвоенный) и появлению кризиса. В качестве примера И. Пригожин приводит ситуацию в России накануне октябрьского переворота. Конец царского режима мог принять различные формы. Ветвь, по которой пошло развитие, была результатом действия множества факторов, таких как отсутствие дальновидности у царя, непопулярность его жены, слабость Керенского, насилие Ленина. Именно эти «флуктуации» обусловили в итоге разрастание кризиса и все последующие события¹¹. Можно привести и другие исторические примеры. Распад Советского Союза мог совершиться по разным сценариям. В августе 1991 г. Белый дом в Москве мог быть взят штурмом. На киевском майдане 2004 г. события могли принять иной, далеко не мирный оборот.

Классические произведения литературы «знают» этот почти традиционный ход, когда процессы флуктуации приводят к ветвлению сюжета, резкому перелому и кризису. В книге «Декамерон» итальянского автора эпохи Возрождения Дж. Боккаччо рассказывается история безнадежно влюбленного дворянина, единственным достоянием которого был сокол. Принимая свою даму и не имея средств достойно угостить ее, он велел подать к столу любимого сокола, чем глубоко тронул ее сердце. Дама изменила к нему свое отношение, вышла за него замуж. И они счастливо прожили жизнь. В теории европейской новеллы момент резкого поворота в сюжете назвали «пунктом сокола». В нашем случае мы можем назвать его моментом бифуркации. Момент бифуркации находим и в рассказе Чехова «Дама с собачкой». Герой рассказа, банковский служащий Дмитрий Дмитрич Гуров, переживший в Крыму романтическое приключение, возвратившись в Москву почти забыл о

¹¹ Пригожин И. Кость еще не брошена. Послание будущим поколениям // Наука и жизнь. № 11, 2002. С. 27.

нем. Он привык к будничному существованию без любви. Но «однажды ночью, выходя из Докторского клуба со своим партнером чиновником, он не удержался и сказал:

— Если б вы знали, с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте!

Чиновник сел в сани и поехал, но вдруг обернулся и окликнул:

— Дмитрий Дмитрич!

— Что?

— А давеча вы были правы: осетрина-то с душком!

Эти слова, такие обычные, почему-то вдруг возмутили Гурова, показались ему возмутительными, нечистыми». Меняется «точка зрения» героя на жизнь. События для героя Чехова приобретают необратимый характер. Южная любовная история оказывается для Гурова трагедией и судьбой. Происходит перелом в его жизни. В рассказе А.П. Чехова словосочетание «почему-то вдруг» вводит момент бифуркации.

С другой стороны, существуют относительно устойчивые состояния, которые как бы притягивают к себе пути развития системы, определяемые разными начальными условиями. Обычно в таких случаях наблюдается ускоренное развитие системы — режимы с обострениями, когда идет лавина новаций. Примером такого ускоренного развития можно назвать происшедшую в бывшем Советском Союзе «перестройку».

Одно и то же событие может порождать бифуркацию, резко расходящиеся по отношению к добру и злу ветви развития системы. В системе «культура» один и тот же артефакт также может порождать бифуркацию, ведущую к положительным или негативным последствиям. Примером может служить создание синтезированных дешевых наркотиков, которые стали и великим добром в медицине, и величайшим злом наркомании для человека. То же самое можно сказать и об относительно дешевом, а потому доступном для многих стран оружии, которое удерживало от развязывания мировой войны и принесло беды человечеству: хаос и смерть на микроуровне развязывания локального терроризма при стабилизации порядка на макроуровне. И. Пригожин убежден, что мы приближаемся к точке бифуркации, которая связана с прогрессом в развитии информационных технологий и взаимодействии разных наук.

Культура — самоорганизующаяся система

В процессе функционирования культура сама способна менять свою структуру. Способность эта проистекает в связи с открытостью системы и наличием в ней обратных связей. Известно, что попытка внедрить артефакт, заставить потребителя предпочесть именно его наталкивается на непреодолимую преграду. Так, запрет покупать импортные марки автомобилей и распоряжения правительства, предписывающие государственным чиновникам пересечь на отечественную «Волгу», не дали ожидаемого результата. Запрет на критику коммунистической идеологии породил волну политических анекдотов. Запрет на ненормативную лексику не восстанавливает нормы литературного языка. «Линейные законы» не работают в хаотическом мире, в котором живет культура.

В открытости и подвижности системы «культура» проявляется возможность ее самоорганизации. При этом открытость и неустойчивость системы «культура» не предполагают ее неизбежного полного разрушения. Благодаря корреляции связи в культуре сохраняются, если даже система изменяется и происходит реорганизация исходных элементов, вступающих во взаимодействие. Самоорганизацию систем в результате их взаимодействия изучает новая наука синергетика.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Людвиг фон Бергаланфи (Bertalanffy, 1901—1972) — австрийский биолог, эмигрировавший в Канаду, создатель одной из первых общих теорий систем. Обобщив положения физической химии, кинетики и термодинамики, он построил общую теорию биологических организмов. Теория была доложена на конгрессе в Чикаго в 1937 г., но стала популярной лишь после Второй мировой войны. В 1954 г. создано «Международное общество системных наук».

ОСНОВНОЙ ТРУД

Бергаланфи Л. История и статус общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник. 1973. М., 1973. С. 20—36.

Л. фон Берталанфи. ИСТОРИЯ И СТАТУС ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СИСТЕМ

Если мы хотим верно представить и оценить современный системный подход, саму идею системности имеет смысл рассматривать не как порождение преходящей моды, а как явление, развитие которого вплетено в историю человеческой мысли... Не лишено смысла утверждение, что системные представления с древнейших времен наличествуют в европейской философии. Уже при попытке выявить основную линию зарождения философско-научного мышления у досократиков ионийской школы одним из возможных путей рассуждения будет следующий.

В древних культурах и в примитивных культурах современности человек воспринимал себя «брошенным» во враждебный мир, где хаотический безгранично правили демонические силы. Наилучшим способом умилостивить эти силы или воздействовать на них считалась магия. Философия и ее детище родились, когда древние греки научились искать и обнаруживать в эмпирически воспринимаемом мире порядок, или космос, постижимый и тем самым поддающийся контролю со стороны мышления и рационального действия.

Одним из теоретических выражений этого космического порядка явилось мировоззрение Аристотеля, с присущими ему холистическими и телеологическими представлениями. Аристотелевское положение «целое — больше суммы его частей» до сих пор остается выражением основной системной проблемы. Телеология Аристотеля была преодолена и элиминирована, но последующее развитие западноевропейской науки скорее отбрасывало и обходило, нежели решало содержащиеся в ней проблемы (такие, например, как порядок и целенаправленность в живых системах), и поэтому основная системная проблема не устарела до наших дней.

(...)

Аристотелевская трактовка целого, которое больше суммы своих частей, сохраняется до сих пор. Следует определенно сказать, что порядок или организация у целого, или системы, выше, чем у изолированных частей. В подобном суждении нет ничего метафизического, никакого антропоморфистского предрассудка

или философской спекуляции — речь идет о факте, эмпирически фиксируемом при наблюдении самых различных объектов, будь то живой «организм», социальная группа или даже атом.

(...)

В конце 20-х годов я писал: «Поскольку фундаментальный признак живого — организация, традиционные способы исследования отдельных частей и процессов не могут дать полного описания живых явлений. Такие исследования не содержат информации о координации частей и процессов. Поэтому главной задачей биологии должно стать открытие законов, действующих в биологических системах (на всех уровнях организации). Можно верить, что сами попытки обнаружить основания теоретической биологии указывают на фундаментальные изменения в картине мира. Подобный подход, когда он служит методологической базой исследования, может быть назван «органической биологией», а когда он используется при концептуальном объяснении жизненных явлений — «системной теорией организма»...

Добившись признания подобной точки зрения в качестве новой в биологической литературе... организмическая программа явилась зародышем того, что впоследствии получило известность как общая теория систем. Если термин «организм» в приведенном утверждении заменить на «организованные сущности», понимая под последними социальные группы, личность, технические устройства и т.п., то эту мысль можно рассматривать как программу теории систем.

(...)

Свойства предметов и способы действия на высших уровнях не могут быть выражены при помощи суммации свойств и действий их компонентов, взятых изолированно. Если, однако, известен ансамбль компонентов и существующие между ними отношения, то высшие уровни могут быть выведены из компонентов...

(...)

Положения общей теории системы были впервые сформулированы нами устно в 30-х годах, а после войны были изложены в различных публикациях. «Существуют модели, принципы и законы, которые применимы к обобщенным системам или к подклассам систем безотносительно к их конкретному виду, природе составляющих элементов и отношениям или “силам” между

ними. Мы предлагаем новую дисциплину, называемую общей теорией систем. Общая теория систем представляет собой логико-математическую область исследований, задачей которой является формулирование и выведение общих принципов, применимых к «системам» вообще. Осуществляемая в рамках этой теории точная формулировка таких понятий, как целостность и сумма, дифференциация, прогрессивная механизация, централизация, иерархическое строение, финальность и эквивинальность и т.п., позволит сделать эти понятия применимыми во всех дисциплинах, имеющих дело с системами, и установить их логическую гомологию»...

(...)

Занимаясь биологической проблематикой, мы были заинтересованы прежде всего в разработке теории «открытых систем», т.е. систем, которые обмениваются со средой веществом, как это имеет место в любой «живой» системе. Можно утверждать, что, наряду с теорией управления и моделями обратной связи, теория Fließgleichgewicht (динамического «текущего» равновесия) и открытых систем является частью общей теории систем, широко применяемой в физической химии, биофизическом моделировании биологических процессов, физиологии, фармакодинамике и физиологии, такие как физиология метаболизма, возбуждения и морфогенеза, «вольются в общую теоретическую область, основанную на концепции открытой системы»... Интуитивный выбор открытой системы в качестве общей модели системы оказался верным. «Открытая система» представляется более общим случаем не только в физическом смысле (поскольку закрытую систему всегда можно вывести из открытой, приравняв к нулю транспортные переменные), она является более общим случаем и в математическом отношении, поскольку система одновременных дифференциальных уравнений (уравнения движения), используемая в динамической теории систем, есть более общий случай, из которого введением дополнительных ограничений получается описание закрытых систем (к примеру, описание сохранения массы в закрытой химической системе...).

При этом оказалось, что «системные законы» проявляются в виде аналогий, или «логических гомологий», законов, представляющихся формально идентичными, но относящихся к совер-

шенно различным явлениям или даже дисциплинам. Например, замечательным фактом служит строгая аналогия между такими разными биологическими системами, как центральная нервная система и сеть биохимических клеточных регуляторов. Еще более примечательно то, что подобная частная аналогия между различными системами и уровнями организации — лишь один из членов обширного класса подобных аналогий... К сходным выводам независимо пришли многие исследователи в разных областях науки.

Развитие системных исследований пошло в это время несколькими путями. Все большее влияние приобретало кибернетическое движение, начавшееся с разработки систем самонаведения для снарядов, автоматизации, вычислительной техники и т.д. и обязанное своим теоретическим размахом деятельности Н. Винера. При различии исходных областей (техника, а не фундаментальные науки, в частности, биология) и базисных моделей (контур обратной связи вместо динамической системы взаимодействий) у кибернетики и общей теории систем общим оказался интерес к проблемам организации и телеологического поведения. Кибернетика также выступала против «механистической» доктрины, которая концептуально основывалась на представлении о «случайном поведении анонимных частиц» и также стремилась к «поиску новых подходов, новых, более универсальных концепций и методов, позволяющих изучать большие совокупности организмов и личностей»...

Следует, однако, указать, что при всей этой общности совершенно лишено оснований утверждение, будто современная теория систем «родилась в результате усилий, предпринятых во время Второй мировой войны»... Общая теория систем не является результатом военных или технических разработок. Кибернетика и связанные с ней подходы развивались совершенно независимо, хотя во многом параллельно общей теории систем...

Системная философия. В этой сфере исследуется смена мировоззренческой ориентации, происходящая в результате превращения «системы» в новую парадигму науки (в отличие от аналитической, механистической, линейно-причинной парадигм классической науки). Как и любая общенаучная теория, общая теория систем имеет свои «метанаучные», или философские, аспекты.

Концепция «системы», представляющая новую парадигму науки, по терминологии Т. Куна¹², или, как я ее назвал... «новую философию природы», заключается в организмическом взгляде на мир «как на большую организацию» и резко отличается от механистического взгляда на мир как на царство «слепых законов природы».

Прежде всего следует выяснить, «что за зверь» система. Эта задача системной онтологии — поиск ответа на вопрос, что понимать под «системой» и как системы реализуются на различных уровнях наблюдаемого мира. Что следует определять и описывать как систему — вопрос не из тех, на которые можно дать очевидный или тривиальный ответ. Нетрудно согласиться, что галактика, собака, клетка и атом суть системы. Но в каком смысле и в какой связи можно говорить о сообществе людей или животных, о личности, языке, математике и т.п. как о «системах»? Первым шагом может быть выделение реальных систем, т.е. систем, воспринимаемых или выводимых из наблюдения и существующих независимо от наблюдателя. С другой стороны, имеются концептуальные системы — логика, математика, которые по существу являются символическими конструкциями (сюда же можно отнести и музыку), подклассом последних являются абстрактные системы (наука), т.е. концептуальные системы, имеющие эквиваленты в реальности. Однако подобное разграничение отнюдь не так четко, как может показаться на первый взгляд.

Мы можем считать «объектами» (которые частично являются «реальными системами») сущности, данные нам в восприятии, поскольку они дискретны в пространстве и времени. Не вызывает сомнения, скажем, что камень, стол, автомобиль, животное и звезда (а в более широком смысле и атом, молекула, планетная система) «реальны» и существуют независимо от наблюдателя. Восприятие, однако, ненадежный ориентир. Следуя ему, мы видим, что Солнце обращается вокруг Земли, и, разумеется, не видим, что такой солидный кусок материи, как камень, «на самом деле» есть в основном пустое пространство с крохотными энергетическими центрами, рассеянными на гигантских расстояниях друг от друга.

¹² Кун Т.С. (1922—1996) — американский историк и философ науки. Т. Кун ввел понятие «парадигмы», набора общепринятых положений. Согласно Куну, развитие науки представляет собой ряд скачков от старой к новой парадигме.

Пространственные границы даже у того, что кажется очевидным объектом или «вещью», оказываются очень часто неуловимыми. Из кристалла, состоящего из молекул, валентности как бы высовываются в окружающее пространство, так же расплывчаты границы клетки или организма, которые сохраняют свою сущность только путем приобретения и выделения молекул, и трудно даже сказать, что относится и что не относится к «живой системе». В предельном случае все границы можно определить скорее как динамические, нежели как пространственные.

В связи с этим объект, в частности система, может быть охарактеризован только через свои связи в широком смысле слова, т.е. через взаимодействие составляющих элементов. В этом смысле экосистема или социальная система в той же мере реальны, как отдельное растение, животное или человек. В самом деле, загрязнение биосферы как проблема нарушения экосистемы или как социальная проблема весьма четко демонстрирует «реальность» обеих (экологической и социальной) систем. Однако взаимодействия (или шире — взаимоотношения) никогда нельзя увидеть или воспринять непосредственно, нашему сознанию они представляются как концептуальные конструкции. То же самое истинно и для объектов повседневного мира человека; они также отнюдь не просто «даны» нам в ощущениях, чувствах или в непосредственном восприятии, но являются конструкциями, основанными на врожденных или приобретенных в обучении категориях, совокупностью самых различных чувств, предшествующего опыта, обучения, иначе говоря, мыслительных процессов, которые все вместе определяют наше «видение» или восприятие. Таким образом, различие между «реальными» объектами и системами, данными нам в наблюдении, концептуальными конструкциями и системами не может быть проведено на уровне здравого смысла.

(...)

Следующий раздел системной философии связан с отношениями человека к миру того, что в философской терминологии называется *ценностями*. Если реальность представляет собой иерархию организованных целостностей, то и образ человека должен отличаться от его образа в мире физических частиц, в котором случайные события выступают в качестве последней и единственной «ис-

тины». Мир символов, ценностей, социальных и культурных сущностей в этом случае представляется гораздо более «реальным», а его встроенность в космический порядок является подходящим мостом между «двумя культурами» Ч. Сноу — «наукой и гуманитарным мироощущением, технологией и историей, естественными и социальными науками или сторонами любой иной сформулированной по аналогичному принципу антитезы»¹³.

Этот гуманистический аспект общей теории систем, как представляется, существенно отличен от взглядов механистически ориентированных системных теоретиков, которые говорят о системах исключительно в понятиях математики, кибернетики и техники, давая тем самым повод думать, что теория систем является последним шагом на пути механизации человека, утраты им ценностей, а следовательно, на пути к технократии. Понимая и высоко оценивая математический и прикладной аспекты, автор не представляет себе общей теории систем без указанных гуманистических ее аспектов, поскольку такое ее ограничение неминуемо привело бы к узости и фрагментарности ее представлений.

(...)

Общая теория систем, как уже подчеркивалось, является моделью определенных общих аспектов реальности. Однако она в то же время дает нам угол зрения, позволяющий увидеть предметы, которые раньше не замечались или обходились, и в этом ее методологическое значение. Наконец, как любая научная теория широкого диапазона, она связана с вечными философскими проблемами и пытается найти на них свои ответы.

- ВОПРОСЫ**
- 1) Какое свойство системы Л. фон Берталанфи выделяет как главное?
 - 2) Перечислите свойства системы.
 - 3) Почему «концепцию системы» Л. фон Берталанфи называет новой парадигмой науки?
 - 4) Как автор понимает «системную философию»?

¹³ Сноу Ч.П. (1905—1980) — английский писатель, интересовавшийся проблемой взаимоотношений технической и гуманитарных культур.

И. Пригожин. КОСТЬ ЕЩЕ НЕ БРОШЕНА. ПОСЛАНИЕ БУДУЩИМ ПОКОЛЕНИЯМ

При написании этого послания я полностью осознаю свою скромную позицию. Мое занятие — это наука. И оно не дает мне какой-то особой компетентности в понимании будущего человечества. Молекулы подчиняются «законам». Человеческие решения зависят от памяти о прошлом и от ожиданий будущего. Перспектива решения проблемы перехода от культуры войны к культуре мира — если использовать выражение Федерико Майора¹⁴ — была не ясна в течение последних нескольких лет, но я остаюсь оптимистом. Во всяком случае, разве человек моего поколения (я родился в 1917 году) может быть не оптимистичным? Разве мы не были очевидцами гибели монстров, каковыми были Гитлер и Сталин? Разве мы не наблюдали поразительной победы демократий во Второй мировой войне?

В конце этой войны все мы верили в то, что история, по идее, должна начаться заново, и исторические события оправдали этот оптимизм. Поворотными пунктами в истории человечества стали основание Организации Объединенных Наций и ЮНЕСКО, провозглашение прав человека и деколонизация. Говоря в более общем плане, были признаны неевропейские культуры, и поэтому существенно ослабла позиция европоцентризма, предполагаемого неравенства между «цивилизованными» и «нецивилизованными» народами. Произошло существенное уменьшение разрыва между социальными классами, по крайней мере в западных странах.

Эти прогрессивные сдвиги произошли под угрозой холодной войны. Во время падения Берлинской стены мы верили в то, что наконец-то должен совершиться переход от культуры войны к культуре мира. И все же в последующее десятилетие история не пошла по этому пути. Мы были свидетелями сохранения и даже усиления локальных конфликтов, будь то в Африке или на Балканах. Это можно было бы рассматривать как проявление пережитков прошлого в настоящем. Однако в дополнение к постоянно

¹⁴ *Федерико Майор* (1934) — испанский ученый, поэт, политик, Генеральный Директор ЮНЕСКО (1987—1999), Президент Фонда культуры мира.

присутствующей угрозе ядерной войны появились новые опасности: технологический прогресс сегодня сделал возможным войны в результате нажатия «пусковой кнопки», нечто подобное электронным играм.

Я — один из тех, кто с научной точки зрения помогает сформулировать направления политики Европейского союза. Наука объединяет людей. Она создала универсальный язык. Целый ряд научных дисциплин, таких, как экономика или экология, также требуют международной кооперации. Поэтому я чрезвычайно удивляюсь, когда наблюдаю, что правительства стремятся создать европейскую армию как выражение европейского единства. Армию против кого? Где враг? К чему этот постоянный рост военных бюджетов как в США, так и в Европе? Дело будущих поколений — выработать определенную позицию на этот счет. В наше время вещи изменяются со скоростью, невиданной в истории человечества. И в дальнейшем темп изменений будет не меньшим. Я приведу пример из науки.

Сорок лет назад число ученых, занимающихся физикой твердого тела и информационными технологиями, не превышало нескольких сотен. Это было «малой флуктуацией» по сравнению с развитием науки в целом. Сегодня эти дисциплины приобрели такое значение, что они оказывают решающее влияние на развитие человечества. Число исследователей, работающих в этих областях науки, возросло экспоненциально. Это — феномен, не имеющий прецедентов в человеческой истории, намного более впечатляющий, чем развитие и распространение буддизма и христианства.

В моем послании будущим поколениям мне бы хотелось сформулировать ряд аргументов для понимания необходимости преодоления чувств смирения и бессилия. Современные науки, изучающие сложность мира, опровергают детерминизм: они настаивают на том, что природа созидательна на всех уровнях ее организации. Будущее не дано нам заранее. Великий французский историк Фернанд Бродель однажды заметил: «События — это пыль». Правильно ли это? Что такое событие? Сразу же приходит в голову аналогия с «бифуркациями», которые изучаются, прежде всего, в неравновесной физике. Эти бифуркации появляются в особых точках, где траектория, по которой движется система, разделяется

на «ветви». Все ветви равно возможны, но только одна из них будет осуществлена. Обычно наблюдается не единственная бифуркация, а целая последовательность бифуркаций. Это означает, что даже в фундаментальных науках имеется темпоральный, нарративный элемент (то есть элемент исторического повествования. — *Е.К.*). Это приводит к «концу Определенности», — именно так я назвал мою последнюю книгу. Мир есть конструкция, в построении которой мы все можем принимать участие.

(...)

Флуктуации на микроскопическом уровне ответственны за выбор той ветви, которая возникнет после точки бифуркации, и, стало быть, определяют то событие, которое произойдет. Это обращение к наукам, изучающим сложность мира, вовсе не означает, что мы предлагаем «свести» гуманитарные науки к физике. Наша задача заключается не в редукции, а в достижении согласия. Понятия, вводимые науками, изучающими сложность мира, могут служить гораздо более полезными метафорами, чем традиционные представления ньютоновской физики.

Науки, изучающие сложность мира, ведут поэтому к появлению метафоры, которая может быть применена к обществу: событие представляет собой возникновение новой социальной структуры после прохождения бифуркации; флуктуации являются следствием индивидуальных действий.

Событие имеет микроструктуру. Рассмотрим пример из истории — революцию 1917 года в России. Конец царского режима мог принять различные формы. Ветвь, по которой пошло развитие, была результатом действия множества факторов, таких, как отсутствие дальновидности у царя, непопулярность его жены, слабость Керенского, насилие Ленина. Именно эта микроструктура, эта «флуктуация» обусловили в итоге разрастание кризиса и все последующие события.

С этой точки зрения, история оказывается последовательностью бифуркаций. Поразительный пример — переход от эры палеолита к эре неолита, который произошел практически в одно и то же время по всему земному шару (что становится еще более удивительным, если принять во внимание историческую длительность периода палеолита). Данный переход, по-видимому, являлся бифуркацией, связанной с более систематическим освоением растительных и минеральных ресурсов. Из него возникло много ветвей:

китайский неолитический период с его космическим видением, египетский неолит с его верой в богов или же пораженный тревогой неолитический период в развитии доколумбовых цивилизаций. Всякая бифуркация влечет за собой и позитивные сдвиги, и определенные жертвы. Переход к эре неолита привел к возникновению иерархических обществ. Разделение труда означало неравенство. Возникло рабство, которое продолжало существовать вплоть до девятнадцатого века. В то время как фараон воздвигал пирамиду в качестве своего надгробного памятника, его народ захоранивался в общих могилах.

Девятнадцатый век, так же как и двадцатый, продемонстрировал целую серию бифуркаций. Всякий раз, когда открывались новые материалы — уголь, нефть, электричество или новые формы используемой энергии, видоизменялось и общество. Разве нельзя сказать, что эти бифуркации, взятые в целом, привели к большему участию населения в культуре и что именно благодаря им стало уменьшаться неравенство между социальными классами, которое возникло в эпоху неолита?

Вообще говоря, бифуркации служат одновременно показателем нестабильности и показателем жизнеспособности какого-либо рассматриваемого общества. Они выражают также стремление к более справедливому обществу. Даже за пределами социальных наук Запад являет нам удивительный спектакль последовательных бифуркаций. Музыка и искусство меняются, можно сказать, каждые пятьдесят лет. Человек постоянно испытывает новые возможности, строит утопии, которые могут привести к более гармоничным отношениям человека с человеком и человека с природой. И эти темы поднимаются вновь и вновь в сегодняшних опросах мнений, касающихся характера развития в двадцать первом веке.

Куда же мы попали? Я убежден, что мы приближаемся к точке бифуркации, которая связана с прогрессом в развитии информационных технологий и со всем тем, что к ним относится, как-то: средства массовой информации, робототехника и искусственный интеллект. Это — «общество с сетевой структурой» (networked society) с его мечтами о глобальной деревне.

Но каким будет результат этой бифуркации? На какой ее ветви нам предстоит обнаружить самих себя? Каким будет результат глобализации?

Слово «глобализация» охватывает множество самых разных значений. Римские императоры, возможно, уже мечтали о «глобализации» — об одной единой культуре, которая господствовала бы в мире. Сохранение плюрализма культур и уважения к другим культурам потребует внимания будущих поколений. Но на этом пути существуют также и опасности.

В настоящее время известно около 12 тысяч видов муравьев. Колонии муравьев насчитывают от нескольких сотен до нескольких миллионов особей. Любопытно, что поведение муравьев зависит от размера колонии. В малой колонии муравей ведет себя как индивидуалист, он разыскивает пищу и приносит ее в муравейник. Но если колония большая, ситуация разительно меняется. В таком случае спонтанно возникают структуры коллективного поведения как результат автокаталитических реакций между муравьями, обменивающимися информацией посредством химических сигналов. Поэтому не случайно, что в больших колониях муравьев или термитов отдельные насекомые становятся слепыми. В результате роста популяции инициатива переходит от отдельной особи к коллективу.

Аналогично мы можем задаться вопросом: каково влияние информационного общества на индивидуальную креативность? Существуют очевидные преимущества такого типа общества, они связаны с развитием медицины и экономическим устройством. Но есть информация и дезинформация; как провести различие между ними? Разумеется, это требует гораздо больше знаний и развитого критического чувства. Истинное надо отличать от ложного, возможное — от невозможного. Развитие информационного общества означает, что мы ставим трудную задачу перед будущими поколениями. Нельзя допустить, чтобы развитие «общества с сетевой структурой», базирующегося на информационных технологиях, привело к появлению новых разногласий и противоречий. Надо искать решение и более фундаментальных проблем. Нельзя ли, вообще говоря, ожидать бифуркации, которая уменьшит разрыв между богатыми и бедными нациями? Будут ли для глобализации характерны мир и демократия или же, напротив, явное или замаскированное насилие? Именно от будущих поколений зависит инициирование флуктуаций, которые придадут такое направ-

ление течению событий, которое соответствует наступлению эпохи информационного общества.

Мое послание будущим поколениям состоит, стало быть, в том, что кость еще не брошена, что ветвь, по которой пойдет развитие после бифуркации, еще не выбрана. Мы живем в эпоху флуктуации, когда индивидуальное действие остается существенным.

Чем дальше продвигается наука, тем больше сюрпризов она нам преподносит. Мы перешли от геоцентрического представления о строении Солнечной системы к гелиоцентрическому, и на этой основе были развиты представления о галактиках и, наконец, о множественных вселенных. Каждый из нас слышал о Большом взрыве. Наука не занимается изучением уникальных событий, и это обстоятельство привело к развитию идеи о существовании множественных вселенных. Вместе с тем человек до сих пор остается единственным живым существом, которое осознает удивительный мир, создавший его самого и который он, в свою очередь, способен изменять. Условием самого существования человека является примирение с двойственностью мира. Я надеюсь, что будущие поколения также найдут компромисс с нашим удивительным миром и с его двойственностью. Каждый год наши химики создают тысячи новых веществ, многие из которых будут обнаружены в природных продуктах — вот пример реализации творческих способностей в рамках творчества природы в целом. Эти удивительные факты убеждают нас в том, что мы должны внимательно относиться и к другим новшествам.

(...)

Дело будущих поколений — создать новую связь, которая воплотит как человеческие ценности, так и науку, нечто такое, что покончит с пророчествами о «конце Науки», «конце Истории» или даже о наступлении эры «пост-Человечества». Мы находимся только в начале развития науки, и мы далеки от того времени, когда считалось, что вся Вселенная может быть описана посредством нескольких фундаментальных законов. Мы сталкиваемся со сложным и необратимым в области микроскопического (в частности, при изучении элементарных частиц), в макроскопической области, которая нас окружает, и в области астрофизики. Задача, стоящая перед будущими поколениями, состоит в том, что-

бы создать новую науку, которая объединит все эти аспекты, ибо наука до сих пор находится в состоянии младенчества. Подобным образом конец истории был бы прекращением бифуркаций и осуществлением кошмарного предвидения Оруэлла¹⁵ или Хаксли¹⁶ об атемпоральном обществе, которое потеряло свою память. Будущие поколения должны быть бдительными, чтобы гарантировать, что это никогда не случится. Один признак надежды — это то, что интерес к изучению природы и желание участвовать в культурной жизни никогда не были так велики, как сегодня. Мы не нуждаемся ни в каком «пост-Человечестве». Человек, каким он является сегодня, со всеми его проблемами, радостями и печалью, в состоянии понять это и сохранить себя в следующих поколениях. Задача в том, чтобы найти узкий путь между глобализацией и сохранением культурного плюрализма, между насилием и политическими методами решения проблем, между культурой войны и культурой разума. Это ложится на нас как тяжелое бремя ответственности.

Письмо к будущим поколениям приходится писать с позиции неопределенности, со всегда рискованной экстраполяцией от прошлого. Однако я остаюсь оптимистом. Я верю в возникновение необходимых флуктуаций, посредством которых те опасности, которые мы ощущаем сегодня, могли бы быть успешно преодолены. На этой ноте я хочу закончить мое послание.

- ВОПРОСЫ**
- 1) Какую роль в изменении системы играют флуктуации и бифуркации?
 - 2) Как соотносятся ответственность личности и фактор случайности?

Задания

1. Рассмотрите «микроструктуру» разных исторических событий — «Освобождение Москвы ополчением Минина и Пожарского», «Распад

¹⁵ *Джордж Оруэлл* (1903—1950) — английский писатель и публицист, автор романов-антиутопий («Скотный двор», «1984»).

¹⁶ *Олдос Хаксли* (1894—1963) — английский писатель, автор философской прозы и романов-антиутопий («О дивный новый мир!»).

Австро-Венгерской империи в 1918 году», «Поражение Третьего рейха (1943—1945)», «События августа 1991 г. и развал СССР».

2. На основе концепций И. Пригожина постройте прогноз развития геополитических ситуаций (по вашему выбору).

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Вячеслав Семёнович Степин — академик РАФ, доктор философских наук, профессор. Директор института философии РАФ. Автор трудов по философии и методологии науки, а также по философской антропологии

ОСНОВНОЙ ТРУД

Философская антропология и философия науки. М., 1992; Теоретическое знание. М., 2003 и др.

В.С. Степин СИНЕРГЕТИКА И СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

Важно подчеркнуть, что первичные варианты категориального аппарата саморазвивающихся систем были генерированы в философии задолго до того, как соответствующие структурные характеристики этих систем стали предметом естественно-научного исследования. В первой половине XIX в. естествознание активно разрабатывало идеи эволюции, но описание исторически развивающихся систем ограничивалось, скорее, феноменологическим подходом.

Но в ту же эпоху Гегель разрабатывал категориальный аппарат, который выражал целый ряд важных структурных особенностей исторически развивающихся систем. Интерпретацию гегелевской диалектики как категориального описания саморазвивающихся систем я предложил в начале 80-х годов уже прошлого века в ряде своих работ, в том числе и в статье, посвященной проблеме прогностических функций философии (...). Я хотел бы обратить внимание на одно важное обстоятельство. Во времена Гегеля естествознание еще не имело в своем распоряжении адекватных образов сложной развивающейся системы. В биологии такие системы

описывались, скорее, феноменологически, нежели структурно (это относится и к теории Дарвина). Категориальную сетку, характеризующую сложные развивающиеся системы, Гегель разрабатывал на основе представлений о саморазвитии абсолютной идеи. Само это представление, хотя и включало ряд спекулятивно-мистических наслоений, содержало немалый эвристический потенциал. Его можно интерпретировать как идеализированный образ оснований культуры, ее мировоззренческих универсалий, Гегель по существу построил особую идеализацию культуры (хотя, разумеется, сам он так не рассматривал свою концепцию абсолютной идеи). Абстрагируясь от эмоциональных и герменевтических аспектов мировоззренческих оснований культуры, он представил их в духе панлогизма, как чисто рациональную, понятийную систему, которая исторически развивается, порождая новые категориальные смыслы. Сама процедура порождения новых уровней организации в этой системе представлена им следующим образом: нечто (прежнее целое) порождает «свое иное», вступает с ним в рефлексивную связь, перестраивается под воздействием «своего иного» и затем этот процесс повторяется на новой основе. Важнейшим моментом этого процесса является «погружение в основание», изменение предшествующих состояний под воздействием новых (обобщение смыслов категорий). Эту схему саморазвития Гегель обосновывал прежде всего на материале исторического развития различных сфер духовной культуры (философии, религии, искусства, права).

Позднее К. Маркс развил гегелевский подход применительно к анализу капиталистической экономики, рассматривая ее как целостную органическую, исторически развивающуюся систему (диалектика «Капитала»).

Таким образом, системно-структурные характеристики саморазвивающихся систем и соответствующий категориальный аппарат первоначально разрабатывались в философии на материале социально-исторических объектов (включая развитие духовной культуры). В естествознании структурные особенности таких систем стали исследоваться позднее, уже в XX столетии. Наиболее значимый вклад был сделан благодаря междисциплинарным исследованиям, приведшим к становлению синергетики.

- ВОПРОСЫ**
- 1) В чем состоит вклад Гегеля в описание саморазвивающихся систем?
 - 2) На основе какой теории Гегель разрабатывал характеристики саморазвивающейся сложной системы?

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Эдуард Александрович Бабкин и Олег Рамазанович Козырев являются крупными специалистами в области бизнес-информатики и математики. Работают на кафедре информационных систем и технологий Нижегородского филиала Государственного университета — Высшей школы экономики.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Бабкин Э.А., Козырев О.Р. Методы представления знаний и алгоритмы поиска в задачах искусственного интеллекта. Н. Новгород, 2005.

Козырев О.Р., Куркин А.А. и др. Математические модели в экономике. Н. Новгород, 2003.

Э.А. Бабкин, О.Р. Козырев. СИСТЕМА МОДЕЛИРОВАНИЯ МИКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ СЦЕНАРИЕВ — ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ПРИНЦИПЫ ПРОГРАММНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

(...)

Основные требования к модели и программной реализации

С функциональной точки зрения данная работа посвящена созданию программного средства имитационного моделирования некоторого микроэкономического сценария (рынка товаров).

Совершенно очевидно, что при построении модели предметного мира следует учесть, что она должна описывать зависимость функционирования самой системы как от контролируемых нами, так и от неконтролируемых переменных. Почти каждая модель представляет собой, вообще говоря, некоторую комбинацию таких составляющих, как

- компоненты;
- переменные (экзогенные и эндогенные);
- параметры;
- функциональные зависимости (детерминированные или стохастические);
- ограничения;
- целевые функции (например, критерии сохранения и приобретения неких ресурсов системы).

Несмотря на очевидную сложность реальных экономических ситуаций, тем не менее основное требование к ее модели — это требование изоморфизма (идентичности или сходности по форме). Для этого модель должна удовлетворять двум условиям. Во-первых, должно существовать взаимно однозначное соответствие между элементами модели и элементами реального мира. Во-вторых, должны быть сохранены точные соотношения или взаимодействия между элементами. Степень изоморфизма любой модели относительна, и большинство моделей, которые можно построить, имеют лишь поверхностное подобие между различными группами элементов модели и объекта (гомоморфные). Гомоморфные модели являются результатом процессов упрощения и абстракции.

Для разработки идеализированной гомоморфной модели следует разбить систему на некоторое число более мелких частей. Это делается для того, чтобы должным образом интерпретировать их, т.е. произвести требуемый анализ задачи. В случае экономических сценариев будем предполагать, что переменные задачи либо детерминированы, либо подчиняются законам случайных событий, описываемым известными вероятностными функциями распределений. Другим аспектом анализа является абстракция, которая содержит или сосредоточивает в себе существенные качества или черты поведения объекта, но не обязательно в той же форме и столь детально, как это имеет место в оригинале. Большинство моделей — это абстракции в том смысле, что они стремятся представить качества и поведение моделируемого объекта в форме или способом, отличающимися от их действительной реализации.

После анализа и моделирования части или элементов системы необходимым этапом является синтез частей для конструирования

приближения к сложной реальной ситуации. Здесь важно предусмотреть два момента. Во-первых, используемые для синтеза части должны быть выбраны корректно, и, во-вторых, должно быть корректно предсказано их взаимодействие.

В свою очередь программная реализация моделирования микроэкономических сценариев предъявляет особенные требования к используемым программным системам:

- масштабируемость;
- открытость и возможность удаленного доступа;
- дружественный, интуитивно-понятный интерфейс;
- средства анализа результатов и возможность принятия решений.

В настоящее время существуют группы программных технологий, которые в совокупности могут быть использованы для создания эффективной системы моделирования широкого класса микроэкономических сценариев. При этом следует учесть основные требования к реализации:

- предоставление пользователям возможности построения собственных модельных миров, состоящих из различных компонентов для различных предметных областей, или выбора модельного мира из библиотеки ранее созданных моделей;
- наличие удобного средства для определения правил поведения различных составляющих модельного мира декларативным образом без знания языков программирования;
- возможность проводить динамические эксперименты с модельным миром для различных значений параметров выбранных компонент и совместно реализовывать поведение большого числа составляющих системы;
- наличие развитых средств по управлению динамическими экспериментами (точки восстановления, синхронизация, ведение альтернативных версий и т.п.);
- наличие удобного средства сбора и анализа данных по характеристикам выбранных компонент модельного мира;
- возможность разыгрывания сценариев «что — если»;

- предоставление возможности импорта/экспорта данных во внешние программы;
- развитые средства визуализации данных;
- предоставление полнофункционального доступа удаленным пользователям системы;
- возможность проведения распределенных экспериментов;
- отчуждаемость описаний всех аспектов динамического эксперимента (характеристики сущностей, параметры моделирования) от разработчика;
- переносимость и открытость программных интерфейсов системы;
- малая совокупная стоимость владения системой;
- возможности охвата широкой аудитории.

- ВОПРОСЫ**
- 1) На каких основаниях можно строить модели реальных экономических ситуаций?
 - 2) Какие требования предъявляются к созданию программных микромоделей экономических сценариев?

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Сергей Лесков — журналист «Известий», автор материалов о тенденциях в современной науке.

Сергей Лесков. СУДЬБА КЕННЕДИ — ПОВТОРЕНИЕ СУДЬБЫ ЛИНКОЛЬНА*

Имеется ли разгадка у таинственных совпадений

В жизни самых отъявленных скептиков и материалистов случаются невероятные, необъяснимые совпадения, когда поневоле

* Известия. 17 февраля 2006. С. 7.

начинаешь задумываться о каком-то мистическом предначертании судьбы. Можно ли объяснить удивительные совпадения слепой игрой случая или у науки имеются на этот счет другие теории? Объяснить загадочные явления пытались многие умы, но силы разума на решения этой задачи пока не хватает.

28 июля 1900 г. король Италии Умберто I ужинал в ресторане в городе Монза. Выяснилось, что хозяин заведения, которого звали Умберто, родился с королем в один день, в одном городе, их жены носили одно имя, свадьба тоже состоялась в один день, а ресторан открылся в тот день, когда короновали короля. Король и не король очень веселились по этому поводу и договорились на следующий день пойти на стадион. Но утром ресторатор Умберто вдруг умер, король выразил сожаление, а через несколько часов он был застрелен анархистом. Судьбы разошлись только в том, что эти убийства произошли в разных местах.

(...)

В 1896 г. второразрядный фантаст Морган Робертсон выпустил в Лондоне роман «Гибель Титана» о первом и последнем рейсе самого большого пассажирского корабля, который погиб при столкновении с айсбергом. У вымышленного «Титана» и настоящего «Титаника», погибшего в апреле 1912 года, совпали внешний вид и судовые характеристики, даже количество жертв. Книжный «Титан» погиб в апреле 1912 года...

- ВОПРОСЫ**
- 1) Закономерна ли случайность?
 - 2) Почему в точке бифуркации повышается значимость случайности и личной ответственности человека?

Т е м а 4. КОММУНИКАЦИЯ В КУЛЬТУРЕ. ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ КОММУНИКАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *коммуникация, коммуникация в человеческом обществе, технике и природном мире, диалог и диалогизм, диалогические отношения, неслышанность, Третий участник диалога, высказывание, адресат, адресант, канал, код, контакт, шум, прямые и обратные связи.*

1. Коммуникация

Термин «коммуникация» (лат. *communicatio*) означает:

1. Акт общения между двумя и более индивидами, основанный на взаимопонимании, сообщение информации одного лица другому или многим лицам.
2. Форму связи, путь сообщения.

Коммуникация в технике существует в форме контактов (лат. *contactus*). Это соприкосновение, тесное общение проводников тока, взаимодействие в работе механизмов, напряжение, рожденное разницей потенциалов металлов и др. Коммуникация существует в природном мире. П.А. Кропоткин, признанный теоретик анархизма, видел в коммуникации людей и животных один из главных законов жизни. В сочинении «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса» он с убеждением писал, что «змеи и птицы... звери и насекомые, ящерицы и рыбы — все понимают друг друга и постоянно сообщают друг другу свои наблюдения»¹.

Примеры поведения пчел, муравьев, млекопитающих, особенно обезьян, убеждают, что уже на дочеловеческой стадии в комму-

¹ *Кропоткин П.А.* Этика. М., 1991. С. 64.

никации животных проявляются общительность и деятельностный характер. И все же действуют они благодаря инстинктам. Французский филолог Э. Бенвенист, труды которого представляют целое направление в лингвистике, посвятил обширный раздел своей книги проблемам коммуникации. В поле его пристального внимания оказывается поведение пчел. Ученый отмечает изумительную организацию их колоний, согласованность действий, способность коллективно реагировать в непредвиденных ситуациях. Особенно любопытно то, каким образом пчелы передают сведения об источнике пищи. Пчела находит нектар, насыщается и возвращается в улей. Спустя некоторое время на то же место прилетает группа пчел, извещенных сборщицей, «причем они были информированы с большой точностью, поскольку без проводника добираются до места, всегда находящегося за пределами видимости улья, а часто и на большом от него расстоянии. В определении местонахождения не бывает ни ошибок, ни колебаний: если сборщица выбрала один цветок среди прочих, которые равным образом могли бы ее привлечь, пчелы, вылетевшие после ее возвращения, направляются на выбранный ею цветок, не обращая внимания на другие. Очевидно, пчела-разведчица указала своим товаркам место, откуда она прилетела».

Рассуждая о том, каким способом насекомому это удастся, Э. Бенвенист ссылается на тысячи опытов ученых-зоологов, доказавших, что вернувшиеся пчелы исполняют особые «танцы», играющие роль «акта коммуникации», «настоящие сообщения, с помощью которых улей извещается об открытии»: танец по кругу говорит, что местоположение корма находится недалеко от улья, танец «восьмеркой» дает информацию о дальнем расстоянии, направление обозначает «ось восьмерки». Но, признавая определенное сходство коммуникации пчел с человеческой коммуникацией, Э. Бенвенист настаивает на фундаментальном отличии коммуникации в животном мире и человеческом обществе. В поведении животных есть лишь «сигнальный код» и нет диалога².

В человеческом обществе коммуникация осуществляется в диалоге. Мы остановимся на трех моделях, исходя из принятых общепhilософского, семиотического (знакового) и математического

² Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 2002. С. 97–114.

подходов. Три модели коммуникации — это три точки зрения на коммуникацию, которых в самом деле может быть сколь угодно много. Выделенные модели коммуникации дополняют, дорабатывают друг друга.

1. Философская модель

В человеческом обществе коммуникация предполагает «услышанность» и ответственность. Мы ставим на первое место философскую модель М.М. Бахтина и потому, что философия — универсальная наука о принципах бытия и познания, об отношении человека к миру, и потому, что русский ученый создал наиболее общую модель коммуникации, отражающую одну из самых значимых концепций в философии. «Диалог» и «диалогические отношения» — «ключевые слова» жизни и творчества М.М. Бахтина.

Коммуникативные отношения у М.М. Бахтина — это диалогические отношения, которые ученый определяет как особый тип смысловых отношений, выходящих за рамки реального диалога, будь то житейская беседа, научная дискуссия или политический спор. Модель, которую можно себе представить исходя из концепции М.М. Бахтина, «работает» и при наличии пространства и времени, отделяющих коммуникантов достаточно далеко. Это, к примеру, может быть диалог современного философа с Платоном или «разговор» собеседников, вообще ничего не знающих друг о друге. Необходимое условие коммуникации — «смысловая конвергенция», требующая ответного понимания, внутреннего согласия³. «Смысловая конвергенция» возникает благодаря «параметрам порядка», константам и концептам, интерпретируемым участниками коммуникации на основе общих смысловых кодов. О «коде» подробнее пойдет речь в связи с лингвистической моделью коммуникации.

Философская модель М.М. Бахтина есть «диалогическая система», состоящая из трех элементов: адресанта, адресата и «Третьего», понимающего. М.М. Бахтин называет «третьего» «высшим

³ *Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. 2-е изд. М., 1986. С. 320—325.*

наадресатом» и усматривает его в Боге, абсолютной истине, совести, народе, суде истории и др. Самое страшное, полагает философ, «не быть услышанным».

Неудачными коммуникантами могут быть и политик и избиратель, кондуктор и пассажир, декан и студент. Разграничение смысла и значения ведет к обрыву коммуникации.

Неуслышанность — трагедия эпох, народов, великих изобретателей и их изобретений и просто двух людей, которые не могут или не хотят понять друг друга. Во время войн, революций или политического террора неуслышанность возрастает. Внук Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого (Святителя Луки) приводит документальную историю из биографических записок деда о событиях 1937 г.: «...был изобретен так называемый допрос конвейером, который дважды пришлось испытать и мне. Этот страшный конвейер продолжался непрерывно день и ночь. Допрашивающие чекисты сменяли друг друга, а допрашиваемому не давали спать ни днем, ни ночью. Я опять начал голодовку протеста и голодал много дней. Несмотря на это, меня заставляли стоять в углу, но я скоро падал на пол от истощения. У меня начались ярко выраженные зрительные и тактильные галлюцинации, сменявшие одна другую». После этих и многих других испытаний начальник секретного отдела ожидает, что заключенный подпишет сочиненную ложь о шпионаже епископа. Но Войно-Ясенецкий «только посмеялся над этими требованиями»⁴. В приведенном и многих других эпизодах епископ и его мучители не слышат друг друга. У них разный «Третий» — вера в Бога и распоряжение начальства.

Приведем еще один пример, на этот раз из художественной литературы. В повести Л. Улицкой «Веселые похороны» рассказывается о болезни и смерти художника по имени Алик, выходца из СССР, эмигранта, прожившего много лет в Америке. Его жена Нина, православная христианка, хочет мужа перед смертью крестить. Она приглашает к Алику православного священника, отца Виктора. Алик — еврей и атеист, подлинный художник в искусстве и жизни. Он не хочет обидеть жену, но просит, чтобы к нему привели еще и раввина. Два шутивно-серьезных, драматически

⁴ См.: Лисичкин В.А. Крестный путь святителя Луки: Подлинные документы из архивов КГБ. М., 2001. С. 336—337.

насыщенных диалога подводят к вершине повествования. Первым к постели умирающего приходит священник. Отец Виктор Алику нравится. Его «пронял» чем-то «этот простодушный и храбрый человек». Алик задумался над тем, почему священник кажется храбрым. Вскоре понял: отец Виктор не боится показаться смешным... Далее происходит краткий обмен репликами:

«— Нинка уж очень просит меня креститься. Плачет. Она придает этому большое значение. А по мне — пустая формальность.

— Ну что вы, что вы! Для меня ее мотивы очень убедительны. Но мне-то просто, — он смущенно развел руками, как будто ему было неловко за свои привилегии, — я-то наверняка знаю, что между нами есть Третий. — И он еще глубже смутился и заерзал на скамеечке».

И тут на Алика напала «смертельная тоска»: не чувствовал «он никакого Третьего. И вообще Третий — персонаж из анекдота». И вдруг «большая мука оказалась в том, что дуриша его Нинка это чувствовала и простодушный поп чувствовал, а он, Алик, не чувствовал. И отсутствие этого самого присутствия он переживал с такой остротой, с какой и присутствие переживать, кто знает, возможно ли...»⁵. А затем и раввин, реб Менаше, скажет, что ему всю жизнь легко было оставаться с верой праотцев, поскольку у него «никогда не было выбора». И, кажется, впервые Алик внутренне с огромной болью посетует на то, что у него этих выборов было, мягко говоря, — сколько хочешь...

Л. Улицкая вводит в действие романа Третьего — «наадресата», «лазеечного адресата». В его присутствии меняется художественная коммуникация в повести, открывая новую глубину. Внутренний хаос героя на миг отступает. На его друзей и любимых женщин, спутников его жизни, его «адресатов», падает ответ Высшего Собеседника и Судии.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Клод Элвуд Шеннон (Claude Elwood Shannon, 1916—2001) — американский инженер и математик. Заложил основы теории информации. Разрабатывая теорию вероятностей и математическую статистику, ре-

⁵ Улицкая Л. Веселые похороны. М., 2002. С. 61—72.

шил задачу оптимального способа передачи информации в 1948—1949 гг. Так называемая теорема Шеннона («Математическая теория связи»), в которой Шеннон предложил линейную схематическую модель коммуникации, включающую пять элементов: источник информации, передатчик, канал передачи, приемник и конечную цель. Расположенные в линейной последовательности, они явили собой модель системы коммуникации, позволяющую вычислить метод ошибок в сигнале.

В философском плане коммуникация подразумевает наличие «диалогических отношений». Диалогические отношения в понимании М.М. Бахтина не могут быть сведены «ни к чисто логическим... ни к чисто лингвистическим (композиционно-синтаксическим) отношениям. Здесь возникают «сложные смысловые отношения особого типа», возможные только «...между целыми высказываниями разных речевых субъектов». Развивая мысль о предельно широком понимании диалога, М.М. Бахтин пишет: «Диалогические отношения предполагают язык, но в системе языка их нет»⁶.

За единицу диалогических отношений, выражающихся в речи, М.М. Бахтин принимает высказывание. Высказывание отличается от предложения как единицы языка, поскольку границы высказываний означают «смену речевых субъектов и смену говорящих»⁷. Высказывание оформляется в целом «внелингвистическими», диалогическими отношениями. М.М. Бахтин характеризует высказывания как «приводные ремни от истории общества к истории языка»⁸. Высказывания, содержащие концепты и константы национальной культуры, входят в дискурс.

2. Модель К.Э. Шеннона — Р.О. Якобсона

Модель коммуникации предложил американский математик Клод Элвуд Шеннон.

⁶ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества... С. 312—313.

⁷ Там же. С. 302.

⁸ Там же. С. 256.

Шеннон включил в нее шесть компонентов, добавив «кодирующее» и «декодирующее устройство». Заслужено Шеннона стало также исследование фактора шума в коммуникации, связанного в дальнейшем с понятием энтропии, порождаемой внешними факторами, искажающими сообщение и мешающими получить информацию приемником.

Возможен случай, когда приемник получает сообщение, но неполное или искаженное. Последнее часто демонстрируют на примере естественных человеческих языков. Коммуникативные неудачи людей, говорящих на разных языках, связаны с отрицательной энтропией. Считается, что все языки содержат избыточный словарный запас, невостребованные коды. Вспомним о словаре Шекспира и героини романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» Эллочки-людоедки: «Словарь Вильяма Шекспира по подсчету исследователей составляет 12 000 слов. Словарь негра из людоедского племени “Мумбо-Юмбо” составляет 300 слов. Эллочка Щукина легко и свободно обходилась тридцатью». Количество слов для понимания иностранного языка намного меньше их реального словарного запаса.

Связь философского и математического аспектов с языковым выявляет модель коммуникации Р.О. Якобсона. В статье «Лингвистика и поэтика» (1960), ставшей программной для американского и европейского структурализма, выдающийся филолог выступает против «отрыва поэтики от лингвистики». Коммуникативная модель Р.О. Якобсона разработана для словесного искусства в целом. Она охватывает взаимопроникающие сферы лингвистики и поэтики.

Р.О. Якобсон разрабатывает принципы «исторического подхода» к языку и литературе, перекликающиеся с представлениями синергетики об эволюции сложных систем. Несомненно, язык и литература — сложные многоуровневые, открытые, неустойчивые системы.

Автор «Лингвистики и поэтики» подчеркивает, что в поэтике и в лингвистике «...при историческом подходе нужно рассматривать не только изменения, но и постоянные, статические элементы»⁹.

⁹ Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. статей / Под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. М., 1975. С. 196. В дальнейшем страницы приводятся прямо в тексте.

«Постоянные, статические элементы» на языке синергетики называются «параметрами порядка». Термины «изменения», «временная динамика» привлекают внимание к хаотическим отклонениям, колебаниям, возникающим на микроуровнях литературной системы.

Интерес к «эмоциональным элементам» языка, связанным с внеязыковой действительностью, сближает лингвистическую модель Р.О. Якобсона с идеями М.М. Бахтина. Р.О. Якобсона особенно интересует поэтическая функция языка, связанная с реальной действительностью и возникающая благодаря перестройке языка в поэтическом речевом акте. Опираясь на научный язык синергетики, можно говорить о «коэволюции» взаимосвязанных сложных систем: язык — словесное искусство — действительность.

Анализируя всякое «речевое событие» (акт речевого общения) Р.О. Якобсон выстраивает лингвистическую модель коммуникации. Модель Р.О. Якобсона содержит шесть основных компонентов: адресант, посылаемое сообщение, адресат, контекст, контакт, код:

Адресант — отправитель сообщения «посылает сообщение адресату», адресат — получатель сообщения, «контекст должен восприниматься адресатом, и либо быть вербальным, либо допускать вербализацию; код (code), полностью или хотя бы частично общий для адресанта и адресата (или, другими словами, для кодирующего и декодирующего); ...контакт (contact) — физический канал и психическая связь между адресантом и адресатом, обслуживающая возможность установить и поддержать коммуникацию» (198). В модели языковой коммуникации, как и в технических системах связи, большое значение имеет «шум» — помехи в коммуникации, имеющие разный характер. «Шум» может привести к разрыву коммуникации, а также к возникновению иной коммуникативной системы. Так, Вольф Мессинг, обладавший огромными

телепатическими способностями, утверждал, что «зрительные помехи лишь затрудняют прием чужой мысли»¹⁰.

В искусстве шум способен нести эстетическую нагрузку. Так, размышляя о современной музыке выдающийся композитор А.Г. Шнитке писал, что в его опере «Жизнь с идиотом» наряду с реальной музыкой прорывается как бы «фонограмма» реальной жизни: «уличный шум, квартирные ссоры»¹¹. У Шнитке шум и музыка выступают как взаимосвязанные величины.

Р.О. Якобсон подчеркивает, что каждому из шести факторов коммуникации соответствует особая функция языка: «коммуникативная» (реферативная), «конативная», «эмотивная» (экспрессивная), «фатическая», «метаязыковая».

В статье, посвященной лингвистике и поэтике, автор вполне естественно не уделяет специального внимания коммуникативной (реферативной) функции языка. Бесспорно, выражение мыслей, передача информации — фундаментальная функция языка. Однако, подчеркивает Р.О. Якобсон, не следует ограничивать информацию одним только «познавательного-логическим» аспектом (199).

Направленность сообщения на контакт, на проверку эффективности канала связи, Р.О. Якобсон определяет как фатическую функцию языка. Направленность поэтического языка на контакт замечательно обыгрывают в своих песнях В. Высоцкий, Б. Окуджава, Ю. Визбор и другие барды. Сосредоточенность речи на коде сообщения запускает его метаязыковую функцию. Рефлексия о языке встречается в разных жанрах устной и письменной речи, входит в разнообразные дискурсы. Вспомним замечательную характеристику, которую дал итальянскому языку О.Э. Мандельштам: «Когда я начал учиться итальянскому языку и чуть-чуть познакомился с его фонетикой и просодией, я вдруг понял, что центр тяжести речевой работы переместился: ближе к губам, к наружным устам. Кончик языка внезапно оказался в почете. Звук ринулся к затвору зубов. Еще что меня поразило — это инфантильность итальянской фонетики, ее прекрасная детскость, бли-

¹⁰ Кючарьянц В. Последнее интервью Вольфа Мессинга // Новая неделя. № 11. 15 декабря 2004 г. С. 73.

¹¹ Беседы с Альфредом Шнитке / Сост. В. Ивашкин. М., 1994. С. 186.

зость к младенческому лепету, какой-то извечный дадаизм»¹². Здесь внимание сосредоточено на фонетическом аспекте языкового кода. Итальянская фонетика становится темой высказывания, оформленного по законам фонетики русского языка. Р.О. Якобсон акцент ставит на создателе сообщения (артефакта), на авторе, творце произведения или текста. Гораздо меньше его интересует «созерцатель» произведения искусства, перед ним «преклоняющийся».

Детальному анализу автор подвергает экспрессивную (эмотивную) функцию, сосредоточенную на адресанте, отправителе сообщения. В поэзии, в художественной словесной коммуникации эта функция языка — «доминирующая». Суть поэтической функции — в направленности на сообщение как таковое, «сосредоточение внимания на сообщении ради него самого» (202)¹³.

Конечно, и Р.О. Якобсон выделяет конативную функцию языка, подчеркивающую ориентацию на адресата. Однако его интересует прежде всего языковое выражение этой функции. Рассматривая категорию наклонения и ее реализацию с помощью синтаксических, морфологических и фонологических средств, Р.О. Якобсон сосредотачивается прежде всего на адресанте», на «...прямом выражении отношения говорящего к тому, о чем он говорит» (198), по сути дела, на прямой связи в коммуникативной системе. В рамках лингвистической модели коммуникации вопрос об «обратных связях» не является центральным.

В этом и состоит отличие моделей Р.О. Якобсона и М.М. Бахтина. Лингвистическая модель сфокусирована на самом говорящем. М.М. Бахтин, напротив, возражает против трактовки «восприятия и понимания речи у слушающего» как пассивного процесса¹⁴. Новация М.М. Бахтина — в переоценке роли понимающего и слушающего. Вслед за Гегелем, но на основе иных философских предпосылок, М.М. Бахтин подчеркивает синергетичес-

¹² *Мандельштам О.* Разговор о Данте // Осип Мандельштам: В 2 т. Т. 2. Проза. Переводы / Сост. С.С. Аверинцева и П.М. Нерлера. М., 1990. С. 216.

¹³ В художественном дискурсе сам знак «конститутивен для значения, которое он выражает». Здесь нарушается «сосюрковский принцип произвольности отношения» между обозначаемым и формой знака. См.: *Гильманов В.Х.* Герменевтика «образа» И.Г. Гамана и Просвещение. Калининград, 2003. С. 408.

¹⁴ *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров... С. 259.

кий потенциал диалога в культуре¹⁵. Философская и лингвистическая модели коммуникации комплементарны, они дополняют друг друга.

3. Кибернетическая модель

В условиях развития техники с открытием возможностей диалога человека с машиной в XX в. родилась новая коммуникативная модель. Кибернетика стала наукой о закономерностях передачи информации в машинах, живых организмах и обществе. Создатель кибернетической модели — Н. Винер.

В модели Н. Винера отмечается не только необходимость обратных связей, но и значение прямых связей. При доминировании обратной связи система может разладиться: «Чрезмерная обратная связь столь же серьезное препятствие для организованной деятельности, как и недостающая обратная связь»¹⁶. В медицине он называет это поражением участка мозга, мозжечка, вызывающего дрожание конечностей, тремор. Сочетание прямых и обратных связей обеспечивает нормальную работу машины, как и других систем, в том числе сложных биологических организмов и систем управления. Общий вывод Н. Винера справедлив как для живой, так и для мертвой природы.

В системах, подвергшимся перегрузкам, под влиянием изменившейся внешней среды могут возникать колебания и сбои. В межкультурной коммуникации — сложной коммуникативной системе — такие «колебания», «отклонения», сбои могут возникать на вербальном и невербальном, ментальном и языковом уровнях коммуникантов. В результате ослабляется действие «обратной связи», взаимопонимания не происходит.

Н. Винер также волновали социальные проблемы. Идеи коммуникации в технике он связывал с идеями организации общества. Дефектом американского социума он называл отсутствие обратных связей, преобладание жестких порядков, ведущее к возникновению эгоизма, подавлению личной инициативы внутри

¹⁵ Об этом уже шла речь в теме 4.

¹⁶ *Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1958. С. 17—20.

корпораций, обрыв межэтнической коммуникации: «Большинство американцев предпочитают жить в сравнительно свободном обществе, где барьеры для связи между индивидуумами и классами не слишком велики. Я бы не сказал, что этот идеал связи осуществлен в Соединенных Штатах... Бизнесмен, отгораживающийся барьером подхалимов от своих служащих, или глава крупной лаборатории, навязывающий каждому своему подчиненному определенную задачу и не желающий предоставить ему привилегию самостоятельного мышления, чтобы тот мог пойти дальше своей непосредственной задачи и понять ее место в разработке всей проблемы, — эти люди своими поступками показывают, что демократия, которой они отдают дань уважения, не является действительно тем строем, при котором они предпочитали бы жить. Регламентирование предписанных функций, к которому они тяготеют, заставляет вспомнить автоматы Лейбница и не допускает необратимого проникновения в вероятностное будущее — проникновение, которое является действительным условием человеческой жизни»¹⁷.

Приведенные модели далеко не исчерпывают возможность построения других схем коммуникации. Они относятся к разным сферам мыследеятельности человека. Но их объединяет то, что во всех названных моделях важнейшими элементами являются адресность и ответственность (прямые и обратные связи). Связи эти осуществляются при взаимной согласованности (код). Им мешают непонимание (шум), колебания, отклонения, хаотические процессы, которые иногда оказываются способными перестроить систему. Дополняя и достраивая друг друга, рассмотренные модели выявляют природу коммуникации.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Михаил Михайлович Бахтин. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 320—325¹⁸.

¹⁷ Цит. по: Межкультурная коммуникация: Практикум. Часть 1. Н. Новгород, 2002. С. 12.

¹⁸ Заметки М.М. Бахтина были написаны в 1959—1961 гг. Приводимый далее курсив принадлежит М.М. Бахтину.

М.М. Бахтин. ПРОБЛЕМА ТЕКСТА В ЛИНГВИСТИКЕ, ФИЛОЛОГИИ И ДРУГИХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

К проблеме диалогических отношений. Эти отношения глубоко своеобразны и не могут быть сведены ни к логическим, ни к лингвистическим, ни к психологическим, ни к механическим или каким-либо другим природным отношениям. Это особый тип *смысловых* отношений, членами которых могут быть только *целые высказывания* (или рассматриваемые как целые, или потенциально целые), за которыми стоят (и в которых *выражают* себя) реальные или потенциальные речевые субъекты, авторы данных высказываний. Реальный диалог (житейская беседа, научная дискуссия, политический спор и т.п.). Отношения между репликами такого диалога являются наиболее внешне наглядным и простым видом диалогических отношений. Но диалогические отношения, конечно, отнюдь не совпадают с отношениями между репликами реального диалога — они гораздо шире, разнообразнее и сложнее. Два высказывания, отдаленные друг от друга и во времени и в пространстве, ничего не знающие друг о друге, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-нибудь смысловая конвергенция (хотя бы частичная общность темы, точки зрения и т.п.). Всякий обзор по истории какого-нибудь научного вопроса (самостоятельный или включенный в научный труд по данному вопросу) производит диалогические сопоставления (высказываний, мнений, точек зрения) высказываний и таких ученых, которые ничего друг о друге не знали и знать не могли. Общность проблемы порождает здесь диалогические отношения. В художественной литературе — «диалоги мертвых»... в соответствии с литературной спецификой здесь дается вымышленная ситуация встречи в загробном царстве. Противоположный пример — широко используемая в комике ситуация диалога двух глухих, где понятен реальный диалогический контакт, но нет никакого смыслового контакта между репликами (или контакт воображаемый). Нулевые диалогические отношения. Здесь раскрывается точка зрения *третьего* в диалоге (не участвующего в диалоге, но его *понимающего*). Понимание целого высказывания всегда диалогично.

Нельзя, с другой стороны, понимать диалогические отношения упрощенно и односторонне, сводя их к противоречию, борьбе, спору, несогласию. *Согласие* — одна из важнейших форм диалогических отношений. Согласие очень богато разновидностями и оттенками. Два высказывания, тождественные во всех отношениях («Прекрасная погода!» — «Прекрасная погода!»), если это действительно *два* высказывания, принадлежащие *разным* голосам, а не одно, связаны *диалогическим отношением согласия*. Это определенное диалогическое событие во взаимоотношениях двоих, а не эхо. Ведь согласия могло бы и не быть («Нет, не очень хорошая погода» и т.п.).

Диалогические отношения, таким образом, гораздо шире диалогической речи в узком смысле. И между глубоко монологическими речевыми произведениями всегда наличны диалогические отношения.

Между языковыми единицами, как бы мы их ни понимали и на каком бы уровне языковой структуры мы их ни брали, не может быть диалогических отношений (фонемы, морфемы, лексемы, предложения и т.п.). Высказывание (как речевое целое) не может быть признано единицей последнего, высшего уровня или яруса языковой структуры (над синтаксисом), ибо оно входит в мир совершенно иных отношений (диалогических), не сопоставимых с лингвистическими отношениями других уровней. (В известном плане возможно только сопоставление целого высказывания со *словом*.) Целое высказывание — это уже не единица языка (и не единица «речевого потока» или «речевой цепи»), а единица речевого общения, имеющая не значение, а *смысл* (то есть целостный смысл, имеющий отношение к ценности — к истине, красоте и т.п. — и требующий *ответного* понимания, включающего в себя оценку). Ответное понимание речевого целого всегда носит диалогический характер.

Понимание целых высказываний и диалогических отношений между ними неизбежно носит диалогический характер (в том числе и понимание исследователя-гуманитариста); понимающий (в том числе исследователь) сам становится участником диалога, хотя и на особом уровне (в зависимости от направления понимания или исследования). Аналогия с включением экспериментатора в экспериментальную систему (как ее часть) или наблюдателя в наблюдаемый мир в микрофизике (квантовой теории). У наблюда-

ющего нет позиции *вне* наблюдаемого мира, и его наблюдение входит как составная часть в наблюдаемый предмет.

Это полностью касается целых высказываний и отношений между ними. Их нельзя понять со стороны. Самое понимание входит как диалогический момент в диалогическую систему и как-то меняет ее тотальный смысл. Понимающий неизбежно становится *третьим* в диалоге (конечно, не в буквальном, арифметическом смысле, ибо участников понимаемого диалога кроме третьего может быть неограниченное количество), но диалогическая позиция этого третьего — совершенно особая позиция. Всякое высказывание всегда имеет адресата (разного характера, разных степеней близости, конкретности, осознанности и т.п.), ответное понимание которого автор речевого произведения ищет и предвосхищает. Это второй (опять же не в арифметическом смысле). Но кроме этого адресата (второго) автор высказывания с большей или меньшей осознанностью предполагает высшего *нададресата* (третьего), абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени. (Лазеечный адресат.) В разные эпохи и при разном миропонимании этот нададресат и его идеально верное ответное понимание принимают разные конкретные идеологические выражения (бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, народ, суд истории, наука и т.п.).

Автор никогда не может отдать всего себя и все свое речевое произведение на полную и *окончательную* волю наличным или близким адресатам (ведь и ближайшие потомки могут ошибаться) и всегда предполагает (с большей или меньшей осознанностью) какую-то высшую инстанцию ответного понимания, которая может отодвигаться в разных направлениях. Каждый диалог происходит как бы на фоне ответного понимания незримо присутствующего третьего, стоящего над всеми участниками диалога (партнерами). (См. понимание фашистского застенка или ада у Т. Манна¹⁹ как абсолютной *неуслышанности*, как абсолютного отсутствия *третьего*.)

Указанный третий вовсе не является чем-то мистическим или метафизическим (хотя при определенном миропонимании и мо-

¹⁹ *Томас Манн* (1875—1955) — великий немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии, автор философских романов («Волшебная гора», «Доктор Фаустус»).

жет получить подобное выражение) — это конститутивный момент целого высказывания, который при более глубоком анализе может быть в нем обнаружен. Это вытекает из природы слова, которое всегда хочет быть *услышанным*, всегда ищет ответного понимания и не останавливается на *ближайшем* понимании, а пробивается все дальше и дальше (неограниченно).

Для слова (а следовательно, для человека) нет ничего страшнее *безответности*. Даже заведомо ложное слово не бывает абсолютно ложным и всегда предполагает инстанцию, которая поймет и оправдает, хотя бы в форме: «всякий *на моем месте* солгал бы также».

К. Маркс говорил, что только высказанная в слове мысль становится действительной мыслью для другого и только тем самым и для меня самого. Но этот другой не только ближайший другой (адресат-второй), в поисках ответного понимания слово идет все дальше и дальше.

Услышанность как таковая является уже диалогическим отношением. Слово хочет быть услышанным, понятым, отвеченным и снова отвечать на ответ, и так *ad infinitum*²⁰. Оно вступает в диалог, который не имеет *смыслового* конца (но для того или иного участника может быть физически оборван). Это, конечно, ни в коей мере не ослабляет чисто предметных, исследовательских интенций слова, его сосредоточенности на своем предмете. Оба момента — две стороны одного и того же, они неразрывно связаны. Разрыв между ними происходит только в заведомо ложном слове, то есть в таком, которое хочет обмануть (разрыв между предметной интенцией и интенцией к услышанности и понятости).

Слово, которое боится третьего и ищет только временного признания (ответного понимания ограниченной глубины) у ближайших адресатов.

Критерий *глубины* понимания как один из высших критериев в гуманитарном познании. Слово, если оно только не заведомая ложь, бездонно. Набирать глубину (а не высоту и ширь). Микромир слова.

Высказывание (речевое произведение) как неповторимое, исторически единственное индивидуальное целое.

²⁰ *До бесконечности* (латин.)

Это не исключает, конечно, композиционно-стилистической типологии речевых произведений. Существуют *речевые жанры* (бытовые, риторические, научные, литературные и т.п.). Речевые жанры — это типовые модели построения речевого целого. Но эти жанровые модели принципиально отличаются от *лингвистических* моделей *предложений*.

Единицы языка, изучаемые лингвистикой, принципиально воспроизводимы неограниченное количество раз в неограниченном количестве высказываний (в том числе воспроизводимы и модели предложений). Правда, частота воспроизведения у разных единиц разная (наибольшая у фонем, наименьшая у фраз). Только благодаря этой воспроизводимости они и могут быть единицами языка и выполнять свою функцию. Как бы ни определялись отношения между этими воспроизводимыми единицами (оппозиция, противопоставление, контраст, дистрибуция и т.п.), эти отношения никогда не могут быть *диалогическими*, что разрушило бы их лингвистические (языковые) функции.

Единицы речевого общения — целые высказывания — невоспроизводимы (хотя их и можно цитировать) и связаны друг с другом диалогическими отношениями.

- ВОПРОСЫ**
- 1) Чем отличается «смысл» от «значения»? Как связаны смысл и диалог?
 - 2) Означает ли «безответность» утрату смысла для говорящего?
 - 3) Почему Третий непреходящий участник диалога?

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Роман Осипович Якобсон (1896—1982) — выдающийся лингвист и литературовед, один из создателей Общества по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ), участник Пражского лингвистического кружка, крупнейший представитель структурализма, применивший идеи кибернетики и информатики к теории литературы и искусства. Якобсон окончил славянско-русское отделение Московского университета (1914). Он входил в круг русского авангарда, хорошо знал В.В. Маяковского, Б.Л. Пастернака, О.Э. Мандельштама, К. Малевича и многих других

художников и поэтов. После эмиграции Р. Якобсон преподавал в крупнейших университетах Америки и Европы. Идеи европейского авангарда, знакомство с основами феноменологии Э. Гуссерля и теорией относительности А. Эйнштейна утвердили раннего Якобсона в том, что «объект исследуется не в самом себе, а в связи с тем, как его наблюдает и воспринимает субъект». Вместе с Ю.Н. Тыняновым Р.О. Якобсон формулирует гипотезу о «системном характере» языка и литературы (1928), подготовившую позднейшие исследования проблем художественной коммуникации. Специфика художественной коммуникации заключается в «направленности... на сообщение как таковое», в сосредоточении внимания «на сообщении ради него самого».

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Основные работы Р.О. Якобсона по поэтике и лингвистике собраны в следующих книгах: *Якобсон Р. Избранные работы*. М., 1985; *Якобсон Р. Работы по поэтике* / Сост. и общ. ред. д.ф.н. М.Л. Гаспарова. М., 1987.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Пер. с англ. И.А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против»: Сборник статей / Под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. М., 1975. С. 197—206.

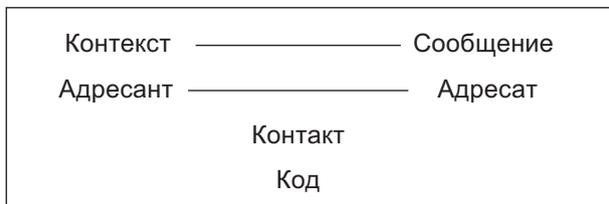
Р.О. Якобсон. ЛИНГВИСТИКА И ПОЭТИКА

(...)

Язык следует изучать во всем разнообразии его функций. Прежде чем перейти к рассмотрению поэтической функции языка, мы должны определить ее место среди других его функций. Чтобы описать эти функции, следует указать, из каких основных компонентов состоит любое речевое событие, любой акт речевого общения.

Адресант (addresser) посылает *сообщение адресату* (addressee). Чтобы сообщение могло выполнять свои функции, необходимы: *контекст* (context), о котором идет речь (в другой, не вполне однозначной терминологии, «референт» = referent); контекст должен восприниматься адресатом, и либо быть вербальным, либо допускать вербализацию; *код* (code), полностью или хотя бы частично общий для адресанта и адресата (или, другими словами, для кодирующего и декодирующего); и наконец, *контакт* (contact) —

физический канал и психологическая связь между адресантом и адресатом, обуславливающие возможность установить и поддерживать коммуникацию. Все эти факторы, которые являются необходимыми элементами речевой коммуникации, могут быть представлены в виде следующей схемы:

Каждому из этих шести факторов соответствует особая функция языка. Однако вряд ли можно найти речевые сообщения, выполняющие только одну из этих функций. Различия между сообщениями заключаются не в монопольном проявлении какой-либо одной функции, а в их различной иерархии. Словесная структура сообщения зависит прежде всего от преобладающей функции. Тем не менее, хотя установка на *референт*, ориентация на *контекст* — короче, так называемая *референтивная* (денотативная, или когнитивная) функция — является центральной задачей многих сообщений, лингвист-исследователь должен учитывать и побочные проявления прочих функций.

Так называемая *эмотивная*, или экспрессивная, функция, сосредоточенная на *адресанте*, имеет своей целью прямое выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит. Она связана со стремлением произвести впечатление наличия определенных эмоций, подлинных или притворных... Чисто эмотивный слой языка представлен междометиями.

Они отличаются от средств референтивного языка как своим звуковым обликом (особые звукосочетания или даже звуки, не встречающиеся в других словах), так и синтаксической ролью (они являются не членами, а эквивалентами предложений). «Тц-тц-тц! — сказал Мак-Гинти»; полное высказывание конандойлевского героя состоит из повторений щелкающего звука. Эмотивная функция, проявляющаяся в междометиях в чистом виде, окрашивает в известной степени все наши высказывания — на звуковом, грамматическом и лексическом уровнях. Анализируя язык с точки

зрения передаваемой им информации, мы не должны ограничивать понятие информации когнитивным (познавательного-логическим) аспектом языка. Когда человек пользуется экспрессивными элементами, чтобы выразить гнев или иронию, он, безусловно, передает информацию.

(...)

Один актер Московского Художественного театра рассказывал мне, как на прослушивании Станиславский предложил ему сделать из слов «сегодня вечером», меняя их экспрессивную окраску, сорок разных сообщений. Этот артист перечислил около сорока эмоциональных ситуаций, а затем произнес указанные слова в соответствии с каждой из этих ситуаций, причем аудитория должна была узнать, о какой ситуации идет речь, только по звуковому облику этих двух слов. Для нашей работы по описанию и анализу современного русского литературного языка мы попросили актера повторить опыт Станиславского. Он составил список приблизительно пятидесяти ситуаций, соотносящихся с указанным эллиптическим предложением, и прочитал для записи на магнитофонную пленку пятьдесят соответствующих сообщений. Большинство из них было правильно и достаточно полно понято носителями московского говора.

Таким образом, ясно, что все эмотивные признаки, безусловно, подлежат лингвистическому анализу.

Ориентация на *адресата* — *конативная* функция — находит свое чисто грамматическое выражение в звательной форме и повелительном наклонении, которые синтаксически, морфологически, а часто и фонологически отклоняются от прочих именных и глагольных категорий. Повелительные предложения коренным образом отличаются от повествовательных: эти последние могут быть истинными или ложными, а первые — нет.

(...)

В традиционной модели языка... различались только эти три функции — эмотивная, конативная и референтивная. Соответственно в модели выделялись три «вершины»: первое лицо — говорящий, второе лицо — слушающий и «третье лицо» — собственно некто или нечто, о чем идет речь. Из этой триады функций можно легко вывести некоторые добавочные функции. Так, магическая, заклинательная функция — это, по сути дела, как бы пре-

вращение отсутствующего или неодоушевленного «третьего лица» в адресата конативного сообщения. «Пусть скорее сойдет этот ячмень, *тьфу, тьфу, тьфу, тьфу!*» (литовское заклинание). «Вода-водица, река-царица, заря-зорица! Унесите тоску-кручину за сине море в морскую пучину... Как в морской пучине сер камень не встает, так бы у раба божия имярека тоска-кручина к ретивому сердцу не приступала и не приваливалась, отшатилась бы и отвалилась» (севернорусские заговоры). «Стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою! И остановилось солнце, и луна стояла...» («Книга Иисуса Навина», 10.12—13). Мы, однако, выделяем в акте речевой коммуникации еще три конститутивных элемента и различаем еще три соответствующие функции языка.

Существуют сообщения, основное назначение которых — установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить, работает ли канал связи («Алло, вы меня слышите?»), привлечь внимание собеседника или убедиться, что он слушает внимательно («Ты слушаешь?» или, говоря словами Шекспира, «Предоставь мне свои уши!»), а на другом конце провода: «Да-да!»). Эта направленность на *контакт*, или, в терминах Малиновского, *фатическая* функция, осуществляется посредством обмена ритуальными формулами или даже целыми диалогами, единственная цель которых — поддержание коммуникации.

(...)

Стремление начать и поддерживать коммуникацию характерно для говорящих птиц; именно фатическая функция языка является единственной функцией, общей для них и для людей. Эту функцию первой усваивают дети; стремление вступать в коммуникацию появляется у них гораздо раньше способности передавать или принимать информативные сообщения.

В современной логике проводится различие между двумя уровнями языка: «объектным языком», на котором говорят о внешнем мире, и «метаязыком», на котором говорят о языке. Однако метаязык — это не только необходимый инструмент исследования, применяемый логиками и лингвистами; он играет важную роль и в нашем повседневном языке. Наподобие мольеровского Журдена, который говорил прозой, не зная этого, мы пользуемся метаязыком, не осознавая метаязыкового характера наших операций. Если говорящему или слушающему необходимо проверить, пользу-

ются ли они одним и тем же кодом, то предметом речи становится сам код: речь выполняет здесь *метаязыковую* функцию (то есть функцию толкования). «Я вас не совсем понимаю, что вы имеете в виду?» — спрашивает слушающий, или, словами Шекспира: «What is't thou say'st?» («Что ты такое говоришь?»). А говорящий, предвосхищая подобные вопросы, спрашивает сам: «Вы понимаете, что я имею в виду?» Вообразим такой восхитительный диалог:

«— Софомора завалили.

— А что такое *завалили*?

— *Завалили* — это то же самое, что *засыпали*.

— А *засыпали*?

— *Засыпаться* — это значит *не сдать экзамен*».

— And what is *sophomore*? («А что такое *софомор*?») — настаивает собеседник, не знакомый со студенческим жаргоном.

— А *sophomore* is (or means) a *second-year student* («*Софомор* — значит *второкурсник*»).

Все эти предложения, устанавливающие тождество высказываний, несут информацию лишь о лексическом коде английского языка; их функция является строго метаязыковой. В процессе изучения языка, в особенности при усвоении родного языка ребенком, широко используются подобные метаязыковые операции; афазия часто заключается в утрате способности к метаязыковым операциям.

Мы рассмотрели все шесть факторов, участвующих в речевой коммуникации, за исключением самого сообщения. Направленность (*Einstellung*) на *сообщение*, как таковое, сосредоточение внимания на сообщении ради него самого — это *поэтическая* функция языка. Эту функцию нельзя успешно изучать в отрыве от общих проблем языка, и, с другой стороны, анализ языка требует тщательного рассмотрения его поэтической функции. Любая попытка ограничить сферу поэтической функции только поэзией или свести поэзию только к поэтической функции представляет собой опасное упрощенчество. Поэтическая функция является не единственной функцией словесного искусства, а лишь его центральной определяющей функцией, тогда как во всех прочих видах речевой деятельности она выступает как вторичный, дополнительный компонент. Эта функция, усиливая осязаемость знаков, углубляет фундаментальную дихотомию между знаками и предметами. По-

этому, занимаясь поэтической функцией, лингвисты не могут ограничиться областью поэзии.

— Почему ты всегда говоришь *Джоан и Марджори*, а не *Марджори и Джоан*? Ты что, больше любишь Джоан?

— Вовсе нет, просто так звучит лучше.

Если два собственных имени связаны сочинительной связью, то адресант, хотя и бессознательно, ставит более короткое имя первым (разумеется, если не вмешиваются соображения иерархии): это обеспечивает сообщению лучшую форму.

(...)

Как мы говорили выше, с одной стороны, лингвистическое изучение поэтической функции должно выходить за пределы поэзии, а с другой стороны, лингвистический анализ поэзии не может ограничиваться только поэтической функцией. Наряду с поэтической функцией, которая является доминирующей, в поэзии используются и другие речевые функции, причем особенности различных жанров поэзии обуславливают различную степень использования этих других функций. Эпическая поэзия, сосредоточенная на третьем лице, в большой степени опирается на коммуникативную функцию языка. Лирическая поэзия, направленная на первое лицо, тесно связана с экспрессивной функцией; «поэзия второго лица» пропитана апеллятивной функцией: она либо умоляет, либо поучает, — в зависимости от того, кто кому подчинен — первое лицо второму или наоборот.

После того как беглое описание шести основных функций речевой коммуникации более или менее закончено, мы можем дополнить нашу схему основных компонентов акта коммуникации соответствующей схемой этих функций:

- Коммуникативная (референтивная)
- Апеллятивная
- Поэтическая
- Экспрессивная
- Фатическая
- Метаязыковая

Каков же эмпирический лингвистический критерий поэтической функции? Точнее, каков необходимый признак, внутренне

присущий любому поэтическому произведению? Чтобы ответить на этот вопрос, мы напомним о двух основных операциях, используемых в речевом поведении: это *селекция* и *комбинация*. Если тема (topic) сообщения — «ребенок», то говорящий выбирает одно из имеющихся в его распоряжении более или менее сходных существительных, таких, как *ребенок*, *дитя*, *подросток*, *малыш* и т.д., которые все в определенном отношении эквивалентны друг другу. Затем, чтобы высказаться об этой теме, говорящий может выбрать один из семантически родственных глаголов, например *спать*, *дремать*, *клевать носом* и т.д. Оба выбранных слова комбинируются в речевой цепи. Селекция (выбор) производится на основе эквивалентности, подобия и различия, синонимии и антонимии; комбинация — построение предложения — основывается на смежности. *Поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинаций*. Эквивалентность становится конституирующим моментом в последовательности. В поэзии один слог приравнивается к любому слогу той же самой последовательности; словесное ударение приравнивается к словесному ударению, а отсутствие ударения — к отсутствию ударения; просодическая долгота сопоставляется с долготой, а краткость — с краткостью; словесные границы приравниваются к словесным границам, а отсутствие границ — к отсутствию границ; синтаксическая пауза приравнивается к синтаксической паузе, а отсутствие паузы — к отсутствию паузы. Слоги превращаются в единицы меры, точно так же как моры и ударения.

Могут возразить, что метаязык также использует эквивалентные единицы при образовании последовательностей, когда синонимичные выражения комбинируются в предложения, утверждающие равенство: $A = A$ («Кобыла — это самка лошади»). Однако поэзия и метаязык диаметрально противоположны друг другу: в метаязыке последовательность используется для построения равенств, тогда как в поэзии равенство используется для построения последовательностей.

(...)

Подведем итог. Анализ стиха находится полностью в компетенции поэтики, и эту последнюю можно определить как ту часть лингвистики, которая рассматривает поэтическую функцию в ее соотношении с другими функциями языка. Поэтика в более широком

смысле слова занимается поэтической функцией не только в поэзии, где поэтическая функция выдвигается на первый план по сравнению с другими языковыми функциями, но и вне поэзии, где на первый план могут выдвигаться какие-либо другие функции.

- ВОПРОСЫ**
- 1) Что такое «контекст» и «код» в понимании Р.О. Якобсона?
 - 2) Как соотносятся основные элементы коммуникации с основными функциями языка?
 - 3) Как соотносятся философская модель коммуникации М.М. Бахтина с лингвистической моделью Р.О. Якобсона?

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Норберт Винер (Wiener, 1894—1964) — американский математик и философ, сформулировавший основные положения кибернетики и теории вероятностей. Его первые исследования посвящены логике, затем он занимался биологией, математикой и информатикой. Для Винера характерно стремление к междисциплинарному синтезу. Н. Винер исходит из того, что «кибернетика» (от греч. *kybernetes* — «рулевой», «кормчий») как наука об управлении и связи противостоит возрастанию энтропии. Под «энтропией» при этом понимается тенденция природы «...к нарушению организованного и разрушению имеющего смысл». Н. Винер — создатель концепции «обратной связи» в коммуникативных системах «человек ↔ человек (общество)», «человек (общество) ↔ машина».

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ

Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1958.

Винер Норберт. Обратная связь и колебания // Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Пер. с англ. И.В. Соловьева; Под ред. Г.Н. Поварова. М., 1958. С. 124—127.

Норберт Винер. ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ И КОЛЕБАНИЯ

В неврологическую клинику приходит больной. Он не парализован и, получив приказание, может двигать ногами. Тем не менее

он страдает тяжелым недугом. Он идет странной, неуверенной походкой и все время смотрит вниз, на землю и на свои ноги. Каждый шаг он начинает с рывка, выбрасывая вперед сначала одну, потом другую ногу. Если ему завязать глаза, он не сможет стоять, он шатается и падает. Что с ним?

Приходит другой больной. Пока он неподвижно сидит на стуле, кажется, что у него все в порядке. Но если предложить ему папиросу, то при попытке взять ее рукой он промахнется. Затем он столь же тщетно качнет руку в обратном направлении, потом опять вперед, и, наконец, его рука станет совершать лишь быстрые и бесцельные колебания. Дайте ему стакан воды, и он выплеснет всю воду, прежде чем сумеет поднести стакан ко рту. Что с ним?

Оба больные страдают разными формами так называемой *атаксии*. Их мышцы достаточно сильны и здоровы, но они не могут управлять своими движениями. Первый больной страдает сухоткой спинного мозга (*tabes dorsalis*). Часть спинного мозга, обычно воспринимающая ощущения, повреждена или разрушена поздними осложнениями от сифилиса. Поступающие сигналы притуплены или даже полностью пропадают. Рецепторы в суставах, сухожилиях, мышцах и подошвах его ног, обычно сообщавшие ему о положении и движении ног, не посылают сигналов, которые центральная нервная система могла бы принять и передать, и чтобы получить информацию о положении своего тела, больной должен полагаться на глаза и органы равновесия внутреннего уха. Физиолог на своем языке скажет, что больной потерял значительную часть проприоцептивных и кинестетических ощущений.

Второй больной не потерял проприоцептивных ощущений — у него повреждение мозжечка, и он болен так называемым мозжечковым, или интенционным, тремором. По-видимому, функция мозжечка — соразмерять мышечную реакцию с проприоцептивными сигналами, и если эта со-размерность нарушена, одним из следствий может явиться тремор.

Мы видим, таким образом, что для эффективного воздействия на внешний мир необходимо не только иметь хорошие эффекторы (исполнительные органы), но, кроме того, действие эффекторов должно находиться под надлежащим контролем центральной нервной системы; показания же контрольных органов должны со-

четаться надлежащим образом с другими сведениями, поступающими от органов чувств, образуя правильно соразмеренные выходные сигналы к эффекторам. Нечто подобное мы видим в механических системах. Рассмотрим центральный пост сигнализации на железной дороге. Сигналист управляет рядом рычагов, которые открывают или закрывают семафоры и переводят стрелки. Однако он не может слепо верить, что семафор и стрелки подчинились его приказаниям. Стрелки могли замерзнуть или снег мог согнуть крылья семафоров, и действительное положение стрелок и сигналов семафоров — эффекторов сигналиста — может не соответствовать его приказаниям. Во избежание опасностей, неизбежно связанных с такой возможностью, каждый эффектор — стрелка или сигнал семафора — соединяется с контрольными приборами на сигнальном посту, которые сообщают сигналисту о действительном состоянии и работе эффектора. Это представляет собой механическую аналогию повторению приказов в военно-морском флоте, где по уставу каждый подчиненный по получении приказа повторяет его своему начальнику, чтобы показать, что он расслышал и понял. На основании таких повторенных приказов и действует сигналист.

Заметим, что в этой системе человек участвует в цепи прямой и обратной передачи информации, в цепи, которую мы далее будем называть цепью обратной связи. Правда, сигналист не может действовать полностью по своему произволу; стрелки и сигналы связаны блокировкой, механической или электрической, и не в его воле выбрать гибельные комбинации. Но имеются цепи обратной связи, в которых человек совершенно не участвует. Одна из таких цепей — обычный термостат, регулирующий систему отопления дома. Термостат настраивается на желаемую температуру помещения, и если действительная температура помещения ниже, то приводится в действие устройство, которое открывает заслонку печи для усиления тяги или увеличивает поступление горючего и тем самым доводит температуру помещения до желаемого уровня. Если же температура в помещении превышает желаемый уровень, то выключается тяга либо уменьшается или прекращается поступление горючего. Таким образом, температура помещения поддерживается приблизительно на постоянном уровне. Заметим, что постоянство этого уровня зависит от качества конструкции термо-

стата и что плохо спроектированный термостат может вызвать сильные колебания температуры, подобные движениям человека, страдающего мозжечковым тремором.

Другой пример чисто механической системы обратной связи — это изученный впервые Кларком Максвеллом регулятор паровой машины, служащий для регулировки ее скорости при переменных режимах нагрузки. Регулятор в своем первоначальном виде, как его сконструировал Уатт, состоит из двух шаров, укрепленных на маятниковых стержнях на противоположных сторонах вращающегося вала. Собственный вес «или пружина тянет шары вниз, а центробежная сила, зависящая от угловой скорости вала, стремится подбросить их вверх. Поэтому они принимают некоторое промежуточное положение, которое также зависит от угловой скорости. Шары через другие стержни управляют положением муфты, сидящей на валу, которая приводит в движение золотник, открывающий впускные клапаны цилиндра, когда скорость машины уменьшается и шары опускаются, и закрывающий их, когда скорость машины увеличивается и шары поднимаются». Заметим, что обратная связь стремится противодействовать тому, что делает система; следовательно, эта обратная связь является отрицательной.

Итак, мы рассмотрели примеры отрицательной обратной связи для стабилизации температуры и отрицательной обратной связи для стабилизации скорости. Возможна также отрицательная обратная связь для стабилизации положения, как в рулевых машинах корабля, которые приходят в действие при наличии угловой разности между положением штурвала и положением руля и действуют всегда таким образом, чтобы привести положение руля в соответствие с положением штурвала. Обратная связь при произвольных действиях человека имеет такой же характер. Мы не хотим специально приводить в движение определенные мышцы и даже вообще не знаем, какие мышцы нужно привести в движение, чтобы выполнить данную задачу; мы просто хотим взять, например, папиросу. Наше движение регулируется степенью того, насколько задача еще не выполнена.

Информация, поступающая обратно в управляющий центр, стремится противодействовать отклонению управляемой величины от управляющей; но она может зависеть от этого отклонения

весьма различным образом. Простейшие управляющие сигналы суть линейные сигналы: выходной сигнал исполнительного органа зависит линейно от входного сигнала и при сложении входных сигналов складываются и выходные сигналы. Выходной сигнал отсчитывается каким-нибудь прибором, также линейным. Этот отсчет просто вычитается из входного сигнала. Мы хотим дать точную теорию работы такой системы и, в частности, исследовать ее неисправное поведение и возникновение в ней колебаний при неправильном обращении или перегрузке.

(...)

- ВОПРОСЫ**
- 1) В чем состоит сходство между концепцией прямых и обратных связей Н. Винера и «общей теорией систем» Л. фон Берталанфи?
 - 2) В чем значение прямых связей?
 - 3) Почему обратная связь может быть отрицательной? Приведите примеры из истории, экономики, истории литературы, искусства, жизни.

Т е м а 5. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *межкультурная коммуникация, этнопсихологический подход, сложная система, метапродукт (метаартефакт), посредник, язык-посредник, свое и чужое, адаптация, граница.*

В основе человеческого общения лежит «взаимная нуждаемость», обусловленная природой человека, ощущающего потребность искать восполнение своей «неполноты» в другом человеке. Эта потребность заложена и в геноме человека. Человеческий геном, насчитывающий около 100 000 генов, как установлено, на 99,9% одинаков у каждого человека независимо от его расовой, этнической, половой принадлежности. Все расовые, этнические и тем более индивидуальные различия людей определяются комбинацией лишь 0,1% генов. Генетический базис у всех людей на 99,9% одинаков¹. Между тем люди зримо различаются по этническим, социальным, возрастным и гендерным признакам.

Межкультурная коммуникация не сводится к коммуникации межэтнической. Искать контакты приходится как отдельным людям, социокультурным слоям, возрастным группам, женщинам и мужчинам, поколениям, так и национальным сообществам. Межкультурная коммуникация затрагивает самые разные сферы: международные отношения, преподавание, экономику глобализованного мира, торговлю, бытовое общение людей. У жителя страны по меньшей мере девять характеров. Среди них — «профессиональный, национальный, классовый, географический, половой, осознанный, неосознанный и еще, может быть, частный; он со-

¹ Зельман В.Л. Человеческий геном и здоровье человека // Доклад на объединенном заседании московских научных обществ нейрохирургов и анестезиологов 29.09.2005 в Московском институте нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко РАМ.

единяет их в себе, но они растворяют его, и он есть, по сути, не что иное, как размытая этим множеством ручейков ложбинка...»² Каждый человек вступает в коммуникацию как носитель разнообразного набора этих характеров. Конкретный выбор зависит от собеседников и ситуации общения. Человеческая коммуникация имеет смысл.

После Второй мировой войны в США и Западной Европе складываются основы новой учебной дисциплины и нового научного направления — «межкультурной коммуникации». В 1946 г. в США была создана новая кадровая структура — Институт службы за границей (Foreign Service Institute), который возглавил Эдвард Холл (Edward T. Hall, род. 1914)³. Э. Холл — известный американский антрополог и лингвист, разработавший концепцию изучения различных культур. Он предложил готовить специалистов, профессионально ориентирующихся в чужих культурах, так же как готовят переводчиков и преподавателей иностранных языков. Холлу принадлежит мысль о том, что «...нет другого пути познания культуры, кроме как изучать ее, как учат язык». Разработанные Э. Холлом типология культур («низкоконтекстные» и «высококонтекстные» культуры), интересный и содержательный анализ невербальных компонентов коммуникации очень важны для теории и практики межкультурной коммуникации. Особенно интересно такое явление, как дистанция, которую сохраняют в общении между собой представители разных культур. Холл обозначил эту дистанцию термином «проксемика». Он подчеркивал ее социокультурную обусловленность. Э. Холл сопоставлял культуры по переживанию времени. Он выделил полихронные и монокронные модели поведения.

Полихронная модель нацелена больше на личные отношения людей, чем на результаты деятельности. В полихронной культуре люди решают в одно и то же время много задач, стремясь сохранить добрые отношения с окружающими. Монокронная модель поведения всегда нацелена на результат. Об этом писал английский поэт Р. Киплинг: «One thing at a time».

² *Музиль Роберт*. Человек без свойств / Пер. С.К. Апта. Т. 1. М., 1984.

³ *Hall E. T.* The silent language. (1959). *Hall E. T.* Beyond culture. (1977). *Hall E. T.* The dance of life. (1983). *Hall E. T.* Hidden Differences: Studies in International Communication. (1985).

В 70—80-е гг. XX в. новую учебную дисциплину начали преподавать в европейских и американских университетах. В США центром по изучению межкультурной коммуникации является Университет в г. Альбукерке (University of New Mexico), в Германии — университеты Мюнхена, Йены и Байрейта⁴, в России новая дисциплина получила распространение в конце 90-х гг. XX в.⁵. Основополагающие идеи были выдвинуты учеными институтов РАН и МГУ. Среди других центров изучения теории и практики межкультурной коммуникации в России можно также назвать Воронеж, Тамбов, Волгоград и Нижний Новгород.

Происхождение термина «межкультурная коммуникация»

Отечественные исследователи по-разному трактуют происхождение термина «межкультурная коммуникация» (intercultural communication, cross-cultural communication). По одной из версий, термин вошел в оборот не позднее 1954 г., когда «вышла в свет книга Э. Холла и Д. Трагера «Culture as Communication» («Культура как коммуникация»)⁶. Однако М.Б. Бергельсон отмечает, что термин сложился лишь в 70-е гг. XX в.⁷ При этом она ссылается на учебник А. Лэрри Самовара и Ричарда Э. Портера⁸. В любом случае очевидно, что во 2-й половине XX в. идея «межкультурной коммуникации» стала исключительно популярной. «Межкультурная коммуникация» — одна из формул, зафиксировавших дух нашего времени.

Связанный с межкультурным взаимодействием термин «intercultural communication» подчеркивает зоны взаимоналожения разных культур. Взаимодействию, взаимосвязи культур придается,

⁴ Handbuch. Interkulturelle Germanistik / Hrsg.v. Alois Wierlacher und Andrea Bogner. Stuttgart — Weimar, 2003. S. 612—620.

⁵ Межкультурная коммуникация: Сборник учебных программ. Московский Государственный Университет, Факультет иностранных языков, Отделение языков и культур. М., 1999.

⁶ См.: Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. А.П. Садохина. М., 2002.

⁷ См. сайт М.Б. Бергельсон: <http://www.ffl.msu.ru/people/mbergelson/28.htm>.

⁸ Larry A. Samovar, Richard E. Porter. Communication between Cultures. Wadsworth Publishing Company, 1995.

таким образом, особая значимость. Несколько иной характер имеет термин «cross-cultural communication», указывающий прежде всего на пересечение границы как основу межкультурной коммуникации. Есть и еще один термин — «мультикультурная» коммуникация. Он подчеркивает мысль о множестве культур, одновременно вступающих в диалог.

Определение «межкультурной коммуникации»

В собственном смысле слова «межкультурная коммуникация» подразумевает прямое или опосредованное общение «представителей различных культур»⁹. При этом «межэтническая коммуникация» предстает лишь как одна из разновидностей коммуникации межкультурной.

В широком смысле слова всякая коммуникация является «межкультурной». При этом внимание исследователя фокусируется на точке «переворачивания», бифуркации. В этой точке сходства могут переходить в различия. Неслучайно физик и философ Илья Пригожин подчеркивал, что людям, живущим в эпоху нестабильности, следует распрощаться с представлением, что мир — их «безропотный слуга». Человек не может полностью контролировать окружающий его мир нестабильных феноменов, как не может «полностью контролировать социальные процессы» (хотя экстраполяция классической физики на общество заставляла людей верить в это). Межкультурная коммуникация описывает неустойчивый, нестабильный, хаотический, открытый, непрерывно обновляющийся, самоорганизующийся и непредсказуемый современный мир.

Поэтому целесообразно рассмотреть широкое понимание «межкультурной коммуникации», включающей общение человека с Богом, человека и природы¹⁰, диалог личности и общества, взаимопонимание — непонимание различных социокультурных слоев, общение между здоровыми и больными людьми. Возрастной и

⁹ *Hans-Jürgen Lüsebrink. Kulturstudien und Interkulturelle Kommunikation // Konzepte der Kulturwissenschaften. Theoretische Grundlagen — Ansätze — Perspektiven / Hrsg. v. Ansgar Nünning und Vera Nünning. — Stuttgart-Weimar, 2003. S. 312.*

¹⁰ *Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. — Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры: Научное издание. СПб., 2002. С. 166.*

гендерный факторы также влияют на «межкультурный» характер всякой человеческой коммуникации.

Интерес к проблемам межкультурной коммуникации во многом определяется двумя современными тенденциями — глобализацией и регионализацией, действующими одновременно. Регионализация и глобализация ограничивают и поддерживают друг друга, образуя внутренне противоречивое смысловое целое. С одной стороны, Россия стремится вступить в ВТО, войти во всемирное экономическое пространство. С другой стороны, мы справедливо опасаемся утраты самобытности русской культуры. С одной стороны, Франция желает лидерства в объединенной Европе, что невозможно без унификации экономики, политики, культуры и языка. С другой стороны, французы преследуют политику «франкофонии», связанную с защитой и распространением собственной культуры и языка. Глобализация усиливает регионализацию. В борьбе этих тенденций нарастает нестабильность и непредсказуемость ближайшего будущего. Само будущее предстает нелинейным, незадаанным, многовариантным¹¹.

Из всего сказанного выше следуют важнейшие предпосылки межкультурной коммуникации:

- 1) защита собственной культуры и языка как условие сохранения национальной идентичности;
- 2) дистанция, отказ от нарушения физических и ментальных границ другой личности, народа;
- 3) толерантность как признание иной точки зрения;
- 4) внутренняя установка на плюрализм как попытка взглянуть из другой перспективы на «свое», родное;
- 5) внимание к «чужой» точке зрения на «свое».

Межкультурная коммуникация — вид культурной коммуникации

При теоретическом осмыслении межкультурной коммуникации как научной дисциплины прежде всего отмечается, что это

¹¹ Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. № 6. 1991. С. 46—57.

вид культурной коммуникации, обладающий новым качеством. Исходя из представлений о культурной коммуникации как о системе и о процессе одновременно, ее можно определить как соединение систем, в которых артефакт, превращенный в другую форму развития, получает новый вид и новую функцию.

При этом «культурный барьер», по справедливому замечанию С.Г. Тер-Минасовой, «гораздо опаснее и неприятнее языкового. Он как бы сделан из абсолютно прозрачного стекла и неощутим до тех пор, пока не разобьешь себе лоб об эту невидимую преграду. Опасен он еще и тем, что культурные ошибки обычно воспринимаются намного болезненнее, чем ошибки языковые, несмотря на то, что первые гораздо более извинительны: различия культур не обобщены в своды правил, как различия языков, нет ни грамматик, ни словарей культур. Однако все мы знаем из собственного опыта, с каким добродушием обычно встречаются ошибки в иностранных языках его носителями. Культурные же ошибки, как правило, не прощаются так легко и производят самое отрицательное впечатление»¹².

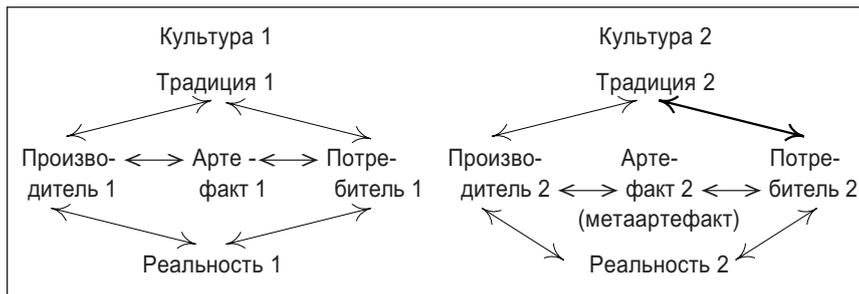
Между «культурной» и «межкультурной» коммуникациями нет явно выраженной границы, так как их объединяет неперемное присутствие «другого» («Я—Ты») и разделяет не всегда просчитываемая дистанция. Для ее сокращения необходима общечеловеческая этическая норма. Религия и язык могут сокращать или увеличивать дистанцию, но общая схема системы «культура» сохраняется. В ней так же артефакт, производитель и потребитель (адресант, сообщение, адресат) соединены прямыми и обратными связями, а традиция и реальность (контексты) суть условия функционирования системы, усложнение которой лишь свидетельство ее фрактального и открытого характера. *Именно поэтому мы пользуемся широким пониманием термина «межкультурная коммуникация».*

В межкультурной коммуникации на выходе системы «культура» потребитель оказывается производителем нового артефакта, который не тождествен первому артефакту и является по отношению к нему **метапродуктом**, появление которого обусловлено но-

¹² См.: Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. 2000. С. 33—36.

вой реальностью, другой традицией и в конечном счете новым потребителем. Так, при «встрече» славянской культуры на Балканах во время второго Болгарского царства тюрки-болгары, вторгшись в славянскую среду, в результате истребили славян-аборигенов, но при этом переняли язык славян и их культуру. Болгарский язык стал единственным аналитическим языком среди славянских языков, хотя это произошло позже.

Межкультурную коммуникацию можно представить схемой:

Из схемы видно, что в результате межкультурной коммуникации артефакт остается элементом «культуры 1», а метаартефакт становится элементом «культуры 2». В межкультурной коммуникации звенья цепи могут быть многочленными, что не меняет принципа построения системы.

Представление о национальной культуре как открытой диссипативной системе нуждается при этом в комментариях. Сложные системы, сталкиваясь и взаимопроникая, могут порождать полное или частичное перерождение своей культуры. В национальной культуре носители чужой культуры, входя в состав нации, ее создавшей, уничтожают и самую культуру, и ее потребителя. При этом они «присваивают» национальную культуру, адаптируя ее.

Другой случай, когда открытость системы национальной культуры на входе и выходе приводит не к уничтожению производителя и потребителя, а замене прежнего артефакта. С таким исходом мы сталкивались, например, в Украине, где украинский язык оказался вытесненным из жизни украинской нации русским либо породил новый субязык, называемый «суржи́ком». Подобное явление было в Чехии, где чехи продолжали существовать, но чешская

культура была потеснена немецкой культурой. При благоприятных обстоятельствах в этом случае возможно национальное Возрождение, как было в Чехии в XIX в.

В другом случае межкультурной коммуникации меняются не автор и потребитель, а сам артефакт, место которого занимает артефакт 2.

Метаартефакт

Как и в системе «культура», где артефакт (произведение, сообщение) является главным членом, центрируя всю систему, в межкультурной коммуникации метаартефакт — тоже цель всего процесса, будь то создание новой марки автомобиля или обучение вторичной языковой личности. При этом метапродукт (метаартефакт), появляющийся внутри одной культуры или во взаимодействии разных культур, обладает новым свойством. В европейских языках приставка «мета» (греч. meta — после, за, через) как составная часть сложных слов обозначает нечто, находящееся на более высокой ступени, более высоком уровне, чем названное понятие (например, метатеория). Но «мета» может обозначать и превращение, переход через границу (метастаза)¹³. В культурной и межкультурной коммуникации мы будем пользоваться вторым значением. Метапродукт в принимающей системе — это артефакт, перешедший границу, несущий на себе печать интерпретации и только становящийся из «чужого» «своим». Здесь межкультурная коммуникация открывается как система, в которой осуществляется смысловой переход. Мета указывает на промежуточный характер понятия «метапродукт». Возможность видоизменения артефакта, заложенная в открытом характере системы «культура» и в том, что ее виды подобны инварианту системы «культура», приводят к тому, что артефакты одной системы «культура» могут служить материалом для другой. Американские джинсы, первоначально созданные в Техасе как одежда ковбоев, породили ряд метаартефактов от Турции до Китая. Еще более многочисленны подобные примеры из мира техни-

¹³ Словарь иностранных слов. М., 1980.

ки. Модель немецкого «Опеля» стала моделью русской легко-вой машины «Победа».

По сравнению с культурной коммуникацией в коммуникации межкультурной присутствует в качестве артефакта метапродукт. Метапродукт возникает в сложной системе, обладающей мощным эффектом взаимодействия.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Светлана Григорьевна Тер-Минасова — доктор филологических наук, профессор, известный специалист в области прикладной лингвистики и теории межкультурной коммуникации. С.Г. Тер-Минасова — создатель научной школы по изучению теории и практики межкультурной коммуникации.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ

Синтагматика речи: онтология и эвристика. М., 1980.

Синтагматика функциональных стилей. М., 1986.

Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

Тер-Минасова С.Г. Межкультурная коммуникация и изучение иностранных языков // Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. С. 33—36.

С.Г. Тер-Минасова. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Роль сопоставления языков и культур для наиболее полного раскрытия их сущности

The sum of human wisdom is not contained in any one language, and no single language is capable of expressing all forms and degrees of human comprehension.

Ezra Pound

Взаимосвязь языков и культур, необходимость их соизучения не вызывает сомнения. Однако здесь необходимо сделать важное методологическое замечание.

Дело в том, что существенные особенности языка и тем более культуры вскрываются при сопоставлении, при сравнительном изучении языков и тем более культур. Это настойчивое «тем более» призвано подчеркнуть особую неясность, невидимость культурного барьера на уровне одной культуры. Если языковой барьер абсолютно очевиден, то барьер культур становится явным только при столкновении (или сопоставлении) родной культуры с чужими, отличными от нее: в лучшем случае удивительными, а обычно просто странными, неприятными, шокирующими (отсюда понятие культурного шока).

В рамках собственной культуры создается прочная иллюзия своего видения мира, образа жизни, менталитета и т.п. как единственно возможного и, главное, единственно приемлемого. Станным образом, подавляющее большинство людей не осознает себя в качестве продукта своей культуры даже в тех редких случаях, когда они понимают, что поведение представителей других культур определяется их иной культурой. Только выйдя за рамки своей культуры, то есть столкнувшись с иным мировоззрением, мироощущением и т.п., можно понять специфику своего общественного сознания, можно «увидеть» различие или конфликт культур...

Культурный барьер, таким образом, гораздо опаснее и неприятнее языкового. Он как бы сделан из абсолютно прозрачного стекла и неощутим до тех пор, пока не разобьешь себе лоб об эту невидимую преграду. Опасен он еще и тем, что культурные ошибки обычно воспринимаются намного болезненнее, чем ошибки языковые, несмотря на то, что первые гораздо более извинительны: различия культур не обобщены в своды правил, как различия языков, нет ни грамматик, ни словарей культур. Однако все мы знаем из собственного опыта, с каким добродушием обычно встречаются ошибки в иностранных языках его носителями. Культурные же ошибки, как правило, не прощаются так легко и производят самое отрицательное впечатление.

Все тонкости и вся глубина проблем межъязыковой и межкультурной коммуникации становятся особенно наглядными, а иногда и просто осознаваемыми, при сопоставлении иностранных языков с родными и чужой культуры со своей родной, привычной. Вот почему предмет «мир изучаемого языка» рекомендуется, если по-

зволят возможности, вести как бы с двух сторон, в виде параллельных курсов: один — носителем языка и культуры изучаемого языка, а второй — носителем родного языка и родной культуры. Именно так строятся (по возможности, то есть в зависимости от наличия компетентных лекторов) эти курсы на нашем факультете.

Это позволяет получить более полное и многогранное знание культуры носителей изучаемого языка, поскольку их мир представлен, во-первых, так, как он выглядит в их собственных глазах, и, во-вторых, через призму родной для учащихся культуры, через столкновение этих культур, что позволяет яснее осознать различия этих культур и избежать культурного шока при реальном общении с представителями чужой культуры.

Таким же образом преподается и мир русского языка: занятия ведут как наши специалисты по русской истории, культуре и т.п., так и иностранцы, рассказывающие об их восприятии России и русских.

Андрей Макин в своей книге «Le testament français» («Французское завещание») говорит о том, что все его русские родственники прислушивались к мнению его бабушки — француженки Шарлотты — с особым вниманием и интересом, поскольку она приехала в Россию из Франции добровольно, по своему выбору, видела русскую жизнь через призму иной культуры и открывала им глаза на некоторые неожиданные аспекты их жизни...: *C'est que Charlotte surgissait sous le del russe comme une extraterrestre. Elle n'avait que faire de l'histoire cruelle de cet immense empire, de ses famines, révolutions, guerres civiles... Nous autres, Russes, n'avions pas le choix. Mais elle? Á travers son regard, ils observaient un pays méconnaissable, car jugé par une étrangère, parfois naïve, souvent plus perspicace qu'eux-mêmes. Dans les yeux de Charlotte s'était reflété un monde inquiétant et plein d'une vérité spontanée — une Russie insolite qu'il leur fallait découvrir*».

Дело в том, что Шарлотта как бы сохраняла свою экстерриториальность под русским небом. Жестокая история огромной империи, с ее голодом, революциями, гражданскими войнами, не имела к ней отношения... У нас, русских, выбора не было. Но она? Глядя на Россию глазами Шарлотты, они не узнавали свою страну, потому что то был взгляд иностранки, иногда наивной, но зачас-

тую более пронизательной, чем они сами. В глазах Шарлотты отражался тревожный, полный стихийных откровений мир — непривычная Россия, которую им нужно было познать (А. Макин. Французское завещание / Пер. Ю. Яхниной и Н. Шаховской // Иностранная литература. 1996. № 12. С. 49).

И еще одна цитата, на этот раз из великого Вильгельма фон Гумбольдта: «Через многообразие языков для нас открывается богатство мира, многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия». Носители языка, не знающие иностранных языков, обычно не видят ни конфликта культур, ни конфликта языков.

Этот конфликт проявляется на разных уровнях. Изучение его очень важно, особенно когда это трудности, скрытые и от участников коммуникации, в том числе и от участников процесса обучения иностранным языкам: от учителя и ученика. Наиболее явно он проявляется в лексике, так как именно эта часть языка имеет через лексическое значение прямой и непосредственный выход в реальный мир, во внеязыковую реальность.

Узнав новое иностранное слово, эквивалент родного, следует быть очень осторожным с его употреблением: за словом стоит понятие, за понятием — предмет или явление реальности мира, а это мир иной страны, иностранный, чужой, чуждый. Обратите внимание на слово *употребление*: именно в процессе производства речи, то есть при реализации активных навыков пользования языком (говорение, письмо), особенно остро встает проблема культурного барьера, культурного компонента, наличия культурных фоновых знаний о мире изучаемого языка. Действительно, для того чтобы не просто узнать, распознать значение слова в тексте, произведенном кем-то, а самому произвести этот текст, нужно знать не только собственно значение слова, но и как можно больше о том, что стоит за словом, о предмете-понятии (thing meant), о его месте и функциях в том мире, где данный язык используется в качестве реального средства общения.

Самые трудные проблемы обучения активным навыкам пользования — письму и говорению, то есть собственно производству

речи, становятся очевидными только с уровня двух и более языков. Это проблемы лексической сочетаемости слов в речи и, соответственно, лексикографии, коммуникативного синтаксиса и многие другие...

Вот почему преподавание иностранных языков в России должно быть основано на сопоставлении с родным языком и культурой и, следовательно, связано с русистикой. Это важнейшее условие оптимизации и развития преподавания иностранных языков, русского языка и русского как иностранного.

Заявления такого рода — о том, что только с уровня знания по крайней мере двух языков и двух культур открываются (как с вершины горы — новые дали и горизонты) некие скрытые свойства и, соответственно, скрытые трудности, которые не видны с уровня одного языка, — позволяют сделать один важный практический вывод: **носители языка, преподающие свой родной язык как иностранный и не знающие родного языка учащихся, не видят ни этих скрытых свойств, ни этих скрытых трудностей.** И в этом — сюрприз, сюрприз! — большое преимущество иностранных преподавателей иностранного же языка перед преподавателями — носителями этого языка.

Все расхождения языков и культур выявляются при их сопоставлении. Однако на уровне языковой картины мира эти различия не видны и слова разных языков выглядят обманчиво эквивалентными. Это создает большие трудности в практике преподавания иностранных языков. Еще раз подчеркнем, что все эти проблемы обнаруживаются только при сопоставительном изучении по крайней мере двух языков (и, соответственно, культур) — иностранного и родного. Они представляют, таким образом, некий подводный камень в практике обучения иностранным языкам, который не в состоянии увидеть преподаватели-носители иностранного языка, не знающие родного языка студентов.

- ВОПРОСЫ**
- 1) В чем отличие культурного барьера от барьера языкового?
 - 2) Почему возникает культурный шок?

Задание 1

Предложите собственные аспекты изучения предмета «Мир иностранного языка».

Задание 2

Прочитайте фрагмент описания нижегородской ярмарки, данный французским путешественником маркизом де Кюстином в 1839 г. Перечислите факторы, которые, по мнению наблюдателя, затрудняют межкультурную коммуникацию.

«Нижегородская ярмарка, ставшая ныне самой значительной на земном шаре, является местом встречи народов, не имеющих ничего общего между собой по виду, по одежде, по языку, религии и нравам. Жители Тибета и Бухары — стран, сопредельных Китаю, — сталкиваются здесь с финнами, персами, греками, англичанами и французами. Это настоящий судный день для купцов».

(Астольф де Кюстин. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 626)

Задание 3

Пьер Тейяр де Шарден. Феномен человека (М., 1987. С. 168):

«У человека (по крайней мере у посленеолитических людей) физическое устранение становится скорее исключением или, во всяком случае, второстепенным фактором. Каким бы жестоким ни было завоевание, оно всегда сопровождается какой-то ассимиляцией. Даже будучи частично поглощенными, побежденные все еще воздействуют на победителей и преобразуют их. Как говорят в геологии, они их эндоморфизируют. Тем более в случае мирного культурного вторжения. И тем более, когда речь идет об одинаково стойких и активных народах, которые медленно взаимопроникают при длительном давлении друг на друга. Наблюдается взаимопроницаемость психики вместе с замечательным и знаменательным взаимообогащением. Благодаря этому двойному воздействию, когда перемещаются и объединяются и этнические традиции, и гены мозга, выступают и закрепляются настоящие биологические комбинации. Некогда на древе жизни, — простое сплетение стеблей. Теперь, во всей сфере Номо

Sapiens, — синтез. (...) Этим объясняется появление, несомненно “врожденное” на неолитическом покрове некоторых полюсов притяжения и организации, — предзнаменование и прелюдия какого-то высшего иного состояния ноосферы».

- 1) Каким образом побежденный народ и его культура могут сохраняться в истории и оказывать воздействие на победившую культуру?
- 2) Можно ли определить историю как процесс межкультурной коммуникации?
- 3) Выпишите ключевые слова, имеющие отношение к межкультурной коммуникации. Обоснуйте выбор.

Задание 4

В.И. Арнольд. Теория катастроф (М., 2004. С. 99—100):

«Управление без обратной связи всегда приводит к катастрофам: важно, чтобы лица и организации, принимающие ответственные решения, лично, материально зависели от последствий этих решений.

Агрессоры, развязывающие войну или межнациональную вражду, обычно считают, что они не будут нести личной ответственности за последствия, а боязнь личного ядерно-лагерного уничтожения служит важным сдерживающим фактором».

- 1) Почему «жесткое» управление без обратной связи может привести политическую или экономическую системы к катастрофам?
- 2) Приведите собственные примеры экономических и политических катастроф, возникших в результате авторитарного управления и отсутствия ответственности за принимаемые решения.

«Нынешняя перестройка во многом объясняется тем, что начали действовать хотя бы некоторые механизмы обратной связи (боязнь личного уничтожения).

Трудность проблемы перестройки связана с ее нелинейностью. Привычные методы управления, при которых результаты пропорциональны усилиям, тут не действуют, и нужно выработать специфически нелинейную интуицию, основанную на порой парадоксальных выводах нелинейной теории».

- 1) Как вы понимаете мысль о «нелинейности» рыночной экономики?

- 2) Приведите примеры скачкообразного улучшения (ухудшения) состояния политической (экономической) системы.

Проект:

Напишите «Дневник межкультурной коммуникации», основанный на собственном опыте. Опишите и прокомментируйте эпизоды, связанные с преодолением языковых и культурных барьеров, культурным шоком...

Т е м а 6. СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *порядок, хаос, синергетика, смысл, самоорганизующаяся система, часть и целое, параметры порядка, фазовый переход, нелинейность, колебания, порождение смысла.*

Термин «синергетика», введенный немецким физиком Г. Хакеном, происходит от древнегреческого слова «синергия» и означает «совместную деятельность, общую энергию что-то сделать». Свой выбор термина «синергетика» Г. Хакен объясняет следующим образом: «Я искал такое слово, которое бы выражало совместную деятельность, общую энергию что-то сделать, так как системы самоорганизуются и поэтому может показаться, что они стремятся породить новые структуры...»¹. Определяя смысл термина, ученый говорит, что «синергетика — это междисциплинарное поле, в рамках которого исследуются системы, состоящие из нескольких или большого числа элементов». Посредством взаимодействий эти элементы могут порождать качественно новые свойства на макроскопических уровнях. Иными словами, синергетика изучает возникновение новых свойств. Основной рассматриваемый ею вопрос состоит в том, существуют ли общие принципы, управляющие поведением сложных систем, когда в них происходят качественные изменения.

Для гуманитарного знания в целом синергетика интересна как универсальная научная парадигма, исследующая точки соприкосновения между живой и неживой природой. Благодаря синергетике

¹ См.: *Лутай В.С.* Синергетическая парадигма как философско-методологическая основа решения главных проблем XXI в. *Практична філософія.* № 1. 2003. С. 21.

интуитивные и рациональные аспекты познания встречаются между собой. Формализованное знание и знание, основанное на содержательности всех элементов изучаемого объекта, начинают взаимодействовать. Для находящейся в становлении теории межкультурной коммуникации синергетика важна потому, что дает описание поведения сложных систем. Межкультурная коммуникация и формально, и содержательно связана с “кооперативными действиями”, “кооперативным эффектом”, а потому явления межкультурной коммуникации могут быть описаны языком синергетики.

Синергетика начинается с наблюдения, что поведение многих систем сильно зависит от окружающих условий. Как показывает синергетика, поведение системы вблизи точек неустойчивости описывается и детерминируется небольшим количеством величин, параметров порядка. Согласно синергетике, эти — обычно немногие — параметры порядка подчиняют, т.е. детерминируют, поведение многочисленных составных частей системы. Это означает огромное сжатие информации, поскольку достаточно описывать параметры порядка вместо прослеживания поведения отдельных частей. С другой стороны, отдельные части оказывают влияние на параметры порядка и тем самым даже порождают параметры порядка. Таким образом, отношение между параметрами порядка и частями основывается на циклической причинности. В то же время происходит значительный рост информации, ибо как только установлены параметры порядка, на их основе можно сделать заключение о поведении отдельных частей»².

При каких условиях происходит изменение сложных систем? По мысли Г. Хакена, это связано с утратой системой «линейной стабильности» и «фазовым переходом»³. Из состояния с «очень немногочисленными степенями свободы» система переходит в состояния с «многочисленными степенями свободы». Наступает хаос. В хаотическом состоянии системы «контрольные параметры» перестают управлять ею. Таковы, например, «революции» последнего времени, происходящие в странах СНГ. «Контрольные

² *Хакен Г.* Синергетика и некоторые ее применения в психологии (перевод Е.Н. Князевой) // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002. С. 296—297.

³ *Ibid.*, P. 589.

параметры», представляющие собой структуры власти, перестают ограничивать свободу народной стихии. События в бывшей Югославии — пример подобной самоорганизации социальной системы. Предыдущая система выходит из линейного равновесия, попадая в зону флуктуаций. Начинается саморазвитие системы. Так во Франции, в конце 2005 г., молодежные бунты хаотизировали жизнь страны. Однако «параметры порядка» вновь вернули систему к управляемому состоянию.

Возможно ли наличие общих принципов, объясняющих существование сложных систем независимо от характера составляющих их частей? Этот вопрос в общей теории систем задавал и Л. фон Берталанфи. Индивидуальными частями (элементами) сложных систем могут быть атомы, нервные клетки, люди, принадлежащие к разным этническим, возрастным, социальным, гендерным, образовательным группам, а также ментальные и языковые концепты, значимые для их общения.

Г. Хакен подчеркивает, что поведение сложных систем зависит от их окружения. Это воздействие измеряется при помощи так называемых «контрольных параметров» (*control parameters*). Если эти параметры изменяются, то система может отреагировать двояко. Во-первых, возможна адаптация системы. Вторая возможность — качественное изменение системы. Этот случай Г. Хакен считает особенно интересным. Во многих сложных системах, содержащих множество переменных, поведение системы определяется лишь небольшим числом переменных. Они называются «параметрами порядка» (*order parameters, Ordner*). Параметрами порядка являются в животном мире четыре вида первичных инстинктов: пищевое поведение, страх, репродуктивное поведение, агрессия⁴. Параметры порядка содержат немногие «степени свободы». На микроуровне элементы сложной системы обладают, напротив, значительными «степенями свободы»⁵.

В диссипативной системе, какой является культура, развитие идет нелинейно. Движение совершается по множеству путей. При этом «синергетически системное развитие культуры пред-

⁴ См.: *Евин И.А.* Синергетика мозга. М., 2005. С. 58.

⁵ *Hermann Haken.* Synergetics. Introduction and Advanced Topics. Berlin. Heidelberg. P. VI.

ставляет собой безостановочный процесс размытого фазового перехода»⁶.

В последнее время в синергетике особое внимание уделяется функционированию сложных систем «на границе хаоса и порядка». По словам современного исследователя, «системы в таком состоянии не являются ни в полной мере регулярными, предсказуемыми, ни в полной степени хаотическими, непредсказуемыми»⁷. Эта теория находит применение и в концепциях современного менеджмента (*turn-around-management*), и в построениях лингвистов и культурологов.

В культуре параметрами порядка могут выступать константы национальной концептосферы (Ю.С. Степанов). В системе «культура» неустойчивость возникает в подсистемах, принципиально открытых и являющихся переменными величинами. Такой подсистемой является потребитель артефакта, особенно зависимый от времени и обстоятельств. Как уже упоминалось, открытость системы «культура» является условием ее самоорганизации.

В языке «параметрами порядка» выступают языковые формы, со временем стандартизовавшиеся и окостеневшие. По мнению В.Г. Гака, опирающегося на труды академика В.И. Абаева, следует с большой осторожностью «подходить к попыткам прямо связывать языковые формы с самосознанием, с мышлением говорящего на нем народа». Возможно, что когда-то в древности «безличные формы русского языка отражали определенное видение мира, указывали на непонятную силу, производящую данное действие, в отличие от одушевленного лица, но в современном языке их употребление “технизировалось”, они стали формой, используемой при описании определенных ситуаций, отличаясь от синонимических им личных форм некоторыми оттенками значений, и ушли уже довольно далеко от своих первоначальных смыслов»⁸. Вероятно, языковые формы, подобные безличным формам русского языка, можно считать параметрами порядка в языке как сложной синер-

⁶ *Копчик В.* Подходы естественных и гуманитарных наук // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве / Сост. и отв. ред. В.А. Копчик. М., 2002. С. 34.

⁷ *Евин И.А.* Синергетика мозга. М., 2005. С. 15.

⁸ *Гак В.Г.* Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры / Отв. ред. М.Б. Ешич. М., 2000. С. 60.

гетической, открытой, неустойчивой системе. Эту мысль подтверждает на другом материале американская переводчица-синхронистка, заметившая, что американский английский изобилует сотнями конструкций, в которых подчеркнуто выражен активный деятель... Но американский английский «беден неопределенно-личными и безличными выражениями», которыми, как известно, богат русский язык⁹. Перевод таких конструкций связан не только с лингвистической перекодировкой, но затрагивает и философию языка.

Синергетика, таким образом, будучи междисциплинарным полем исследований ведет поиск общих принципов, которые управляют поведением самоорганизующихся систем. Хакен отмечает принципы, выражающие основное содержание синергетики:

- «1. Исследуемые системы состоят из нескольких или многих одинаковых или разнородных частей, которые находятся во *взаимодействии* друг с другом.
2. Эти системы являются *нелинейными*.
3. При рассмотрении физических, химических и биологических систем речь идет об *открытых системах*, далеких от теплового равновесия.
4. Эти системы подвержены внутренним и внешним *колебаниям*.
5. Системы могут стать *нестабильными*.
6. Происходят *качественные изменения*.
7. В этих системах обнаруживаются *эмерджентные* новые качества.
8. Возникают *пространственные, временные, пространственно-временные или функциональные структуры*.
9. Структуры могут быть *упорядоченными* или *хаотическими*.
10. Во многих случаях возможна *математизация*»¹⁰.

⁹ Линн Виссон. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. М., 2003. С. 73.

¹⁰ Синергетика: 30-летнее дитя и его родитель. Интервью с Г. Хакеном, проведенное Е.Н. Князевой в сентябре 1998 г. // Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002. С. 354.

Нетрудно заметить, что ключевые слова Хакена перекликаются с ключевыми словами Ильи Пригожина, хотя полного совпадения здесь нет. Обоих интересуют нелинейные, открытые, нестабильные системы, в обоих случаях из хаоса рождается новое качество. У обоих ученых огромный круг знаний — Аристотель, Гегель, Кант, Гёте, Леонардо да Винчи, Бетховен — ведет к постановке старого философского вопроса о существовании Бога: «По моему мнению, как существование, так и несуществование Бога не может быть ни доказано, ни опровергнуто естественно-научными средствами... Синергетика в самом деле основывается на исследовании феномена самоорганизации, так что влияние Бога на первый взгляд исключено. Но можно ставить вопрос и дальше: кто создал тогда законы, по которым происходит самоорганизация?.. Здесь мы сталкиваемся с границами нашего познания»¹¹.

Не останавливаясь на различиях Пригожина и Хакена, подчеркнем, что для обоих существенна возможность представления мира, в котором темпоральность, целостность и разнообразие могут существовать по новым законам, не опровергающим, но перестраивающим прежнее аристотелевское представление о вселенной и открывающим новые пути в изучении технических и гуманитарных наук, в том числе главной науки о будущем мира и о человеке в этом мире.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Герман Хакен (Hermann Haken, 1927) — выдающийся немецкий ученый, создатель новой науки — синергетики. Г. Хакен закончил университет в г. Эрлангене, с 1960 г. — профессор теоретической физики в университете г. Штутгарта. Разрабатывая конкретные проблемы лазерной физики и нелинейной оптики, физики плазмы и теории бифуркации, Г. Хакен выдвинул принципы синергетики, управляющие поведением сложных самоорганизующихся систем. В последние десятилетия немецкого ученого особенно интересуют «человекомерные» (Ю.А. Данилов) аспекты синергетики. В рамках исследовательской программы под руководством Г. Хакена синергетические модели применяются в биологии, медицине, психологии, социологии, теории и практике ме-

¹¹ Синергетика: 30-летнее дитя и его родитель. Интервью с Г. Хакеном... С. 359.

неджмента, планировании развития городов. Специального упоминания заслуживает «синергетический компьютер», разработанный проф. Хакеном. В России центром синергетических исследований стал Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, МГУ, Институт философии РАН, Российская народная академия наук (отделение синергетики). Ученых, интересующихся проблемами междисциплинарного знания, объединяет общемосковский научный семинар по синергетике, который проходит еженедельно в музее Землеведения МГУ.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ

Haken H. Erfolgsgeheimnisse der Natur. Synergetik: Die Lehre vom Zusammenwirken. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1995.

Haken H., Haken-Krell M. Gehirn und Verhalten. Unser Kopf arbeitet anders, als wir denken. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1997.

Haken H. Die Selbstorganisation komplexer Systeme — Ergebnisse aus der Werkstatt der Chaostheorie. Wien: Picus Verlag, 2004.

Haken H. Synergetics. Introduction and Advanced Topics. Berlin. Heidelberg: Springer-Verlag, 2004.

Haken H. Synergetic Computers and Cognition. A Top-Down Approach to Neural Nets. Berlin. Heidelberg: Springer-Verlag, 2004.

Хакен Г. Информация и самоорганизация. М., 1991.

Синергетика и некоторые ее применения в психологии / Пер. с англ. Е.Н. Князевой // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002.

Синергетике 30 лет. Интервью с профессором Г. Хакеном. Проведено Е.Н. Князевой // Вопросы философии. 2000. № 3.

Г. Хакен. СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

Синергетика, будучи междисциплинарным полем исследований, ведет поиск общих принципов, которые управляют поведением самоорганизующихся систем. Такие системы могут спонтанно порождать макроскопические пространственные, временные и функциональные структуры... Синергетика изучает возникновение новых свойств. Основной рассматриваемый ею вопрос состо-

ит в том, существуют ли общие принципы, управляющие поведением сложных систем, когда в них происходят качественные изменения. Такого рода ситуации представляют, вероятно, особый интерес, и для большого класса систем они применимы для объединения математического и концептуального подходов.

(...)

Синергетика начинается с наблюдения, что поведение многих систем сильно зависит от окружающих условий. В математическом аппарате за условие окружающей среды ответственны параметры α . Управляющие параметры накладываются на систему извне, как, например, в случае предписываемых частот в ритмических движениях конечностей или концентрации лекарственных препаратов. В ряде случаев некоторые управляющие параметры внутри системы, но они действуют, однако, так, как если бы они были зафиксированы внешним образом. Примерами являются концентрация медиаторов между нервными клетками гормонов и т.п. Общая стратегия синергетики такова: она начинается с рассмотрения уже известного состояния системы, для которой задана определенная величина управляющего параметра. Когда один или несколько управляющих параметров изменяются, система может стать неустойчивой, т.е. она может стремиться выйти из своего устойчивого состояния, и в ней может начать формироваться новая структура или образец поведения. Эта структура описывается с точки зрения состояния отдельных частей посредством вектора состояний q . В качестве отдельных частей в случае применения синергетики в психологии могут выступать члены группы или нейроны в мозге. Как показывает синергетика, поведение системы вблизи точек неустойчивости описывается и детерминируется небольшим количеством величин, параметров порядка. Согласно синергетике, эти — обычно немногие — параметры порядка подчиняют, т.е. детерминируют поведение многочисленных составных частей системы. Это означает огромное сжатие информации, поскольку достаточно описывать параметры порядка вместо отслеживания поведения отдельных частей. С другой стороны, отдельные части оказывают влияние на параметры порядка и тем самым даже порождают параметры порядка. Таким образом, отношение между параметрами порядка и частями основывается на циклической причинности. В то же время происходит значитель-

ный рост информации, ибо как только установлены параметры порядка, на их основе можно сделать заключение о поведении отдельных частей.

- ВОПРОСЫ** 1) Какие системы изучает синергетика?
2) Каким образом в синергетических системах происходит «возникновение новых свойств»?

Сергей Лесков. СУДЬБА КЕННЕДИ — ПОВТОРЕНИЕ СУДЬБЫ ЛИНКОЛЬНА*

Два Президента — одна судьба

Авраам Линкольн был избран в конгресс в 1846 году. Джон Кеннеди в 1946 году. Линкольн был избран президентом в 1860-м, Кеннеди — в 1960 году.

Оба президента были смертельно ранены в пятницу пулей, попавшей в голову сзади, в присутствии жены.

У обоих президентов по одному ребенку погибло до победы на выборах и по одному — во время пребывания в Белом доме.

Линкольн был убит в театре Форда. Кеннеди был убит в «Линкольне» — машине фирмы «Форд».

Преемниками погибших президентов стали вице-президенты, которые носили одну и ту же фамилию — Джонсон. Эндрю Джонсон родился в 1808 году, Линдон Джонсон — в 1908 году.

Фамилия личного секретаря Линкольна — Кеннеди, фамилия секретаря Кеннеди — Линкольн. Оба настаивали на изменении планов в день убийства.

Кандидатуру Авраама Линкольна предложил морской министр Джон Кеннеди.

Убийца Линкольна Джон Бут родился в 1839 году, убийца Кеннеди Ли Харви Освальд — в 1939 году. Оба были убиты без суда.

Джон Бут выстрелил в Линкольна в театре и был пойман на складе. Освальд стрелял из окна склада и был пойман в кинотеатре.

* Известия. 17 февраля 2006. С. 7.

Lincoln и Kennedy — по 7 букв, Andrew Johnson и Lyndon Johnson — по 13 букв, John Wilkes Booth и Lee Harvey Oswald — по 15 букв.

Незадолго до смерти Линкольн побывал в городке Монро (штат Мэриленд); у Кеннеди незадолго до смерти был роман с Мэрилин Монро.

Физика и душа

В проблеме пытались разобраться два великих швейцарца — один из основоположников современной физики нобелевский лауреат Вольфганг Паули и психолог Карл Юнг, самый знаменитый последователь Фрейда. Паули сформулировал ключевой принцип квантовой физики: две частицы не могут находиться в одинаковом состоянии. Юнг прославился теорией о коллективном бессознательном и архетипах. Паули и Юнг опубликовали работу «Синхронность, или Принцип случайной связи», некий гибрид их теорий. Теория Паули—Юнга трактовала совпадения как проявления неустановленного универсального принципа, который связывает воедино все физические законы. Загадочные явления, случаи телепатии и предвидения будущего тоже могут быть отражением единых физических закономерностей на внешнюю сторону человеческой жизни.

Теория вишневого пирога

В вишневом пироге, это подтвердит любая кухарка, ягоды никогда не распределяются равномерно. Этот феномен в теории вероятностей называется кластерным эффектом — независимые объекты имеют тенденцию сбиваться в кучу. Но предсказать это распределение невозможно. Получается, что совпадения неизбежны, но происходят случайным образом и прогнозированию не поддаются.

Необходима независимая экспертиза, — говорит Андрей Славнов, академик, заведующий отделом математического института им. Стеклова:

«Ни разу в этих любопытных историях не встречал статистически достоверного анализа вероятности совпадений. А для научной обоснованности сделать это необходимо. Пока все выглядит привлекательно, но статистически не слишком достоверно. Необходимо взвесить все факторы, влиявшие на возможность совпадений, и в итоге вероятность может быть не такой уж малой. Очень часто бывает так, что при проверке экспертиза обнаруживает, что даже честно работавшие люди делали ошибки, неправильно записывали факты. В истории науки таких эпизодов немало. Что касается теории Паули — Юнга, то современной теоретической физике универсальный принцип, регулирующий совпадения и предвидения будущего, не известен. Но, признаюсь, воображение подобные истории волнуют».

- ВОПРОСЫ** 1) Почему случайность можно считать примером синергетического скачка?
- 2) Почему можно сказать, что случайность не подчиняется линейным законам?

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Виктор Павлович Маслов — академик РАН, лауреат Государственной премии РФ, математик, один из основателей идемпотентного анализа, автор многочисленных трудов по проблемам термодинамики, квантовой статистики, эконофизики. Создатель моделей прогнозирования поведения макроэкономических систем в условиях нестабильности.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ ПО ЭКОНОФИЗИКЕ И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ

Экспертизы и эксперименты. Новый мир. 1991. № 1. С. 243—252.

Рубль на поводке у доллара. Независимая газета. 26 марта 1991.

Аксиомы нелинейного осреднения в финансовой математике и аналог фазового перехода // Докл. РАН, 2003. Т. 393, 6. С. 735—739.

Зависимость покупательной способности и среднего дохода населения от числа покупателей на специализированном рынке и в регионе. Законы эконофизики // Докл. РАН, 2004. Т. 395, 2. С. 164—168.

Расходы покупателей и скорость оборота при нелинейном финансовом осреднении. Законы эконофизики // Докл. РАН, 2004. Т. 396. С. 2.

В.П. Маслов. КВАЗИСТАБИЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И ЕЕ СВЯЗЬ С ТЕРМОДИНАМИКОЙ СВЕРХТЕКУЧЕЙ ЖИДКОСТИ. ДЕФОЛТ КАК ФАЗОВЫЙ ПЕРЕХОД НУЛЕВОГО РОДА¹²

Связь макроэкономики и термодинамики физики и экономисты заметили давно. (...) Хотя казалось бы, и для той и для другой области характерна полустатика, полудинамика: при медленном изменении некоторых параметров нарушается равновесие системы, а затем по истечении достаточно длительного времени отмечается наступление нового равновесия. Например, постепенно увеличивается денежная масса (медленная инфляция) и при новом притоке денег установившаяся система разбалансируется, а затем устанавливается новый баланс. В термодинамике при изменении температуры также устанавливается новое равновесие. Именно такая «квазистатистическая динамика», т.е. функция зависимости точки равновесия от изменения параметров, является предметом и той и другой науки. Поэтому можно сказать, что именно макроэкономика помогла открыть такие ранее не замеченные эффекты и пролить свет на многие неясные и противоречивые подчас основания термодинамики. Автор считает самым существенным результатом именно эти физические эффекты...

(...)

Катастрофы и фазовые переходы нулевого рода

Коснусь истории возникновения приводимой ниже теории.

В 1988 году в СССР сложилась достаточно острая экономическая ситуация. При этом у промышленников в правительстве возникло некоторое (вполне естественное) недоверие к экономической элите того времени. Иначе я не могу объяснить того факта, что зам. председателя Совета министров СССР И.С. Силаев обратился с экономическими вопросами к недавно избранному в академии (минуя звание члена-корреспондента) по математической физике, то есть ко мне. В те годы о ныне бурно развивающейся на-

¹² В тексте выпущены сноски автора.

уже экономфизике не было и речи. За мной на дачу прислали одного из министров в семь часов утра. Проблема была достаточно актуальной, и ситуация, по мнению такого опытного советского промышленника, как Силаев, очень острая.

Зеленый свет, который был открыт Вычислительному центру Института новых технологий, который я возглавлял, позволил достаточно быстро справиться с конкретными постановками. Но для этого мне, как математику, не имеющему никакого отношения к экономике, кроме моего происхождения (мой дед — академик Петр Маслов — и отец были экономистами), пришлось построить некоторую достаточно естественную аксиоматику и вывести из нее теоремы, отвечающие весьма приблизительно на поставленные вопросы. Более точные ответы были получены уже с помощью компьютера. Существенное упрощение математического аппарата дал большой параметр, в качестве которого в те времена выступал доллар.

Доллар, за который можно было купить в Нью-Йорке билет в метро, у нас ценился так высоко (на черном рынке — 30 рублей), что за его рублевый эквивалент можно было купить кубометр строевого леса и тысячу штук кирпича. Я уже не говорю о лекарствах или черной икре, цена на которые была в тысячу раз дешевле у нас в стране, чем за границей в пересчете на доллары.

Та наука, которая при этом возникла, стала называться идемпотентной математикой и обрела собственную жизнь. Ныне ее новый виток применен к алгебраической геометрии.

Экономические выводы из этой науки я обсуждал со многими известными экономистами, но получил одобрение, и то не сразу, только у Нобелевского лауреата русского происхождения В.В. Леонтьева.

К тому времени, когда я пытался внушить эти выводы И.С. Силаеву (в тот момент председателю Совета министров РСФСР), уже Валенса пришел к власти в Польше, и И.С. Силаев, как я ни пытался убедить его в необходимости хотя бы ввести вторую валюту, иначе она возникнет стихийно в виде печатающегося в США доллара, говорил, возможно, уже имея указания сверху: «Мы будем идти по польскому пути».

Печатать мои экономические выводы отказывались. В 1990 году я решил подать свою работу на конкурс «Конвертируемость

рубля» в Америке, но там заправляли те же наши экономисты и присудили премию некой даме, проект которой был на уровне курсовой работы, приправленной словоблудием о демократии.

Впрочем, большинство американских ученых (за исключением упомянутого В.В. Леонтьева), судя по тому, что они говорили на большом банкете ученых, на котором во время первого визита М.С. Горбачева в США я был единственным представителем нашей страны, были в эйфории относительно нашей экономической политики.

Эта эйфория у нас в стране была столь велика, что мой доклад на Общем собрании АН СССР в 1989 году, на котором присутствовали кроме членов Академии еще и выборщики от институтов, заглушили «аплодисментами», пытаясь согнать меня с трибуны. Я писал немного позже в статье «Как избежать полной катастрофы»: «Попытаться остановить катастрофу — долг всех тех, кто сохранил способность логически мыслить в атмосфере того эмоционального накала, в котором пребывают сейчас активные слои населения. Этот накал напоминает мне дни похорон Сталина, когда никакой логикой, никакой милицией, КГБ, танками невозможно было остановить толпы людей, стремящихся к пропасти, которая именовалась «великим Сталиным». Ни статистика погибших, ни опыт не могли бы их остановить. Перед массовым гипнозом и математическая логика бессильна» («Известия», 7 августа 1991 г.). А статью «Экспертизы и эксперименты» я заканчивал словами: «К сожалению, массам, вовлеченным в некий исторический процесс, объяснить что-либо невозможно. И не только массам, но и отдельным людям. Попробовал бы я, например, объяснить на модели Ягоде, Ежову, Берии, Рюмину или Абакумову, что тройки ОСО уже существовали во время Французской революции, и напомнить, что случилось в дальнейшем с теми, кто осуществлял эти судилища! Чем это кончилось бы для меня, и без модели ясно! И может быть, лишь в почти уже отрезанных их головах мелькнуло бы знаменитое берлиозовское «неужели?..», как «седьмое доказательство» из бессмертного романа Булгакова.

Мои соображения стали публиковать лишь в 89—91-х годах... и это, казалось бы, прошло впустую. Однако мои прогнозы вспомнились в 1995—96 годах... когда стало ясно, что они оправдались.

В 2000 году реалистическая концепция доктора экономических наук В.Н. Батурина попала в полный резонанс с выводами по-

строенной мной математической теории, той первоначальной аксиоматикой и следствиями из нее, которые еще не использовали большого параметра — доллара... т.к. в настоящее время его покупательная способность, как и предсказывалось математикой, упала в среднем в 200 раз.

Эта идейная поддержка В.Н. Батурина вдохновила меня на реанимацию моей старой работы и развитие ее для конкретных практических экономических задач. В.Н. Батурин, как первый вице-президент фирмы «Интеко», создал рабочую группу по конкретной разработке математических выводов. Привожу его слова:

«Работы В.П. Маслова имеют не только теоретическую, но и практическую ценность: нелинейная арифметика способна с высокой долей вероятности спрогнозировать некоторые феномены финансовых рынков. Основанием для нашего первого обращения к В.П. Маслову послужили, в частности, его оправдавшиеся прогнозы конца 80-х годов относительно падения покупательной способности доллара в нашей стране в 150—200 раз и стихийного введения второй валюты в виде доллара. Предложенная им новая математическая теория достаточно адекватно описывает ситуацию, сложившуюся в отечественной экономике.

В целях развития ряда направлений деятельности в нашей организации была создана рабочая группа, осуществляющая развитие теории Маслова применительно к существовавшим практическим задачам.

Результаты этой работы положительно сказались на эффективности деятельности нашей организации. Считаю, что привлечение математической науки, связанной с нелинейным сложением дохода, исключительно полезно для решения конкретных экономических задач».

Отмечу, что лишь в 1997 году я заметил связь идемпотентного анализа (другое название — «тропическая математика») с термодинамикой...

(...)

Фазовые же переходы нулевого рода дают переход от одного связного многообразия к другому и в этом смысле являются и с топологической точки зрения более глубокими катастрофами... а с точки зрения политико-макрэкономической, в частности, переход от социализма к «дикому» капитализму и развалу страны...

- ВОПРОСЫ**
- 1) Почему макроэкономические прогнозы В.П. Маслова оправдались?
 - 2) Как понимает экономистика «фазовый переход»?
 - 3) Почему переход от социализма к «дикому» капитализму можно рассматривать как синергетический процесс?
 - 4) «Отсутствие равновесия и есть дефолт. Если речь идет о локальных задачах, это может означать банкротство, если же модель описывает баланс в масштабах государства, то это может означать катастрофу, распад, уничтожение системы расчета баланса, т.е. переход к другой экономической формации».
 - 5) Почему дефолт можно считать примером «фазового перехода»?

Задание

Почему «если сумма купленных акций предприятия превышает 50% всех акций, то владелец этих акций становится по существу хозяином предприятия, а это может значить, что его суммарный доход изменяется скачком»?

Проект:

Подготовьте мультимедийную презентацию, содержащую примеры «фазовых переходов» в политике, экономике, истории культуры и языка...

Т е м а 7. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *когниция, когнитивная семантика, внутренняя речь, внешняя речь, предметно-схемный код, высказывание, референция, фрейм, сценарий.*

Когниция и когнитивная лингвистика

Когнитивная лингвистика — современная отрасль филологии, рассматривающая проблемы языка «сквозь призму когниции». Под «когницией» понимается:

- 1) познание;
- 2) наука об изучении человеческого разума и мышления;
- 3) «познавательная деятельность человека».

Соотношение мышления и языка — традиционная проблема психологии и языкознания — в рамках когнитивной лингвистики получает новое обоснование.

Слово «когниция» восходит к латинскому *cogito* (вспомним знаменитое — *cogito, ergo sum*). Примечательно, что английское слово «*cognition*» трудно перевести на русский язык, поскольку в английском оно означает и *познавательный процесс* и его *результат* — знания¹. Итак, *когниция* — это процесс и результат познавательной деятельности человека. Связанная с изучением ментальности, когнитивная наука играет важную роль в исследовании концептов и концептосфер.

¹ *Болдырев Н.Н.* Концепт и языковое значение. Лексические и грамматические концепты // Межкультурная коммуникация. Часть I. Н. Новгород: Вектор, 2002. С. 136.

Восходя в истоках к философии и психологии, эта дисциплина сегодня образует смежные поля с кибернетикой, семиотикой, психолингвистикой, культурологией, социологией, изучением искусственного интеллекта. В этом контексте прилагательное «когнитивный» часто интерпретируют как «ментальный»².

На макроуровне предметом когнитивной лингвистики является *дискурс* — текст, входящий в жизнь (Н.Д. Арутюнова), текст в контексте (М.М. Бахтин), в единстве внутренних и внешних (экстралингвистических) факторов. На микроуровне когнитивная лингвистика изучает структуру языковых концептов.

Слово «дискурс» пришло в русский язык из латыни (лат. *discursus*). *Discursus* — бег в разные стороны, туда и сюда³. Исходное значение слова выявляет семантику движения, динамику, смысловую подвижность.

Изучение дискурса является одним из активно развивающихся направлений современной филологии. Проблемой дискурса интересуются лингвисты, философы, историки, психологи, социологи, этнографы, физики и математики, а сегодня также специалисты по межкультурной коммуникации.

Проблема дискурса в литературе и языке возникает как одна из возможностей их сближения. В изучении дискурса теория литературы следует за языкознанием. В лингвистике «discours» означает «речь». В этом значении «discours» широко использовал Ф. де Соссюр. Рассматривая «двойственность в языке и лингвистике», он, среди прочих, выделяет пару сущностей — «язык и речь» (*la langue et la parole*). Если язык «узаконен обществом и не зависит от индивида», то речь, напротив, связана с «Индивидом». С индивидом связаны также «Фонация и Индивидуальная Воля». Очень точной представляется мысль Ф. де Соссюра о «бесперывном обновлении» речи. Автор «Курса общей лингвистики» (1916) уловил хаотическую, нестабильную, нелинейную природу дискурса-речи.

² Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика // Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Пакрац, Л.Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. С. 53; 47; 58; 90. В дальнейшем это издание цитируется по книге: Межкультурная коммуникация. Часть I. Н. Новгород: Вектор, 2002.

³ Metzler Lexikon Literatur- und Kulturtheorie. Ansätze — Personen — Grundbegriffe. 2. überarb. Und erw. Aufl. / Hrsg. v. Ansgar Nünning. Stuttgart-Weimar, 2001. S. 115.

Еще в 1908—1909 гг. Ф. де Соссюр поставил вопрос о «двух Лингвистиках»⁴. При этом он не отрицал «взаимозависимости» между языком и речью⁵. Однако вторую Лингвистику Ф. де Соссюр не считал объектом серьезного изучения. По мнению женеvского ученого, речь нельзя обследовать досконально, поскольку она «беспрерывно обновляется» в результате «деятельности социальных сил»⁶. М.М. Бахтин, напротив, видел в языке «процесс», не статичную, а динамическую, открытую систему. Позднее Бахтин использует словосочетание «речевое общение» и противопоставляет его «языку» как статичной системе⁷. Дискурс с этой точки зрения — процесс речевого общения, понятый как динамическая система.

М.М. Бахтина интересовала «установка говорящего», слушающего и понимающего, с позиций которых языковая форма представляет собой «изменчивый и гибкий знак». Говоря о коммуникации, мы уже вспоминали философскую модель М.М. Бахтина.

Размышляя о том, что всякое высказывание «установлено на какой-то ответ», М.М. Бахтин и ученые его круга приходят к пониманию динамической системы «языка—речи», построенной на основе прямых и обратных связей. Слово рассматривается не только как носитель значения или системы значений, но и в качестве опоры для смысла, выражаемого интонацией.

Диалог может определять «накопившийся внутренний интонационный материал», часто выражающий себя «в совершенно неподходящих для данной интонации языковых построениях». Основная единица диалогических отношений — высказывание.

Высказывание как единица *дискурса* «входит в мир совершенно иных отношений...». Такие отношения Бахтин определяет как «диалогические», т.е. требующие экстралингвистического, экстратекстового «ответного понимания» и включающие в себя оценку. Высказывание, по Бахтину, имеет «...не значение, а *смысл...*»⁸. В

⁴ Фердинанд де Соссюр. Заметки по общей лингвистике / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н.А. Слюсаревой. М., 2000. С. 171.

⁵ Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. М., 2001. С. 174.

⁶ Там же. С. 147.

⁷ Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества... С. 302.

⁸ Там же. С. 322.

работе «Проблема речевых жанров» Бахтин приводит интересный пример из «Мертвых душ» Гоголя: «Пересчитать нельзя всех оттенков и тонкостей нашего обращения... У нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста, а с тем, у которого их триста, будут говорить опять не так, как с тем, у которого их пятьсот, а с тем, у которого их пятьсот, опять не так, как с тем, у которого их восемьсот; словом, хоть восходи до миллиона, все найдутся оттенки» («Мертвые души, гл. 3»)⁹. Очевидно, что интонация изменяет смысл высказывания, хотя словарные значения слов формально остаются неизменными. Высказывание в дискурсе синергетично. В нем происходит «совместное действие», совместная работа». Оно внутренне перестраивается по отношению к чужим высказываниям, к предмету, к самому говорящему и к слушающему.

Самой серьезной концепцией дискурса в филологии стала теория французского лингвиста Э. Бенвениста, созданная в 40—50-е гг. прошлого столетия. С его точки зрения, «дискурс» — это «язык в действии», «акт речи», соединяющий язык и присваивающего его человека. Э. Бенвенист подчеркивал, что «высказывание» «...есть приведение языка в действие посредством индивидуального акта его использования»¹⁰. Присутствие «субъекта» выражается в словах «я», «сейчас», «здесь», «обещаю», «клянусь»¹¹. Эти «показатели дейксиса» «прицепляют» высказывание ко времени, к месту, к обстоятельствам акта высказывания.

Из многочисленных современных определений наиболее удачным видится формула Н.Д. Арутюновой: дискурс — это речь, погруженная в жизнь, «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами»¹². По аналогии дискурс в литературе — художественный текст, погруженный в жизнь. Другими словами, дис-

⁹ Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. 2-е изд. М., 1986. С. 292.

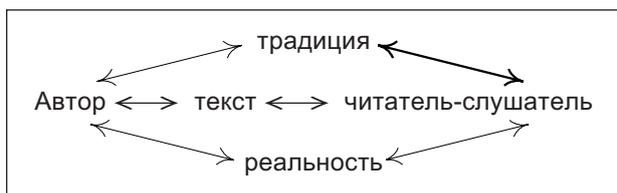
¹⁰ Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред. Ю.С. Степанова. М., 1974. С. 312.

¹¹ Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / Предисловие Ю.С. Степанова. Общ. ред., вступ. статья и коммент. Патрика Серю. М., 1999. С. 15.

¹² Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание. 2-е (репринтное) изд. «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 г. М., 2000. С. 136—137.

курс в литературе представляет собой связный художественный текст в совокупности с экстралитературными факторами.

Для дискурсивных изысканий наиболее важное значение имеет, «кто это сказал», «кому», как, о чем, с какой целью. Слово (в самом общем смысле) в равной степени определяется как тем, «чье оно», так и тем, «для кого оно»¹³. Но для определения «речи погруженной в жизнь» диалогических отношений, сколь бы высоки они ни были, еще недостаточно. Ей необходим контекст. В системе «культура» таким контекстом может быть названа традиция и экстракультурная реальность — социальные, бытовые, временные условия функционирования текста.

Для понимания дискурса особую роль играет традиция, которую, пользуясь лингвистическим языком, можно обозначить в качестве перфекта, оговариваясь, что здесь она является перфектом культуры (событие, которое совершилось в прошлом, но результат которого сохраняется в настоящем). В этом смысле традиция является «настоящим» для автора и может быть настоящим для читателя. Этим, в частности, может объясняться неумирающая притягательность классики. Можно привести многочисленные примеры, когда произведение, принадлежащее прошлому, переживается как настоящее и продолжает оказывать влияние на текущую жизнь.

Так, в повести В. Гросмана «Цейлонский графит» (1935) уборщица Нюра, простая и несчастная в браке женщина, читает Л. Толстого: «Как она печалилась, когда умирал красавец-офицер Болконский! Бедная девушка Наташа, сколько беды и горя пережила она на этом свете! Ей тоже не легко жилось, уборщице Орловой, и она горевала и радовалась над книгой правды, лучшей из книг»¹⁴.

¹³ Макаров М. Основы теории дискурса. М., 2003. С. 203. См. также: Волошинов В. Марксизм и философия языка. Ленинград, 1929. С. 102.

¹⁴ Василий Гросман. Несколько печальных дней / Сост. Е.В. Короткова. М., 1989. С. 113.

Многие произведения: «Евгений Онегин», «Мертвые души», «Братья Карамазовы», по мысли Д.С. Лихачева, «...не получили полной законченности. Благодаря своей незавершенности на века остались актуальными в литературе образы Гамлета и Дон Кихота, допускающие и даже как бы провоцирующие различные (зачастую противоположные) истолкования в разные исторические эпохи¹⁵. Так традиция из перфекта превращается в длящееся настоящее культуры (презент континуус). Ту же мысль мы встречаем у Р.О. Якобсона, который говорит, что У. Шекспир, Э. Дикинсон, Э. Марвелл «сохраняют жизненность» для английской поэзии XX в. и принадлежат не только диахронии, но и современности (синхронии)¹⁶.

Как и система «культура», дискурс загадочен, нестабилен и тем самым синергетичен. «У термина “нестабильность” странная судьба», — писал Илья Пригожин. Подвижность связей в культуре сродни зыбкости и непредсказуемости самой жизни. Подобный подход к дискурсу, включающий элемент непредсказуемости, предполагает сближение деятельности ученого и литератора.

В статье «Философия нестабильности» И. Пригожин замечает, что литературное произведение, как правило, начинающееся с исходной ситуации, в дальнейшем открыто для различных линий развития сюжета. Благодаря этой особенности литературного произведения чтение занимательно. Всегда интересно, какой из возможных вариантов развития исходной ситуации будет реализован.

Особенно часто этот прием используется в детективе. Так начинаются романы Агаты Кристи и многие другие детективы, на первой странице которых совершается преступление. Читателю задается загадка, и только в финале проясняется окончательный смысл происходившего. По сходным законам строятся и современные телесериалы. Каждая серия завершается эпизодом, открывающим разные возможности развития исходной ситуации.

Дискурс — необязательно явление массовой культуры. И в произведениях западной и русской классики разных жанров, и

¹⁵ Лихачев Д.С. Культура как целостная среда // Русская культура. М., 2000. С. 9—19.

¹⁶ Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. // Структурализм: «За» и «Против» / Сост. М.Я. Полякова. М., 1975. С. 196.

даже в психологической прозе также прослеживаются те же непредсказуемость и зыбкость, которые свойственны реальной жизни. Литературный дискурс представляет собой *систему* контекстов, в которые входит данное произведение. Анализируя текст «погруженный в жизнь», можно выделить биографический контекст, контекст первого издания, контекст творчества писателя в целом, сам текст произведения, в его прямых и обратных связях с автором и читателем.

В качестве примера обратимся к рассказу А.П. Чехова «Студент». Не входя в детали, отметим только, что рассказ «Студент» (1894) был опубликован А. Чеховым в одном ряду с «Черным монахом», «Бабым царством», «Скрипкой Ротшильда». Простое указание на этот ряд выявляет смысловую многомерность мира Чехова. Этот мир допускает хаос, понятый как «канал доступа» к любым смыслам, как смысловая перемешанность¹⁷. Высокое через низкое, «блаженство через смерть», радость через тоску и грусть, — таковы динамические параметры мира Чехова.

Сам Чехов называл рассказ «Студент» среди самых своих любимых, «отделанных» вещей и приводил его в пример, возражая против частых упреков в пессимизме¹⁸. Мнение Чехова хорошо известно и в передаче Бунина. Таким образом, рассказ «Студент» занимает особое место в системе контекстов. Он находится в точке их множественного пересечения. Это обстоятельство позволяет прогнозировать нелинейную, открытую, динамическую структуру самого рассказа.

Уже зачин текста указывает на это: «Погода вначале была хорошая, тихая»¹⁹. Здесь заданы неустойчивость, обещание перемен. Наречие «вначале» предвещает то, что произойдет «в дальнейшем, затем». Читатель тотчас настраивается на ожидание перемен. Зачин вводит потенциальные перемены и переходы: от тихой, хорошей погоды — к бурной, плохой.

¹⁷ Аршинов В.И., Буданов В.Г. Когнитивные основания синергетики // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве / Сост. и отв. ред. В.А. Копчик. М., 2002. С. 84.

¹⁸ Муратова К.Д. Примечания // А.П. Чехов. Собр. соч.: В 12 т. Т. 7. М., 1962. С. 539.

¹⁹ Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 7. М., 1962. С. 375.

Уже в следующем предложении зачина неустойчивость, динамичность получают развитие и расширение: «Кричали дрозды, и по соседству в болотах что-то живое жалобно гудело, точно дуло в пустую бутылку». Представляется, что эта развернутая метафора — «что-то живое... гудело» — открывает для становящегося, возникающего текста канал доступа к множеству смыслов. Оставляя в стороне символический топос «болота», обратим внимание на «перемешивание» «живого» и «неживого»: «что-то» (не «кто-то») — «живое» — «гудело». Здесь уже намечено взаимодействие разных уровней. В этой точке повествования начинается хаос.

В дальнейшем изложении повествователь использует противоречие, замедляя, затормаживая хаотические процессы: «Протянул один вальдшнеп, и выстрел по нем прозвучал в весеннем воздухе раскатисто и весело». Повествовательная структура стабилизируется, интенсивность ее раскачиваний, колебаний снижается. Укрепляется семантика «тихого», «хорошего», «весеннего», «веселого». Однако уже в следующем предложении колебания нарастают: «Но когда стемнело в лесу, некстати подул с востока холодный пронизывающий ветер, все смолкло». Читатель может заметить, как система раскачивается, колеблется. В лесу темнеет. Сам собой, словно ниоткуда, рождается, самопорождается «холодный, пронизывающий ветер». Смолкает «что-то живое». Тепло уступает место холоду: «По лужам протянулись ледяные иглы, и стало в лесу неудобно, глухо, нелюдимо. Запахло зимой». Ветер и тьма вводят космический масштаб в повествование. Возникает ощущение, что дальнейшее действие рассказа, может быть, будет управляться не только причинно-следственными отношениями, не только событиями бытового ряда, но в него могут войти и другие, более мощные и широкие контексты.

На пересечении природного и космического всегда располагается человек. Повествователь вводит его во втором абзаце: «Иван Великопольский, студент духовной академии, сын дьячка, возвращаясь с тяги домой, шел все время заливным лугом по тропинке». Временные формы глагола и деепричастий повествователь отбирает так, чтобы действие воспринималось читателем как происходящее сейчас, в эту минуту. Прошедшее — форма глагола «идти» (шел) — соединяется с оборотом «все время». Од-

нократное действие в прошлом — Иван Великопольский «шел заливным лугом» — оказывается перемещенным в некое «перемешанное время»: однократное сочетается с ддящимся («все время»), прошлое — с настоящим. Остается открытым вопрос о том, насколько завершено в прошлом это действие. Динамичность, открытость, неустойчивость задается в рассказе на разных уровнях: читатель видит «студента», человека чаще всего идущего, ищущего, становящегося. Переносный смысл дополняется буквальным: герой действительно идет по заливному лугу, только неясно, завершил ли он свой путь или мы являемся свидетелями его движения.

Изменение погоды сказалось на его состоянии: «У него заочнели пальцы, и разгорелось от ветра лицо». Вспомним, что ветер этот возник внезапно, «некстати». Он принес с собой холод. Теперь же этот холод породил «огонь» — лицо Ивана Великопольского «разгорелось от ветра». В следующих предложениях читателю приоткрывается сознание героя, который ощущает масштаб происходящего: «Ему казалось, что этот внезапно наступивший холод нарушил во всем порядок и согласие, что самой природе жутко, и оттого вечерние потемки сгустились быстрее, чем надо. Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно». Эти два отдельные предложения образуют в тексте единую коммуникативную структуру — цельное высказывание. «Ключевые образы» здесь — нарушенные «порядок и согласие», пустынность, тьма, холод и мрак. Можно сказать, что ветер ввел мир в состояние хаоса, перемешанности. Ветер, холод, пустынность и тьма открыли природную и человеческую жизнь воздействию какого-то другого, третьего, превосходящего их уровня.

Система начинает приближаться к точке «ветвления», называемой в синергетике моментом бифуркации. Приближение третьего уровня превращает ее в неустойчивую, нелинейную, динамическую, незамкнутую систему. Повышается способность элементов системы к спонтанности и к самоорганизации.

В этой точке повествователь вновь вводит динамические параметры. Изменение масштаба повторяется и на уровне персонажей. От одного, отдельно взятого человека, повествователь переходит к другим людям, к деревне, к человеческому сообществу. Мраку, холоду и ледяной пустыне противостоит мир людей. Это противо-

стояние вводится ограничительным *словом* «только»: «Только на вдовьих огородах около реки светился огонь; далеко же кругом и там, где была деревня, версты за четыре, все сплошь утонуло в вечерней мгле». Лицо студента «разгорелось» от ветра, «огонь» на вдовьих огородах ограничивал мрак. Огонь был лишь на периферии обжитого, родного мира. Сама же деревня, как и лес, была погружена в холод и тьму.

Здесь повествователь подключает еще один уровень, еще более усложняющий и без того сложную, неустойчивую, динамическую систему. В литературный дискурс вводится внутреннее измерение — память. Следуя за повествователем, читатель переходит от внешнего к внутреннему, от сегодняшнего, к древнему и вечному. Переключение это у Чехова часто происходит через бытовой ряд. Бытовое и будничное предвещает вхождение и вторжение небудничного и вечного: «Студент вспомнил, что, когда он уходил из дому, его мать, сидя в сенях на полу, босая, чистила самовар, а отец лежал на печи и кашлял; по случаю Страстной пятницы дома ничего не варили, и мучительно хотелось есть». Уже в этом очень простом и логичном сцеплении обстоятельств заложено соединение разных уровней: сегодняшнюю бытовую и будничную жизнь определяет событие, происшедшее много веков тому назад. Ничего не есть в Страстную пятницу означает не просто воспоминание о неких событиях, а переживание прошлого как настоящего. Эта пятница рассказа — и есть та самая Страстная пятница. Быт и бытие соединяются в одну сложную, неуравновешенную, неустойчивую, динамическую систему.

Теперь читатель в полной мере подготовлен к тому, что ему предстоит узнать. Повествователь знакомит его с тем, о чем думает в этот миг, «пожимаясь от холода», студент Иван Великопольский. А думал герой о том, «...что точно такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре, и что при них была точно такая же лютая бедность, голод; такие же дырявые соломенные крыши, невежество, тоска, такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнета — все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше. И ему не хотелось домой». В этом контексте холодный и пронзительный ветер символизирует нечто другое, противоположное: не хаос, а мертвенную вечную повторяемость «бедности, холода», невежества и ни-

щеты всех времен. Жизнь проходит в одном ключе, не открывая красоты, тепла, глубокого смысла. Здесь «ветер» уничтожает хаос и перемешанность. Он больше не несет перемен. Повторение одного и того же, круговорот «ужасов» жизни обесмысливает саму жизнь.

Из рассказа Чехова становится ясно, что противостоять этому может лишь человек. Двум простым деревенским женщинам, вдовой Василисе и ее дочери Лукерье, Иван Великопольский рассказывает, что произошло девятнадцать веков назад в точно такую же «холодную ночь», когда у костра грелся апостол Петр. В момент рассказа изображенный Чеховым мир размыкается, становится неустойчивым, нелинейным: «Точно в такую же холодную ночь грелся у костра апостол Петр, — сказал студент, протягивая к огню руки. Значит, и тогда было холодно». Здесь повествователь создает типичную фрактальную структуру, основанную на кольцевой причинности и самоподобии. Студент напоминает слушающим его женщинам о том, как трижды отрекся в эту ночь от Иисуса апостол Петр, как после третьего раза запел петух, а Петр вспомнил слова Иисуса — «...трижды отречешься, что не знаешь меня». Тогда Петр «пошел со двора и горько-горько заплакал».

Как же может человек противостоять собственной слабости, страху, вековечному ледяному ветру? Только благодаря силе воображения, сопереживания, помогающим пережить прошлое в его незаконченности, незавершенности и «незавершимости»: «Воображаю: тихий-тихий, темный-темный сад, и в тишине слышатся глухие рыдания...» — говорит Иван Великопольский. Если отречение апостола Петра и его раскаяние были и прошли, если они однажды случились и завершились, то это значит, что евангельские события не имеют отношения к современному человеку. Если же всякий раз холод и мрак Страстной пятницы возвращают человека в тот самый «тихий-тихий, темный-темный сад», если евангельский мир продолжает иметь к нам отношение, то хаос может вторгнуться в жизнь каждого человека. Иван Великопольский вздыхает и задумывается. Между тем рассказ этот потрясает слушательниц: «Продолжая улыбаться, Василиса вдруг всхлипнула, слезы, крупные, изобильные, потекли у нее по щекам, и она заслонила рукавом лицо от огня, как бы стыдясь своих слез, а Луке-

рья, глядя неподвижно на студента, покраснела, и выражение у нее стало тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает сильную боль». Это момент соединения разных уровней. Природное, человеческое и божественное на миг находят друг друга, стыкуются. Из хаоса рождаются новый «порядок и согласие». Тепло, слезы, огонь, совесть и стыд противоположны ветру, холоду, мраку, ужасам жизни.

Люди могут преодолеть холод и мерзость жизни, если боль других будет иметь к ним «какое-то отношение». В этот миг Иван Великопольский вдруг понял, что прошлое «...связано с настоящим непрерывной цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного, как дрогнул другой». В этом резонансе прошлого, настоящего и будущего, в этом прорастании одного из другого, в чувстве сострадания, памяти и совести человека открывает Чехов «высокий смысл» «восхитительной, чудесной» человеческой жизни.

Приведем еще один пример дискурса. В «Капитанской дочке» рассказ о дороге Гринева к месту службы и затем событиях в Белогорской крепости являет собой череду происшествий, которые каждый раз ставят героя перед новым выбором. Встреча с Пугачевым в степи, возникшее чувство к Маше, соперничество со Швабриным и, наконец, обстоятельства, от героя прямо независимые, являют собой цепь, которую М.Ю. Лотман называл пересечением границ и которая постоянно поддерживает читательский интерес. Это пересечение границ и связь текста с широким контекстом — языковым, историческим, философским, автобиографическим — делают текст «Капитанской дочки» художественной речью, погруженной в жизнь, примером литературного дискурса и классическим произведением русской литературы. В сознании читателей разных поколений продолжается диалог на темы, заданные автором: что важнее — честь или богатство, верность долгу или жизнь, «милость или правосудие»... Так, Маша Миронова просит у императрицы «...милости, а не правосудия», догадываясь, что, следуя закону, нельзя разобраться в «сцеплении» исторических обстоятельств²⁰.

²⁰ Пушкин А. С. Полное собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М., 1957. С. 536; 556.

Помимо нелинейности, неокончателности определения дискурса, связанного в словесности с литературной традицией и экстралитературной реальностью, подчеркнем и другую его особенность — внесение дополнительного смысла за счет *авторской экспрессии*. В рассказе Чехова она глубоко спрятана в подтекст. В «Капитанской дочке» авторская экспрессия явно выводит читателя к проблемам русской истории, ментальности и философии бытия. Как подлинное предсказание звучит мысль о несправедности власти и опасности хаоса: живо интересовавшийся историей французской революции и народных волнений Западной Европы Пушкин оставил одно из самых провидческих определений русского мятежа — «бунт бессмысленный и беспощадный». В пропущенной главе «Капитанской дочки» автор дает известную характеристику: «Состояние всего края, где свирепствовал пожар, было ужасно. Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка. Да и своя шейка копейка».

Для теории литературного дискурса важна мысль о том, что «...только контакт языкового значения с конкретной реальностью, только контакт языка с действительностью, который происходит в высказывании, порождает искру экспрессии: ее нет ни в системе языка, ни в объективной, существующей вне нас действительности»²¹. Таким образом, новый смысл, возникающий в художественном дискурсе, можно понимать как экспрессию в широком смысле слова.

Литературный дискурс устанавливает связи между художественным произведением и автором, художественным текстом и читателем, автором и традицией, читателем и реальностью... Эти связи нелинейны и неоднаправлены. Их особая сложность состоит в том, что литературный дискурс «перебрасывает мостик» между миром воображения и конкретной реальностью, между вымышленным миром литературы и действительностью. Литературный дискурс осуществляет смысловой скачок, необходимый для соположения в сознании читателя этих миров, существующих в разных пространственных и временных параметрах. Эти свойства

²¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества... С. 281.

литературного дискурса делают его явлением языка и литературы, но и шире — вводят в общефилософский контекст, обнимающий математику и филологию, современную физику и изучение истории и литературы — сложные нелинейные структуры, в которых происходит синергетическое порождение смысла.

Языковая личность

Не только дискурс, т.е. речь, погруженная в жизнь, но и сама личность, производящая речь, интересуют когнитивную лингвистику. Нестабильность, нелинейность, открытость, самоорганизация и динамика характерны для формирования «языковой личности». Языковая личность — человек, рассмотренный «с точки зрения его готовности производить речевые поступки»²², человек в дискурсе. Изучение человека в единстве «стиля жизни» и «стиля употребления языка» продолжил известный лингвист Ю.Н. Караулов²³. Другим подступом к изучению языковой личности стала «коллоквиалистика», изучающая «разговорно-речевую деятельность в контексте внеязыковой деятельности»²⁴.

Языковая личность всегда ориентирована на адресата, на слушателя, несет в себе его отраженный образ. Языковая личность диалогична, поскольку проявляется на пересечении сознаний и языков. Рассматривая структуру языковой личности, Ю.Н. Караулов выделяет в ней три уровня:

- А) вербально-семантический,
- Б) когнитивный (тезаурусный),
- В) мотивационный.

Высшим ученый считает мотивационный уровень языковой личности, связанный с ее «деятельностно-коммуникативными потребностями», со всей совокупностью характерных для нее сфер

²² *Богин Г.И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дисс. доктора филол. наук. Л., 1984.

²³ См.: *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. 2-е изд., стереотип. М., 2002.

²⁴ *Скребнев Ю.М.* Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985. С. 8.

общения, типов дискурса и коммуникативных ролей. Мотивационный уровень в наибольшей степени определяет позицию личности в межкультурной коммуникации и несет на себе социально-исторические меты времени. Так, в сталинскую эпоху, да и позднее, одним из наиболее распространенных слов-сигналов было эмоциональное «железно». Это слово, коренясь в глубинах подсознания говорящего и связанное с ними внутренней речью, позволяет увидеть картину мира говорящего и слушающего той эпохи. Не только «матрос — партизан — Железняк», но и фамилии вождей (Молотов, Сталин) выражали семантику металла. Маркером сегодняшней жизни выступает словосочетание «как бы», отражающее неустойчивость сознания современного человека.

Все три уровня структуры языковой личности представляют ансамбль элементов, они иерархически связаны между собой, изменения на одном из уровней влекут за собой перестройку системы.

В межкультурной коммуникации, основанной на единстве изучения языков и культур, системный характер языковой личности проявляется в полной мере. Если овладеть лишь вербально-семантическим уровнем изучаемого языка, то тогда неизбежны ошибки когнитивного и мотивационного планов. Владение грамматикой и лексикой чужой культуры почти невозможно представить без свободного владения языковыми моделями и клише. Для межкультурной коммуникации важна поэтому категория «вторичной языковой личности». Вторичная языковая личность — «метапродукт», типичный для межкультурной коммуникации. И.И. Халеева справедливо подчеркивает, что «приобщение русскоязычной языковой личности через новое для нее средство социальной коммуникации... означает приобщение к новым картинам мира»²⁵.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Юрий Николаевич Караулов — известный отечественный лингвист, один из основных инициаторов создания «Ассоциативного тезауруса совре-

²⁵ Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). М., 1989. С. 55.

менного русского языка» (1994—1996), предложивший соотнести понимание «диссипативных структур» И. Пригожина с языковым и когнитивным уровнями личности. Благодаря «Ассоциативному тезаурусу» выявляется «ассоциативно-вербальная сеть» (АВС) русского языка. АВС трактуется как совокупность связей между стимулами и реакциями. Ю.Н. Караулов разработал теоретические основы изучения «языковой личности». Получила распространение концепция «прецедентного текста» в понимании Ю.Н. Караулова.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ

Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М., 1992.

Ассоциативная грамматика русского языка. М., 1993.

Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.

Ассоциативные нормы испанского и русского языков. Москва; Мадрид, 2001 (совместно с М. Санчес Пуиг и Г.А. Черкасовой).

Ю.Н. Караулов. РУССКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Лингводидактическое представление языковой личности и ее структура

Таким образом, в лингвистике личность не стала пока равноправным с языком объектом изучения, оставаясь скрытым, незаявленным, а иногда и неосознанным предметом исследовательского интереса, например, в стилистике. В более явном виде выход на проблематику языковой личности осуществляется в рамках дисциплин, относящихся к периферии науки о языке, — в лингводидактике и методике преподавания языков. В этом смысле лингвистика отстает от других наук общественно-гуманитарного цикла, которые более решительно обращаются к человеку, более пристально вглядываются в интересы отдельной личности, более существенное значение придают психологическому фактору в развитии различных областей и периодов об-

щественной жизни. В исторической науке взгляд исследователя, направленный от личности, изнутри, позволяет реконструировать «модель мира», картину мира (своеобразный усредненный тезаурус) средневекового, например, человека и тем самым выявить существенные связи между культурой и социально-экономическим строем общества. В другой работе на материале русской культуры «нового времени» воссоздается характерологическая портретная галерея личностей эпохи реформ: здесь и герои светских повестей второй половины XVII — первой трети XVIII в., и реальные фигуры — исторические и общественные деятели разного ранга (Ордин-Нащокин, Ртищев, Петр I, Посошков, Ломоносов, Прокопович), а также частные лица. Благодаря этому крупные, социально-экономические мотивировки тенденций развития русской культуры обрастают идейно-нравственной, эмоционально-мировоззренческой плотью, и вся картина приобретает живость и большую убедительность. Довольно давно и успешно исследуется личность в социологии, этнографии, развернулись исследования философских проблем человека. Над лингвистикой же слишком тяготело сосюрсовское — «язык в самом себе и для себя».

(...)

Что касается развиваемого в этой работе трехуровневого представления модели языковой личности, то оно поддерживается довольно широко распространенными идеями о трехуровневости процессов восприятия и понимания, которые оказываются тем самым конгруэнтными самому устройству языковой личности. Так, соответственно намечаемым нами мотивационному, тезаурусному и вербально-семантическому уровням языковой личности в схеме смыслового восприятия выделяют побуждающий, формирующий и реализующий уровни. «Побуждающий уровень объединяет ситуативно-контекстуальную сигнальную (стимульную) информацию и мотивационную сферу... Формирующий уровень функциональной схемы смыслового восприятия содержит четыре взаимосвязанные и взаимовключающиеся фазы:

- 1) фазу смыслового прогнозирования;
- 2) фазу вербального сличения;

- 3) фазу установления смысловых связей
 - (а) между словами и
 - (б) между смысловыми звеньями и
- 4) фазу смыслоформулирования...

Реализующий уровень на основе установления этого общего смысла формирует замысел ответного речевого действия». В структуре процесса понимания различают также а) понимание замысла автора (отправителя) текста (это высший, второй уровень, соответствующий в языковой личности мотивационному уровню), б) понимание концепции текста (следующий по нисходящей, первый уровень в структуре языковой личности, названный тезаурусным) и в) понимание смысла слов и их соединений на низшем — вербально-семантическом уровне.

(...)

Возвращаясь к структуре языковой личности, необходимо отметить, что в нашем представлении на каждом из трех уровней она складывается изоморфно из специфических типовых элементов — а) единиц соответствующего уровня, б) отношений между ними и в) стереотипных их объединений, особых, свойственных каждому уровню комплексов. Так, на нулевом, вербально-семантическом уровне в качестве единиц фигурируют отдельные слова, отношения между ними охватывают все разнообразие их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей, совокупность которых суммируется единой «вербальной сетью», а стереотипами являются наиболее ходовые, стандартные словосочетания, простые формульные предложения и фразы типа ехать на троллейбусе, пойти в кино, купить хлеба, выучить уроки, которые выступают как своеобразные «паттерны» (patterns) и клише. На лингво-когнитивном (тезаурусном) уровне в качестве единиц следует рассматривать обобщенные (теоретические или обыденно-житейские) понятия, крупные концепты, идеи, выразителями которых оказываются те же как будто слова нулевого уровня, но облеченные теперь дескрипторным статусом. Отношения между этими единицами — подчинительно-координативного плана — тоже принципиально меняются и выстраиваются в упорядоченную, достаточ-

но строгую иерархическую систему, в какой-то степени (непрямой) отражающую структуру мира, и известным (хотя и отдаленным) аналогом этой системы может служить обыкновенный тезаурус. В качестве стереотипов на этом уровне выступают устойчивые стандартные связи между дескрипторами, находящие выражение в генерализованных высказываниях, дефинициях, афоризмах, крылатых выражениях, пословицах и поговорках, из всего богатства и многообразия которых каждая языковая личность выбирает, «присваивает» именно те, что соответствуют устойчивым связям между понятиями в ее тезаурусе и выражают тем самым «вечные», незыблемые для нее истины, в значительной степени отражающие, а значит, и определяющие ее жизненное credo, ее жизненную доминанту.

(...)

Высший, мотивационный уровень устройства языковой личности более подвержен индивидуализации и потому, вероятно, менее ясен по своей структуре. Все же можно полагать, что и этот уровень состоит из тех же трех типов элементов — единиц, отношений и стереотипов. Понятно, что единицами здесь не могут быть семантические, языково-ориентированные элементы — слова, не могут ими быть и гностически-ориентированные строевые элементы тезауруса — концепты, понятия, дескрипторы. Ориентация единиц мотивационного уровня должна быть прагматической, и потому здесь следует говорить о коммуникативно-деятельностных потребностях личности. Было бы неправомерным назвать их только коммуникативными, поскольку в чистом виде таких потребностей не существует: необходимость высказаться, стремление воздействовать на реципиента письменным текстом, потребность в дополнительной аргументации, желание получить информацию (от коммуниканта или из текста) и т.п. личностные, так же как аналогичные и более масштабные общественные потребности, диктуются экстра-, прагма-лингвистическими причинами. Полного перечня таких коммуникативно-деятельностных потребностей личности пока нет и создать его, видимо, не менее трудно, чем составить словарь основных понятий (дескрипторов тезауруса) для предыдущего уровня.

(...)

Очевидно, всем этим требованиям, которые на первый взгляд могли бы показаться даже взаимоисключающими, отвечает определенный символ, образ, знак повторяющегося, стандартного для данной культуры, прецедентного, т.е. существующего в межпоколенной передаче текста — сказки, мифа или былины, легенды, притчи, анекдота (в изустной традиции) и классических текстов письменной традиции — памятников, произведений классической художественной литературы и других видов искусства (архитектуры, скульптуры, живописи). Причем языковой способ выражения символа прецедентного текста, естественно, совпадает со способами выражения стереотипов других уровней: это может быть цитата, ставшая крылатым выражением («Ну как не порадовать родному человечку», «Да зелен виноград»), имя собственное, служащее не только обозначением художественного образа, но актуализирующее у адресата и все коннотации, связанные с соответствующим прецедентным текстом (Базаров, Печорин, протопоп Аввакум, царь Салтан, Алеша Попович) и т.п.

- ВОПРОСЫ**
- 1) Дайте характеристику «языковой личности».
 - 2) Перечислите уровни структуры языковой личности?
 - 3) Дайте определение «прецедентного текста».
 - 4) Чем отличается «вторичная языковая личность» от первичной языковой личности?
 - 5) Приведите собственные примеры «прецедентных текстов», характерных для русской, английской, немецкой, австрийской, американской, швейцарской, французской, итальянской, испанской и других культур.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Владимир Ильич Карасик — специалист в области социолингвистики, лингвокультурологии, теории дискурса. В.И. Карасик рассматривает культурные концепты как «кванты переживаемого знания, совокупность которых является концентрированным опытом человечества, этноса, социальной группы и личности».

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ

Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

В.И. Карасик. ЯЗЫКОВОЙ КРУГ: ЛИЧНОСТЬ, КОНЦЕПТЫ, ДИСКУРС

Языковая личность

Социальная сущность языка заключается в том, что он существует прежде всего в языковом сознании — коллективном и индивидуальном. Соответственно языковой коллектив, с одной стороны, и индивидуум, с другой стороны, являются носителями культуры в языке. Коллектив как этнос или нация и индивидуум являются крайними точками на условной шкале языкового сознания.

Носителем языкового сознания является языковая личность, т.е. человек, существующий в языковом пространстве — в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов. Изучение языковой личности в отечественной лингвистике по праву связано с именем Ю.Н. Караулова, который под языковой личностью понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)».

(...)

Типология языковых личностей может строиться на различных основаниях.

С позиций этнокультурной лингвистики можно выделить типы носителей базовой и маргинальной культур для соответствующего общества. Здесь действует оппозиция «свой — чужой». В условиях межкультурного общения релевантным оказывается дифференциация чужих по признаку реальности, естественности общения. Условно можно разграничить следующие типы языковых личностей:

- 1) человек, для которого общение на родном языке является естественным в его коммуникативной среде;
- 2) человек, для которого естественным является общение на чужом языке в его коммуникативной среде, здесь мы говорим о ксенолекте, т.е. той разновидности языка, которой пользуются, например, эмигранты, либо люди, длительно живущие в чужой стране, либо люди, пользующиеся языком международного общения в целях естественной коммуникации, например, ученые, выступающие по-английски на конференции в Японии;
- 3) человек, который говорит на чужом языке с учебными целями, не относящимися к характеристикам естественной среды общения.

(...)

В сообществах, относящихся к одному и тому же типу цивилизации, социальные роли в значительной мере изоморфны, вместе с тем специфика личностей, которые становятся образцами для соответствующих моделей поведения, накладывает значительный отпечаток на исполнение таких ролей и позволяет выделять в рамках той или иной лингвокультуры именно модельную личность. Мы можем говорить о специфике эпохи благодаря таким модельным личностям. В России XIX в. одним из таких узнаваемых социальных типов был «Гусар» — офицер, который всегда готов был совершить дерзкий подвиг, а в свободное от подвигов время должен был играть в карты, пить вино, писать стихи, влюбляться и завоевывать любовь и т.д. Этот образ жив в коллективном языковом сознании носителей современной русской культуры благодаря литературе, живописи, кино. Важнейшей характеристикой модельной личности является ее воздействие на все сообщество. Какие модельные личности выделяются в современной России?

Список этих социальных типов открыт, но представляется, что приоритетные позиции в этом списке занимают «Братан», «Новый русский», «Телевизионный ведущий».

- Первый тип — это криминальная личность, узнаваемая по широкой шее (статусно необходимые занятия бодибилдингом), золотой цепи на шее и тюремному жаргону (*разборки*,

наезд, мочить, кидать), специфической интонации (модуляционная манерная растяжка речи, частичная назализация, удвоение согласных в интервокальной позиции). Ценностной ориентацией Братана является неписанный кодекс вора, который всегда противостоит официальному закону и прежде всего стражам порядка, считает потерей лица любую работу и живет только сегодняшним днем (завтра высока вероятность оказаться в тюрьме). Отличие современного Братана от прежнего вора состоит в том, что он чувствует себя хозяином положения в стране и легко переходит в статус Нового русского, т.е. молодого малообразованного очень богатого бизнесмена, который сумел сколотить капитал нечестным путем.

- Второй тип — Новый русский — должен демонстрировать свое богатство в суперлативе (самый дорогой автомобиль, самый шикарный мировой курорт), он одет очень ярко и безвкусно, изъясняется с помощью уголовного жаргона и приблизительных номинаций (характерный определитель — слово *типа*: «Я, что, типа быдло?»). Значимость этой модельной личности отражена в обширной серии популярных анекдотов. Следует отметить то обстоятельство, что Новый русский соединяет в себе характеристики сказочного дурака (позитивный образ, противостоящий власти) и сумасбродного купца, транжирящего большие средства на виду у бедствующих людей.
- Третий тип — Телевизионный ведущий — в отличие от первых двух ассоциируется с властью, является носителем голоса власти и в этом качестве резко противопоставлен тем типам, с которыми себя так или иначе может ассоциировать пассивное большинство населения. Телеведущий отличается высокой степенью интеллекта, образован, его речь безупречна, он свободно владеет иностранным языком, нормами этикета, склонен к тонкому юмору и иронии. Телеведущий является элитарной языковой личностью... языковым экспертом и в этом смысле наследует определенные характеристики модельной личности русского интеллигента, резко отличаясь от последнего нескрывае-

мой эластичностью морали. Выделение модельной личности Телеведущего свидетельствует о значительном возрастании театрального плана политического дискурса. Телеведущий воспринимается многими как представитель чужой западной цивилизации, в то время как Братан и Новый русский ассоциируются со своими патриархальными нормами поведения. Выделенные модельные личности, разумеется, не исчерпывают богатство социальных типов современной России, но системные корреляции этих ярких прототипных фигур определяют сетку ценностных координат в культурно-языковом сообществе, в том числе престижные и избегаемые речевые характеристики, которые могут рассматриваться с позиций лингвистического концептуализма.

- ВОПРОСЫ**
- 1) Назовите основные подходы к изучению языковой личности.
 - 2) Каковы модельные типы личностей в современной России?

Задание 1

Предложите ряд собственных типов социокультурных личностей.

Задание 2

Прочитайте стихотворения О.Э. Мандельштама «Это какая улица?»
Каков смысл строки «Мало в нем было линейного...»?

Это какая улица?
Улица Мандельштама.
Что за фамилия чертова?
Как ее ни вывертывай,
Криво звучит, а не прямо.

Мало в нем было линейного.
Нрава он был не лилейного,
И потому эта улица,

Или, верней, эта яма, —
Так и зовется по имени
Этого Мандельштама.

(1935)

Рассмотрите стихотворение как пример дискурса, текста, погруженного в жизнь.

Т е м а 8. КОНЦЕПТ КАК ЕДИНИЦА КОММУНИКАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *ментальные (внутренние) и внешние (выраженные) концепты, константа, референция, значение и смысл, структура вербально (невербально) выраженного концепта, внутренняя форма, ядро, актуальный слой, фрейм, сценарий, прецедентный текст, фазовый переход, синергетический скачок.*

Дискурс запускает механизмы коммуникации, действующие в культуре. Прямые и обратные связи, потенциально данные в системе «культура», начинают «работать» в высказывании, приводя к порождению новых смыслов. Смысл, возникающий в дискурсе, обозначается термином «*концепт*».

Концепт — единица, объединяющая различные области гуманитарных наук. Обремененное многочисленными ассоциациями, широко использовавшееся в философии и математической логике слово «концепт» было переосмыслено в современном гуманитарном знании. С разных точек зрения концепт изучается в культурологии, этнопсихологии, социологии и политологии, когнитивной лингвистике.

Возможны разные классификации концептов:

- 1) по типу порождения (концепты как единицы мышления и языка);
- 2) по типу выраженности (вербальные и невербальные);
- 3) по составу (простые и сложные; к многокомпонентным концептам относятся, например, фрейм и сценарий);
- 4) по степени абстрактности (познавательные и художественные);

- 5) по сфере функционирования (индивидуальные, групповые, общенародные и т.д.).

Переход от одних единиц к другим не является произвольным или случайным. Меняется научная парадигма.

Происхождение понятия

В русском языке слово «концепт» возникло как калька латинского *conceptus*, что означает буквально «поятие, зачатие» (от глагола *concipere* — зачинать). Этимологически они восходят к глаголу «пояти», что означает «схватить, взять в собственность, взять женщину в жены». Таким образом, понятое, познанное (вспомним библейское выражение «познать» женщину) есть нечто взятое и удержанное¹. Концепт связан с понятием замещаемого им явления или предмета.

Однако при дальнейшем рассмотрении картина утрачивает статику и однозначность. Так, в «Longman Dictionary of Contemporary English» концепт определяется как «чья-то идея о том, как что-то сделано из чего-то или как оно должно быть сделано» (*someone's idea of how something is, or should be done*). Возникает неожиданное указание на мыслящее лицо, деятеля, обладателя некой идеи и точки зрения. Концепт предстает как потенциальное высказывание. При всей абстрактности и обобщенности этого «некто» (*someone*) вместе с ним в «концепт» входит потенциальная субъективность. Между тем субъективность противоположна понятию в собственном смысле слова. Если концепт выражает текучесть мира, проявляющуюся в диалоге, общении, то система понятий членит мир совершенно иначе. Понятие функционирует «*независимо от общения*». Концепт же, напротив, связан с «персонажностью», предполагает вопросы и ответы, диспут². Сложность понимания концепта заключается в том, что он приближается к понятию замещаемого им предмета и вместе с тем существенно отклоняется от него.

¹ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. С. 43. В дальнейшем страницы указываются прямо в тексте.

² Неретина С.С. Тропы и концепты. М., 1999. С. 30.

Концепты возникают в мышлении, хранятся в памяти, определяют ментальность и выражаются в языке³. Память может быть коллективной, общенародной, статусно-социальной и индивидуальной. Неодинаково устроена память у мужчин и женщин, детей, людей разного возраста. Соответственно существуют разные проявления ментальности, порождающей разные типы концептов. Соотношение концептов как единиц ментальности и единиц языка изучает современная когнитивная лингвистика⁴.

Под концептами в когнитивной науке понимаются «оперативные содержательные единицы памяти, ментального лексикона...», отраженные в человеческой психике. Извлекая эти единицы из памяти, люди оперируют ими во «внутренней речи»⁵.

Внутренняя и внешняя речь

Если концепт получает выражение в речи, то это «...отображается в переосмыслении лексических значений». Выражающее концепт слово «...не может обладать постоянным значением. Иначе при ограниченном количестве слов было бы ограниченное число высказываний, и вновь возникающие предметные ситуации не могли бы быть высказаны» (21). Концепт «...пробивается в язык, перестраивает его, побуждает к развитию». В процессе общения «неизбежно меняется интерпретация лексики в силу того, что контекст определяет переосмысление лексических значений».

Рассматривая соотношение внутренней и внешней речи, Н.И. Жинкин использует термин «перевод». Так, «понимание —

³ Бухаров В.М. Концепт в лингвистическом аспекте // Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. Н. Новгород, 2001. С. 74—84.

⁴ Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика // Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Пакрац, Л.Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.

⁵ Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Межкультурная коммуникация. Часть I. Н. Новгород: Вектор, 2002. С. 20—23. В дальнейшем страницы приводятся прямо в тексте.

это перевод с натурального языка на внутренний». Обратный перевод, т.е. переход с внутреннего на естественный язык, — «высказывание» (22). Высказывание реализует, как правило, лишь один из аспектов внутренней речи, «что подтверждается существованием многочисленных синонимов, разных дефиниций и текстовых описаний одного и того же концепта»⁶.

Можно ли воспринять ментальный концепт помимо его вербализации? Утвердительный, хотя заведомо личный, интуитивный ответ на этот вопрос содержится в интервью знаменитого Вольфа Мессинга. Мессинг обладал способностью видеть мысли других людей. Ментальные концепты открывались ему как образы, связанные с каким-то местом, действием, человеком. Эти образы имели «и цвет, и глубину». Более всего они походили на воспоминания, но не о собственной, а о чужой жизни⁷. Ментальные концепты хранятся в памяти. В когнитивной лингвистике ментальные концепты — оперативные содержательные единицы памяти⁸.

Ментальные, внутренние концепты прямо связаны с проблемой «молчания» и «умолчания». В межкультурной коммуникации молчание, подтекст играют очень важную роль. Зачастую очень трудно истолковать высказывания, речи носителей иной культуры. Но еще труднее бывает интерпретировать их молчание. В «Капитанской дочке» А.С. Пушкина Маша Миронова, в момент наивысшего волнения, не в состоянии высказать все происшедшее. После свидания с императрицей она возвращается «обливаясь молча тихими слезами». «Молчание» и «тишина» — качества физические, акустические и одновременно духовные. Этот эпизод из «Капитанской дочки» перекликается со знаменитыми строками позднего Пушкина — «Люди премудрые тихо живут...».

⁶ *Болдырев Н.Н.* Концепт и значение слова // Методологические проблемы современной лингвистики / Науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж, 2001. С. 26—27.

⁷ *Кючарьянц В.* Последнее интервью Вольфа Мессинга // Новая неделя. № 11. 15 декабря 2004 г. С. 73.

⁸ *Кубрякова Е.С.* Концепт. Концептуальная система или структура // Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. С. 90.

Ментальные концепты разворачиваются во «внутренней речи». О структуре «внутренней речи» спорят психологи, лингвисты, специалисты по искусственному интеллекту⁹. Один из дискуссионных пунктов затрагивает соотношение мысли и языка. Как происходит превращение внутренней речи во внешнюю? Как они соотносятся? Какова степень вербализации «внутренней речи»? Как работает в ней механизм порождения ассоциаций? В межкультурной коммуникации постоянно происходят сложные, многократные переходы от внутренней к внешней речи, и наоборот. Об этом писал выдающийся психолог Л.С. Выготский: «Но если мысль воплощается в слове во внешней речи, то слово умирает во внутренней речи, рождая мысль»¹⁰.

Превращение ментальных концептов в языковые называют «вербализацией». В процессе вербализации меняется смысловое содержание ментальных концептов. Неизбежность подобных утрат прекрасно чувствуют большие поэты. Вспомним Ф.И. Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь!». Драма подлинного художника, заключающаяся в невыразимости внутренней жизни, замечательно раскрыта в рассказе В.Ф. Одоевского «Последний квартет Бетховена» (1831). Повествователь вкладывает в уста главного героя, композитора Бетховена, следующие слова: «В моем воображении носятся целые ряды гармонических созвучий; оригинальные мелодии пересекают одна другую, сливаясь в таинственном единстве; хочу выразить — все исчезло: упорное вещество не выдает мне ни единого звука, — грубые чувства уничтожили всю деятельность души. О! Что может быть ужаснее этого раздора души с чувствами, души с душою!»¹¹. Герой рассказа отчетливо ощущает «...бездну, отделяющую мысль от выражения». У И.В. Гёте и А. Блока символы — «несказан-

⁹ Согласно представлениям Н.И. Жинкина, внутреннюю речь определяет так называемый «предметно-схемный код», «непроизносимый», не содержащий слова натурального языка. См.: *Жинкин Н.И.* Избранные труды. Язык — речь — творчество. Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. М., 1998. Концепция Н.И. Жинкина не является единственной. См.: *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.

¹⁰ *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Л.С. Выготский. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. / Под ред. В.В. Давыдова. М., 1982. С. 353.

¹¹ *Одоевский В.* Повести / Предисл. В.И. Сахарова. М., 1977. С. 59.

ное», «невыразимое» — также указывают на неперево­димость внутренних концептов.

Выраженные концепты

Выраженные концепты могут быть вербальными (языковыми) или невербальными (жесты, язык тела, дистанция в общении). Вербально и невербально выраженные концепты имеют знаковую природу. Вербально выраженные концепты могут выражаться одним словом (счастье), словосочетанием с разной степенью устойчивости («эко счастье», «по счастью»), фразеологизмами («домашнее счастье», «совет да любовь»), «прецедентными текстами» (Ю.Н. Караулов) и прецедентными микротекстами («счастливые часов не наблюдают»).

Концепт и «прецедентный текст»

Концепты раскрываются в «прецедентных текстах». Под «прецедентным текстом» Ю.Н. Караулов понимает текст «в межпоко­ленной передаче»¹². Этот текст наделен рядом признаков, среди которых выделяются:

- 1) «сверхличностный характер»; такие тексты известны не отдельным личностям, а целым социокультурным группам или общенародному коллективу;
- 2) постоянная возобновляемость, реинтерпретируемость;
- 3) узнаваемость, хрестоматийность;
- 4) значимость в познавательном и эмоциональном отношениях.

По своей структуре «прецедентные тексты» могут быть свернутыми и развернутыми. Свернутые прецедентные тексты — символы, образы, знаки, значимые для данной национальной культуры. Знаменитые афоризмы, пословицы, крылатые слова,

¹² Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 54. В дальнейшем страницы указываются прямо в тексте.

выражающие существенные черты национальной картины мира, — прецедентные микротексты. Развернутые «прецедентные тексты» — сказки, мифы, былины, легенды, классические тексты художественной литературы и других видов искусства (архитектуры, скульптуры, живописи) (54). К числу «прецедентных текстов» относится и национальный гимн в единстве словесного, акустического и визуального рядов (поднятие флага в сопровождении музыки).

Фрагменты прецедентного текста часто даны намеком, как отсылка к прецедентному тексту в целом. В таких случаях «весь текст или значительный его фрагмент выступают как целостная е д и н и ц а (разрядка. — Ю.К.) обозначения» (217). Прецедентными текстами являются и имена собственные, вызывающие у носителей культуры и языка все коннотации, связанные с соответствующим «прецедентным текстом»: «Пушкин — наше все!». Символические, узнаваемые, повторяющиеся в своих существенных признаках фрагменты национальной истории — разновидности «прецедентных текстов». Таковы, например, опричники и чекисты, Малюта Скуратов и Ф.Э. Дзержинский, Иван Грозный и Сталин.

Невербально выраженные концепты

В искусстве носителями прирастающего или теряемого смысла могут выступать любые знаки. Даже самый малый знак пунктуации может существенно изменять смысл целого. Так, например, в финале «Золотого горшка» (1814; 1819) Э.Т.А. Гофмана повествователь задает вопрос: «Ist denn überhaupt des Anselmus Seligkeit etwas anderes als das Leben in der Poesie, der sich der heilige Einklang aller Wesen als tiefstes geheimnis der natur offenbaret?». Знак вопроса здесь сигнализирует об иронии, налагающей, как известно, впечатление двойственности на всю «сказку из новых времен». Однако переведивший этот фрагмент А.В. Федоров заменил знак вопроса на знак восклицания: «Да разве и блаженство Ансельма не есть не что иное, как жизнь в поэзии, которой священная гармония всего сущего открывается как глубочайшая из тайн приро-

ды!»¹³. Замена всего лишь одного знака в переводе, столь же случайная, сколь и закономерная, меняет, однако, смысл произведения на противоположный. Если Э.Т.А. Гофман подвергает романтический концепт всевластия «поэзии» сомнению, то в русском варианте он одерживает победу. Переводчик воссоздает более ранний слой художественного мировоззрения Гофмана, с которым немецкий романтик полемизирует в «Золотом горшке». В итоге художественная концептосфера «Золотого горшка» оказывается иной.

Невербальные концепты изучаются в рамках невербальной семиотики. В невербальной форме концепты представляют собой ряд значимых (ритуальных, обрядовых) действий, жестов. Невербальные концепты лежат в основе стереотипов поведения людей, позволяющих отличить членов «своего» этноса от «чужих». Концептами являются и «национальные жесты», требующие особого комментария для читателей, принадлежащих к иной культуре.

Значение и смысл

В широком понимании концепт — это смысл. Одним из первых эту точку зрения сформулировал немецкий логик и математик Готтлоб Фреге.

Концептом имени (или знака) Фреге считал смысл знака. В его понимании «...смысл знака — это то, что отражает способ представления обозначаемого данным знаком»¹⁴. Смысл — путь, «которым люди приходят к имени».

Развивая идеи Г. Фреге, Н.И. Жинкин рассматривает значение как «...свойство имени, которое реализуется в назывании вещей», реализующееся в назывании денотата. Если значение имени относительно устойчиво и статично, то смысл имени, напротив, «передается и принимается в сообщении как информация», которая должна быть понята. Очевидно, что возникающий в ходе комму-

¹³ Гофман Э.Т.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. / Под ред. А.Б. Ботниковой, А.С. Дмитриева, А.В. Карельского, М.Л. Рудницкого. М., 1991. С. 262.

¹⁴ Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997. С. 354.

никации смысл динамичен и находится в становлении¹⁵. Именно поэтому электронные словари-переводчики, при всем богатстве ресурсов памяти, содержащей названия огромного множества вещей, не справляются с переносными значениями, т.е. смыслами слов, которые возникают в коммуникации, в контексте. Об этом очень четко писал Л.Н. Гумилев: «Смысл слова всецело зависит от контекста, так же как смысл фразы — от текста, интонации, ситуации, ради которой данный текст написан, и т.п., а смысл текста — от окружения, социального и природного»¹⁶.

Итак, языковой концепт — это смысл имени (группы имен), возникающий в процессе коммуникации, в контексте. Смысл языкового концепта — переменная величина.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Николай Иванович Жинкин — психолог, философ, лингвист (1893—1979).

Коммуникативная система — такая связь двух (или более) партнеров, в «процессе осуществления которой передается сообщение от одного партнера к другому, в результате чего могут измениться действия того партнера, который принял сообщение».

ОСНОВНОЙ ТРУД

Механизмы речи. М., 1958.

С.А. Аскольдов о «мыслительных» и языковых концептах

Важный этап в понимании концепта связан с трудами русского философа С.А. Аскольдова (1870—1945). С.А. Аскольдов рассматривает как «мыслительные общности» (внутренние, ментальные концепты), так и словесно выраженные языковые структуры.

¹⁵ В работе «Мышление и речь» (1934) Л.С. Выготский писал: «...смыслы слов, более динамические и широкие, чем их значения, обнаруживают иные законы объединения и слияния друг с другом, чем те, которые могут наблюдаться при объединении и слиянии словесных значений». См.: *Выготский Л.С. Мышление и речь* // Л.С. Выготский. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. / Под ред. В.В. Давыдова. М., 1982. С. 349.

¹⁶ *Гумилев Лев Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1997. С. 559.*

Концепт, по Аскольдову, — «...мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода»¹⁷. Выраженные концепты С.А. Аскольдов делит на «познавательные» и «художественные». Для познавательных концептов характерна фиксированная, единая, родовая точка зрения на замещаемую область (87). Познавательные концепты приближаются к понятию.

Познавательные концепты могут быть вербальными и невербальными. Таковы, например, схемы. Схема собора или другого здания отличается от фотографии, гравюры или рисунка. Схема — характерный пример познавательного концепта. При всех различиях реальных готических соборов их схемы примерно одинаковы. Однако Руанский собор или Лондонский мост, изображенные художниками-импрессионистами в разное время суток, оригинальны и неповторимы. Схема, чертеж — характерные примеры познавательных концептов. Живописные воспроизведения тех же объектов — художественные концепты, связанные с точкой зрения наблюдателя, временем наблюдения, контекстом.

Если концепты познания — «общности», то художественные концепты — «заместители» иного типа. Языковые художественные концепты вызывают множество ассоциаций. О.Э. Мандельштам подчеркивал, что «...любое слово является пучком, и смысл торчит из него в различные стороны, а не устремляется в одну точку»¹⁸. Ассоциации нередко возникают благодаря связи звучания и значения. Это сцепление особенно важно для искусства. Так, у Гоголя широко используются «говорящие» фамилии. Собакевич одновременно похож на бульдога и на «средней величины медведя». Само звучание имени Коробочка указывает на характер героини. Фамилия Манилов ассоциируется с обликом человека, в чертах которого «передадено сахару». «В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать, какой приятный и добрый человек. В следующую затем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь:

¹⁷ Статья С.А. Аскольдова цитируется по изданию: Межкультурная коммуникация. Практикум. Часть I. Н. Новгород, 2002. С. 84. В дальнейшем страницы приводятся прямо в тексте.

¹⁸ Мандельштам О.Э. Разговор о Данте // Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 223.

“Черт знает что такое!” И отойдешь подальше; если ж не отойдешь, то почувствуешь скуку смертельную». Переход от фонетического созвучия к семантическому сближению приводит к рождению нового смысла.

Концепт как «выразительный символ»

Как познавательные, так и художественные концепты являются не простым *отражением* замещаемого ими множества денотатов. С.А. Аскольдов подчеркивает, что концепт — «выразительный символ», «обнаруживающий лишь *потенцию* совершить то или иное». Так, «взмах руки пианиста над клавишами уже содержит, хотя и в иной динамической стихии, а именно в иннервационных возбуждениях, ту расчлененность движений, которая возникает, когда пальцы опустятся на клавиши. В этой готовности руки произвести аккорд или пассаж уже заложена нервная и мускульная динамика аккорда как движения» (88). Приведем пример из мира природы. Как показывают наблюдения ученых, на случай «...значительных изменений гравитационного, электромагнитного полей, атмосферного давления», вызывающего, например, появление цунами, в природе предусмотрена «система оповещения». На суше первыми ловят сигнал насекомые, змеи, ящерицы, другие твари и животные, покидающие опасные места. Их поведение — предварение, предупреждение о грозящей катастрофе. Они «замещают» появление цунами. Умение интерпретировать концепты такого рода — один из факторов выживания современного человечества.

Д.С. Лихачев о языковом концепте и концептосфере

Опираясь на мысль С.А. Аскольдова о «заместительной способности концептов», Д.С. Лихачев выдвигает ряд новых идей. Суть концепта заключается в «подстановочной» роли в языке. Очень важным представляется положение исследователя о том, что концепт не возникает прямо из значения слова, «...а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и

народным опытом человека»¹⁹. Д.С. Лихачев фиксирует здесь выход слова за собственные границы, его подключение к экстралингвистическим взаимозависимостям и связям. Слово «столкновение» указывает здесь на «контакт», «коммуникацию», синергетическое порождение смысла. Слово предстает как высказывание, как потенциальный дискурс²⁰.

«Концепты не только мыслятся, они переживаются...»

Вслед за С.А. Аскольдовым и Д.С. Лихачевым Ю.С. Степанов подчеркивает, что «...концепты не только мыслятся, они переживаются» (43). Выражение Ю.С. Степанова, развивающее мысль С.А. Аскольдова, подсказывает нам, что концепты рожают симпатии и антипатии. Иногда несовпадение концептов приводит к столкновениям, к непониманию, утрате смысла. Добавим, что если конфликт оказывается особенно острым, коммуникация прерывается.

В предисловии ко второму изданию книги «Константы: словарь русской культуры» Ю.С. Степанов приводит пример, показывающий, что одни и те же слова, выражающие одни и те же концепты, вызывают у представителей разных народов, возрастов, полов разные ассоциации, воспоминания, переживания. Так, на вопрос: «Какие ассоциации вызывает у вас слово “мужчина”»? — женщины в Германии ответили: «Борода, щекотка, секс». В России были получены иные ответы: «Сынок, кормилец, Чечня». Очевидно, что концепт «мужчина» и выражающие его слова русского и немецкого языков при совпадении их дефиниций и базовых значений в словарях могут значительно расходиться по смыслу (4).

Каждое слово, выражающее концепт, сопровождает «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний. Концепт — «основная ячейка культуры в ментальном мире человека».

¹⁹ Статья Д.С. Лихачева цитируется по изданию: Межкультурная коммуникация: Практикум. Часть I. Н. Новгород, 2002.

²⁰ Л.С. Выготский подчеркивал, что «... действительный смысл каждого слова определяется, в конечном счете, всем богатством существующих в сознании моментов, относящихся к тому, что выражено данным словом». См.: *Выготский Л.С. Мышление и речь* // Л.С. Выготский. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2 / Под ред. В.В. Давыдова. М., 1982. С. 347.

У Ю.С. Степанова это определение получает глубокое развитие в разделе о структуре концепта. К ней принадлежит «исходная форма» (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации, оценки.

Концепт как микросистема

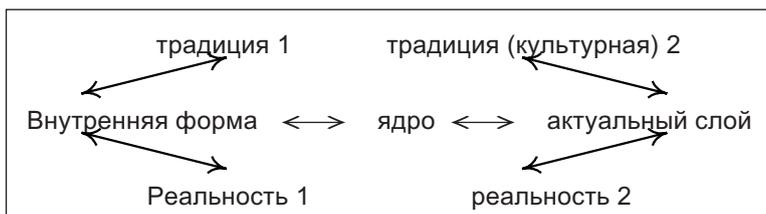
Культура и концепт — фракталы. Концепт подобен, аналогичен системе «культура». Если культура это — макросистема, то концепт представляет собой микросистему. Концепт порождает коммуникацию в системе «культура», и порождается ею.

Структура вербально и невербально выраженных концептов подобна, аналогична системе «культура». Представим эту мысль в виде двух схем.

Система «культура»:

Структура вербально (невербально) выраженного концепта:

Структура концепта: внутренняя форма

Внутренняя форма — первый элемент структуры вербально выраженного концепта. Эту мысль глубоко раскрыл Ю.С. Степанов в книге «Константы: словарь русской культуры».

Если сопоставлять вербально выраженный концепт как микросистему с макросистемой «культура», то внутренняя форма предстанет как позиционная и смысловая аналогия «производителя», создателя артефакта. За внутренней формой слова действительно стоит коллективный и анонимный автор — творец языка.

Внутренняя форма лишь отчасти, ослаблено определяет сегодняшнее бытование концепта. Для *познавательных концептов* внутренняя форма, как правило, не столь важна. Для *художественных концептов* внутренняя форма очень существенна.

Под внутренней формой В. фон Гумбольдт понимает способность звука вызывать ассоциации «с некогда связывавшимися с ним ощущениями». Звук «...настраивает душу на присущий данному предмету лад, частью самостоятельно, частью через воспоминания о других, ему аналогичных предметах...» Внутренняя форма содержит один из путей к вещи, одну из точек зрения на обозначаемую вещь.

Внутренняя форма соотносится с архаичной традицией (традиция-1) и архаичной реальностью (реальность-1). Она выражает древнюю точку зрения этноса на мир, закрепленную многократными повторениями. Совокупность внутренних форм слов определенного языка передает исходные черты «наивной модели мира», фиксируя мировосприятие наших предков²¹.

Рассмотренное со стороны своего построения и происхождения, слово перестает быть только условным знаком. Заместительная способность слова у Гумбольдта связывается с его внутренней формой, т.е. с исходной мотивированностью словесного знака. Два принципа — аналогия и связность — лежат в основании внутренней формы в теории В. фон Гумбольдта. Язык порождает внутри себя отношения аналогии между взаимосвязанными элементами. Чувственный образ, лежащий в глубине слова, настраивает воспринимающего на «присущий данному предмету лад». Таким образом, можно говорить об аналогии между мышлением и миром, миром и языком.

Внутреннюю форму окутывает облако ассоциаций. В различных коммуникативных ситуациях, особенно в поэтических тек-

²¹ Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика: Вып. 35. М., 1997. С. 273.

стах, они могут неожиданно делаться актуальными. Так, стоит нам произнести, например, русское слово «гроза», как тотчас нам представляются «все разнообразные понятия и образы, все ощущения», воспоминания и ассоциации. Внутренняя форма заключает в себе далеко не случайный и не безразличный в смысловом отношении «конкретный вид чувственной формы» (В. фон Гумбольдт).

Структура концепта. Ядро

Структура вербально выраженного концепта центрирована вокруг «ядра» подобно тому, как система «культура» центрирована вокруг артефакта.

«Ядро» вербально выраженного концепта обеспечивает отношения корреляции внутри его структуры. Срединный член систем подобного типа обладает относительной устойчивостью, стабильностью. Благодаря *ядру* устанавливаются отношения корреляции: *внутренняя форма* ↔ *ядро*; *ядро* ↔ *актуальный слой*.

«*Ядро*» вербально выраженного концепта — однопорядковая категория с понятием²², однако полного совпадения тут нет. Ядро содержит, как правило, базовое значение слова. Базовое значение слова включает в себя сочетание «архисемы» («родовой интегрирующей семы») и «дифференциальных сем», видовых сем, «описывающих различия единиц семантического поля»²³. Как показал Ю.С. Степанов, «ядро» вербально выраженных концептов раскрывается при помощи дефиниций в толковых словарях.

«Прямые» и «обратные» связи в структуре вербально выраженного концепта

Если верно, что вербально выраженный концепт — микросистема, подобная, аналогичная системе «культура», то внутри кон-

²² Гак В.Г. Лексическое значение слова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е (репринтное) изд. «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 г. М., 2000. С. 261.

²³ Языкознание... С. 437.

цепта элементы должны соединяться прямыми и обратными связями.

Прямые и обратные связи соединяют *ядро* концепта с *внутренней формой* и *актуальным слоем*. Благодаря прямым и обратным связям в постоянном движении, динамике находятся «потенциальные семы» (В.Г. Гак), выражающие побочные, переносные значения, реально существующие в слове «гроза» или приписываемые ему коллективом. К ним относятся следующие: «беда», «опасность», то, «что внушает страх, наводит ужас».

Вербально выраженный концепт «гроза» — целостная статико-динамическая структура. В «ядре» вербального концепта «гроза» сосредоточен «познавательный» потенциал. Во внутренней форме и «актуальном слое» — ассоциативные, художественные, потенциальные моменты.

Актуальный слой

С воспринимающим сознанием связан так называемый *актуальный слой концепта*. Актуальный слой концепта представляет собой смысловую и позиционную аналогию с «потребителем» (система «культура»). Связанный непосредственно с традицией и реальностью, «актуальный слой» концепта представляет собой непосредственную и часто мимолетную реакцию зрителя, слушателя и читателя на понятие и представления, воплощенные в концепте²⁴. Под воздействием актуального слоя концепты национальной культуры меняются, адаптируясь к современности.

Изменчивость актуального слоя сигнализирует о неустойчивости, открытости, неуравновешенности структуры концепта в целом.

Итак, *ядро* концепта обрамляют два ассоциативных облака, два пучка активных смыслов, идущих от *внутренней формы* и *актуального слоя*. Вербально выраженный концепт способен перестраиваться, меняться. Внутри него возможны смысловые флуктуации

²⁴ Их можно уловить с помощью «Ассоциативного тезауруса современного русского языка». См.: Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. От стимула к реакции. М., 1994.

и взрывы. Это происходит в том случае, если ассоциации из актуального слоя (или внутренней формы) проникают в ядро, закрепляясь в нем. В этом случае ядро вербально выраженного концепта может существенно изменяться, перестраиваться. В этом случае потенциальные семы получают статус новых дифференциальных, видовых сем. Таков, вероятно, механизм исчезновения концептов, выраженных определенным словом. Одно и то же слово (словосочетание) национального языка может со временем выражать иные концепты²⁵.

Схемы, фреймы, сценарии. М. Минский о фрейме

Исследователи выделяют разные типы ментальных и вербально выраженных концептов. Среди основных — «образы восприятия», «схемы», «фреймы», «сценарии». Разные авторы по-разному дополняют этот ряд²⁶.

Одну из распространенных теорий фрейма предложил американский ученый М. Минский. М. Минский исследует структуру объекта, который он обозначает многозначным словом «mind» («ум», «мозг», «сознание» и т.д.)²⁷.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Марвин Минский — психолог и математик, специалист в области Computer Science, один из создателей лаборатории искусственного интеллекта в Массачусетском Технологическом институте (США). Минский характеризует разум человека (mind) как сообщество (society) компонентов, которые сами по себе разума лишены (mindless). Соединяясь между собой и включаясь во взаимодействия, «малые идеи» создают

²⁵ Подробный разбор структуры вербально выраженного концепта см. в книге: *Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кириозе З.И.* Межкультурная коммуникация. Системный подход. Н. Новгород, 2003.

²⁶ См.: *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность... С. 189—210. См. также: *Методологические проблемы современной лингвистики* / Науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж, 2001.

²⁷ *Лихтерман Б.Л.* «Пересекая границы» // Медицинская газета. № 84. 29.10.99. С. 15.

крупные сообщества идей, порождая разум. Если процессы (agent), происходящие в сфере интеллекта, интерпретировать достаточно просто, то взаимодействия между сериями подобных процессов весьма сложны.

Минский разработал теорию *фреймов*. Под фреймом исследователь понимает организацию представлений, хранимых в памяти. Фрейм состоит из набора терминалов. К этим терминалам в дальнейшем могут присоединяться другие структуры.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.

Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Когнитивные аспекты языка: Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. XXIII. С. 281—309.

В понимании М. Минского фрейм — 1) своего рода «скелет», основа нашей памяти, 2) анкета со множеством рубрик (slots), которые должны быть заполнены²⁸. Эти «рубрики» Минский называет «терминалами». Терминал — точка связи, к которой можно присоединить информацию другого типа. Таков, например, фрейм «аэропорт». Однако ряд терминалов этого фрейма является общим для фреймов «речной порт», «железнодорожный вокзал», «автобусная станция».

Фрейм — структура данных для представления стереотипной ситуации²⁹. У фрейма есть различные уровни. Верхние (высшие) уровни четко определены. Они образованы такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к предполагаемой ситуации. Другими словами, верхние уровни фрейма — постоянные величины, «семантические инварианты». Более низкие уровни фреймов имеют много особых вершин-терминалов или ячеек, которые должны быть заполнены характерными примерами или данными, наиболее вероятными для конкретной ситуации. В структуре фреймов есть так называемые «задания отсутствия».

²⁸ *Marvin Minsky*. The Society of Mind. New York-London-Toronto-Sydney-Tokyo-Singapore: A Touchstone Book. 1988. P. 245.

²⁹ *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М., 1979. С. 7. В дальнейшем страницы указываются прямо в тексте.

Они выполняют «роль переменных», служат для аргументации с помощью примеров, «представляя информацию общего вида и описывая наиболее вероятные случаи, указывая на способы проведения полезных обобщений и т.д.» (8).

Цепочки высказываний соединяются во фреймы и сценарии. Сценарии отличаются от фреймов наличием сем «развития, динамики, движения»³⁰. Так, «аэропорт» — это фрейм. Посадка пассажиров на рейс — сценарий внутри этого фрейма. Некоторые произведения литературы в жанровом отношении напоминают фреймы. Таков, например, роман-фрейм А. Хейли «Аэропорт».

В романе А. Хейли аэропорт определяется как система взаимозависимых «сегментов», которые накладываются друг на друга (14). По мнению повествователя, всякий аэропорт состоит из отдельных целостных единиц (units), а не «отдельных компонентов» (separate components; 473). Противопоставление «целостной единицы» отдельному компоненту характеризует не только аэропорт, но и структуру всякого фрейма.

Классическая характеристика аэропорта как фрейма, состоящего из различных терминалов (слотов), в романе выглядит так: «While waiting for a flight, and without ever leaving the terminal, a visitor could shop, rent a room and bed, and take a steam bath with massage, have his hair cut, suit pressed, shoes shined, or even die and have his burial arranged by Holy Ghost Memorial Gardens which maintained a sales office on the lower concourse» (68—69). Речь идет о том, что пассажир, не покидая здания аэропорта, может совершить необходимые покупки, постричься, снять комнату, заказать автомобиль, массаж, а также и собственные похороны по высшему разряду. Аэропорт показан как суперфрейм, функционирующий как конвейер.

Одно из ключевых слов в романе — «модель», «структура» (pattern). Слово «pattern» маркирует устойчивую стереотипную повторяющуюся ситуацию. Так, один из центральных персонажей романа, Мэл Бейкерсфельд, говорит о себе так: «Not going home, in fact, seemed lately to have become the pattern of his life» (17). Нежела-

³⁰ Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы современной лингвистики / Науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж, 2001. С. 55.

ние возвращаться домой повествователь называет «моделью» жизни Мэла. Еще один характерный пример такого рода связан с энергичным руководителем технической службы Джо Патрони: «The situation had already assumed a proficient, *get-on-with-it pattern* (курсив мой. — В.З.) — a trademark of any proceeding in which the energetic TWA maintenance chief became involved» (44). Здесь неологизм «*get-on-with-it pattern*» фиксирует главную особенность характера Патрони — умение найти выход из любой затруднительной ситуации. При этом творческий потенциал личности оформляется с помощью особой «фреймовой» лексики, подчеркивающей стереотипность, повторяемость действий и событий: *pattern*, *trademark* (торговая марка).

Всякий фрейм содержит узлы-слоты, которые заполняются характерными данными. Таковы имена и фамилии персонажей в романе «Аэропорт»: Rolling, Patroni, D.O. Guerrero. Русское имя Таня содержит стереотипный намек на русскую душевность. Зато сотрудница страховой компании Bunnie Vorobioff, родом из Восточной Германии, страдает от неуверенности в себе, мелкой расчетливости, нерешительности и страха. Здесь русская фамилия Vorobioff несет отрицательные коннотации.

У Хейли языковые и сюжетно-композиционные схемы угадываются и в схематических героях. Это придает персонажам узнаваемость, а роману-фрейму предсказуемость и понятность.

Подводя итоги, отметим, что в романе «Аэропорт» автор использует особые приемы, связанные с частичным разрушением читательских ожиданий. Он умело заполняет свободные, переменные потенциальные слоты, поддерживая напряжение. Структура романа-фрейма, в которой важны стереотипные, узнаваемые смысловые узлы-терминалы, ставит читателя *как бы* наравне с повествователем. С точки зрения массовой литературы — точный и безошибочный ход.

Еще один пример романа-фрейма — «Дамское счастье» Э. Золя. По принципу фрейма построены современные телесериалы. Характерным примером фрейма являются современные программы теленовостей. Они состоят из заранее известных, постоянно повторяющихся «модулей»: «главная новость дня», «новости внутренней жизни», «события за рубежом», новости спорта, погода... Вместе с тем в моменты нестабильности, флуктуаций программа

новостей прерывается, ведущие сообщают о новости, которая только что получена по информационным каналам. В этот момент фреймовая структура программы новостей нарушается, фрейм превращается в сценарий.

Вербально и невербально выраженные концепты в межкультурной коммуникации

Для теории и практики межкультурной коммуникации важны динамические моменты, связанные с пониманием концептов. Ментальные концепты в межкультурной коммуникации — «парят» между словами разных языков. Их вербализация может дополнительно усложнить ситуацию. Так, русское слово «друг» и английское слово «friend» имеют сходные «ядерные структуры значений»³¹. Однако комбинации «элементарных значений» в русском и английском языковых концептах не совпадают. Возникают несоответствия. По мнению А. Вежицкой, русскому концепту «друг» больше соответствует английское «close friend». Очевидно, что за этими словосочетаниями и словами стоят разные дискурсы.

Обусловленное экстралингвистическими факторами несоответствие ментальных концептов выявляется при сопоставлении переводов. В зачине пушкинской «Сказки о царе Салтане» сказано:

«Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица, —
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря».

В переводе Э. Вилсона русский «богатырь» превращается в «героя» — (hero):

“If I were Queen,”
Spoke the third sister,
“I for (our) Father Tsar
Would bear a hero”³²

³¹ Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка: Избранные труды. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. С. 39.

³² Pouchkin A. The tale of Tzar Saltan / Tr. by Edmund Wilson. Ardis Edition, 1993. См.: Межкультурная коммуникация. Практикум. Часть I. Н. Новгород, 2002. С. 206.

Во французском переводе «богатырь» становится «палладином», погружая читателя в атмосферу французских средневековых рыцарских романов:

*“Si j’étais Tzarine de même
Leur répond la sœur troisième
“Pour le Tzar, Petit Père le mien
“J’aurais fait naître un paladin”³³.*

В немецком переводе также появляется «герой» (Heldensohn). Немецкий перевод сказки Пушкина интересен и с другой точки зрения. Изменения в нем затрагивают не только уровень языковых концептов. Переводчик на немецкий язык К. Боровски прибегает к бессознательной замене мотивировок. Сравним оригинал с переводом:

*Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрыпела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.*

*Kaum war dieses Wort gesprochen,
hörten sie ein lautes Pochen,
ratet einmal, wer da war?
In das Zimmer trat der Zar!
War gerade vorbeigekommen,
hatte aufgehört am Zaun,
wollte nun die Jüngste schaum³⁴.*

(курсив мой. — В.З.)

³³ Pouchkine A. Conte du Tzar Saltan / traduit par le Prince Théodore Kossatkine-Rostowsky. Paris, 1928—1931. См.: Межкультурная коммуникация. Практикум. Часть I. Н. Новгород, 2002. С. 209.

³⁴ Alexander Puschkin. Das Märchen vom Zaren Saltan / übers. U. Hrsg. V. Kay Borowsky. Stuttgart, 2001. См.: Межкультурная коммуникация. Практикум. Часть I. Н. Новгород, 2002. С. 210.

Переводчик подает царя Салтана как самовластного владыку. Если в оригинале «дверь тихонько заскрипела», то в переводе царь открывает ее «с громким стуком». Если А.С. Пушкин не вступает с читателем в разговор, то К. Боровски начинает играть с ним: «Угадай, кто это там?». Однако самая поразительная замена в буквальном смысле слова закрадывается в перевод. У Пушкина царь стоял «позади забора» «во все время разговора». Немецкая ментальность переводчика запрещает такое времяпрепровождение для царя. Боровски оправдывает Салтана: «Случайно шел мимо и прислушался у забора» (*War gerade vorbeigekommen, // hatte aufgehört am Zaun...*). В русской и немецкой концептосферах не совпадает сказочный дискурс. В сказке в игровом плане проявляется существенное для национальной ментальности отношение ко времени и пространству. В межкультурной коммуникации несовпадающие концепты ментальности парят над словами, вербализующими их. Ментальные концепты пробиваются в язык, перестраивают его, «побуждая к развитию». В процессе общения «неизбежно меняется интерпретация лексики в силу того, что контекст определяет переосмысление лексических значений» (Н.И. Жинкин).

Общий вывод

Структура концептов подобна, аналогична системе «культура». Культура и концепт — инварианты. Концепт — единица памяти, единица ментальности. Вербально и невербально выраженные концепты — варианты, представляющие собой не значение, а смысл соответствующих имен (знаков).

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Вильгельм фон Гумбольдт (Humboldt, 1767—1835) — выдающийся немецкий философ, антрополог, лингвист и эстетик, обосновавший связь «характера народа» с природой, окружающей средой, общечеловеческими идеалами, национальными традициям и характером языка. Особое значение имеет положение Гумбольдта о языке «не как о мертвом продукте», но «как о созидающем процессе», определяющем

«различные мировидения». Гениальной представляется мысль Гумбольдта о том, что «изучение языка...открывает аналогию между человеком и миром вообще и каждой нацией, самовыражающейся в языке, в частности». С этим тезисом связано и учение о «внутренней форме» слова, во многом объясняющее генезис вербально выраженных концептов.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. языка под ред. и с предисл. доктора филологических наук, проф. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. С. 303—306.

Вильгельм фон Гумбольдт. ЛАЦИИ И ЭЛЛАДА

Большая часть обстоятельств, сопровождающих жизнь нации, — места обитания, климат, религия, государственное устройство, нравы и обычаи, — от самой нации могут быть в известной степени отделены, возможно, они могут быть обособлены. И только одно явление совсем иной природы — дыхание, сама душа нации — язык — возникает одновременно с ней. Работа его протекает в **определенно очерченном круге**, и рассматриваем мы его как деятельность или как продукт деятельности.

Всякое изучение национального своеобразия, не использующее язык как вспомогательное средство, было бы напрасным, поскольку только в языке запечатлен весь национальный характер, а также в нем как в средстве общения данного народа исчезают индивидуальности, с тем чтобы проявилось всеобщее.

Действительно, индивидуальный характер может преобразоваться в национальный только двумя путями — через общее происхождение и через язык. Происхождение само по себе не представляется действенным фактором, пока нация не сформировалась посредством языка. В ином случае мы лишь изредка можем видеть, что дети несут в себе особенности своего отца, и даже целое поколение — особенности своего рода.

Язык — это удобное средство для создания характера, посредник между фактом и идеей, он основан на общеобязательных, но в лучшем случае смутно осознаваемых принципах, и в большинстве

случаев складывается из уже имеющегося запаса, поэтому представляет собой инструмент не только для многих наций, но и для обнаружения их взаимодействия.

[...] Весьма вредное влияние на интересное рассмотрение любого языкового исследования оказывает ограниченное мнение о том, что язык возник в результате договора и что слово есть не что иное, как знак для существующей независимо от него вещи или такового же понятия. Эта точка зрения, несомненно, верная до определенных границ, но не отвечающая истине за их пределами, становясь господствующей, убивает всякую одухотворенность и изгоняет всякую жизненность. Ей, этой точке зрения, мы обязаны столь часто повторяющимися общими местами: что изучение языка необходимо либо только для внешних целей, либо для произвольного развития еще не освоенных способностей, что лучший метод — тот, который кратчайшим путем ведет к механическому пониманию и употреблению языка, что все языки одинаково хороши, если ими владеть, что было бы лучше, если бы все народы говорили на одном и том же языке, — и прочими рассуждениями в этом роде.

При ближайшем же рассмотрении обнаруживается, что имеет место как раз обратное.

Слово, действительно, есть знак, до той степени, до какой оно используется вместо вещи или понятия. Однако по способу построения и по действию это особая и самостоятельная сущность, индивидуальность; сумма всех слов, язык — это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека, он, действительно, основан на условности, поскольку все члены одной общности понимают друг друга, но отдельные слова возникают прежде всего из природного чувства говорящего и понимаются через подобные им природные чувства слушающего; изучение языка открывает для нас, помимо собственно его использования, еще и аналогию между человеком и миром вообще и каждой нацией, самовыражающейся в языке, в частности; никакое установленное множество суждений не может исчерпать познания духа, проявляющего себя в мире, так как в каждом новом скрыто еще другое новое, поэтому было бы, наверное, хорошо, чтобы языки обнаруживали такое многообразие, какое только может допустить число населяющих Землю людей.

(...) Слово не является изображением вещи, которую оно обозначает, и еще в меньшей степени является оно простым обозначением, заменяющим саму вещь для рассудка или фантазии. От изображения оно отличается способностью представлять вещь с различных точек зрения и различными путями, от простого обозначения — тем, что имеет свой собственный определенный чувственный образ. Тот, кто произносит слово *Wolke*³⁵, не думает ни о дефиниции, ни о конкретном изображении этого природного объекта. Все его разнообразные понятия и образы, все ощущения, возникающие при виде этого предмета, наконец, все, что внутри и вне нас с ним связано, может представиться духу, не рискуя при этом быть смешанным с чем-либо, так как скреплено одним-единственным звуком. Этот звук дает при этом еще нечто большее, вызывая то одни, то другие из связывавшихся с ним некогда ощущений, и когда он, как здесь, сам по себе осмыслен (можно сравнить с ним слова *Woge*, *Welle*, *Waelzen*, *Wind*, *Wehen*, *Wald*³⁶ и т.п., чтобы в этом убедиться), то настраивает душу на присущий данному предмету лад, частью самостоятельно, частью через воспоминания о других, ему аналогичных предметах. Таким образом, слово проявляет себя как сущность совершенно особого свойства, сходная с произведением искусства, ибо в чувственной, заимствованной у природы форме оно выражает идею, лежащую вне всякой природы, однако только тогда, когда различия очевидны. Эта внеприродная идея и позволяет использовать предметы внешнего мира как материал для мышления и ощущений, она есть неопределенность предметов, при которой представление их не должно быть всякий раз ни исчерпывающим, ни раз и навсегда данным, поскольку оно способно на все новые и новые преобразования, — неопределенность, без которой была бы невозможна самодеятельность мышления, и чувственная живость как следствие действующей при использовании языка духовной силы. Мышление никогда не имеет дела с изолированным предметом и никогда не нуждается в нем во всей полноте его реального бытия. Оно только создает связи, отношения, точ-

³⁵ *Wolke* (нем.) = ‘облако’.

³⁶ Нем. *Woge* = ‘волна, вал’, *Welle* = ‘волна’, *Waelzen* = ‘перекатывание’, *Wind* = ‘ветер’, *Wehen* = ‘дуновение’, *Wald* = ‘лес’.

ки зрения и соединяет их. Слово — теперь уже далеко не пустой субстрат, в который эти сущности могут быть помещены, но чувственная форма, которая своей поразительной простотой, несомненно, показывает, что обозначаемый предмет должен быть представлен только для нужд мышления, своим происхождением из самодеятельного акта духа вводит в границы воспринимающие духовные силы, своей способностью к изменению и аналогией с прочими элементами языка подводит к пониманию той связности, которую мышление стремится обнаружить во внешнем мире и сделать явственной в своих созданиях, и, наконец, своей переменчивостью призывает, не задерживаясь на одном месте, устремляться ко все новым целям. Во всех этих отношениях далеко не безразличен конкретный вид этой чувственной формы, немислимой без того действия, которое она производит разнообразными описываемыми ниже способами, и есть все основания полагать, что слова различных языков, обозначающие даже самые конкретные предметы, не являются полными синонимами и что, когда произносятся... equus и Pferd³⁷, имеют в виду не совсем одно и то же.

Это еще более верно там, где речь идет о неконкретных предметах, когда слово достигает гораздо большей значимости, удаляясь более, чем в случае конкретного предмета, от обычного понятия знака. Мысли и чувства имеют соответственно еще менее определенные очертания, могут быть многосторонними, представляемыми в большем числе чувственных образов, которые в свою очередь вызывают свои особые ощущения. Среди такого рода слов, также и в том случае, когда они обозначают понятия полностью определенные, еще в меньшей степени возможно указать равнозначные.

(Пер. О.А. Гулыги)

- ВОПРОСЫ**
- 1) Дайте комментарий к тезису автора о языке «как средстве для создания характера».
 - 2) Можно ли считать характеристикой концепта: «Тот, кто произносит слово Wolke (облако), не думает ни о дефиниции, ни о конкретном изображении этого природ-

³⁷ Греч., лат., нем. «лошадь» (Прим. Г.В. Рамишвили).

ного объекта. Все его разнообразные понятия и образы, все ощущения, возникающие при виде этого предмета, наконец, все, что внутри нас и вне нас с ним связано, может представиться духу, не рискуя при этом быть смешанным с чем-либо, так как скреплено одним-единственным звуком».

- 3) Согласны ли вы с определением вербально выраженного концепта как звуковой «скрепы» для связанных с выражающим его словом ощущений, воспоминаний, ассоциаций, часто построенных по аналогии: Wolke — Woge (волна, вал) — Welle (волна) — Waelzen (перекачивание), Wind (ветер), Wehen (дуновение), Wald (лес) (пример В. фон Гумбольдта).
- 4) Почему «...слова различных языков, обозначающие даже самые конкретные предметы, не являются полными синонимами»?
- 5) Приведите собственные примеры слов из различных языков, обозначающих одно и то же, но отличающихся друг от друга по их внутренней форме.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Сергей Алексеевич Алексеев (1870—1945; псевдоним Аскольдов) — известный русский философ. Занимался проблемами теории познания и этики. Статья «Концепт и слово» (1928) лежит у истоков «концептуально-культурологического направления» в современной гуманитарной науке. По словам В.П. Нерознака, данное направление «носит интердисциплинарный характер, так как исследование слова осуществляется в нем на стыке целого ряда гуманитарных отраслей знания — лингвистики, литературоведения, логики, философии, искусствознания и культурологи». На эту статью опираются академики Д.С. Лихачев и Ю.С. Степанов.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ

Основные проблемы теории познания и онтологии. М., 1900.

Алексей Александрович Козлов. СПб., 1997 (первое издание — М., 1912).

Религиозно-этическое мировоззрение Достоевского // Ф.М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Пг., 1922.

Концепт как заместитель

Чтобы подойти к уяснению природы концептов, необходимо уловить самую существенную их сторону, как познавательных средств. Эту сторону мы видим в функции заместительства³⁹. Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода. Высказывая какое-нибудь общее положение о растительном организме, мы ведь в конечном итоге имеем в виду именно их, т.е. все неопределенное множество реальных или хотя бы только представимых растений. И, однако, мы ведь в этом случае оперируем не с ними, а с чем-то другим одним, называемым в одних случаях общим представлением, в других — понятием. Не следует, конечно, думать, что концепт есть всегда заместитель реальных предметов. Он может быть заместителем некоторых сторон предмета или реальных действий, как, например, концепт «справедливость». Наконец, он может быть заместителем разного рода хотя бы и весьма точных, но чисто мысленных функций. Таковы, например, математические концепты. Концепт тысячеугольника есть заместитель бесконечного разнообразия индивидуальных тысячеугольников, конкретность которых осуществима, однако не в каких-либо отдельных образах, а в целом ряде актов мысленного счета, вообще длительного синтеза данной фигуры из ее элементов: углов и линий. Концепт и есть в данном случае заместитель этих длительных возможных операций.

Заместительная роль концептов в области мысли в общем совпадает по своей цели и значению с разного рода заместительны-

³⁸ Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под общ. ред. доктора филологических наук, профессора В.П. Нерознака. М., 1997. С. 267—279. (*Знаки препинания во фрагменте статьи С.А. Алексеева расставлены в соответствии с правилами современной пунктуации.*)

³⁹ В этом отношении у нас имеется сходство с номинализмом, который тоже признает индивидуальное представление заместителем всего родового объема. Но вопреки номинализму, мы не отождествляем концепт с индивидуальным представлением, а видим в нем *общность*.

ми функциями в области реальных жизненных отношений. А таких замещений в жизненной сфере очень много.

(...)

Простейший пример таких заместительных отношений — деньги. Это наиболее грубый случай. Но наша жизнь заполнена чрезвычайным разнообразием более тонких заместительных отношений, в которых реальная значимость предметов и действий переносится на разного рода промежуточные звенья их связи с нами или друг с другом. Между реальностью душевного расположения и внимания к нам лежат в качестве заместителей внешние формы внимания и вежливости. Между бедствиями жизни и нами — нерасположение лиц, от которых зависит наша судьба. Перед военными действиями уже беспокоят дипломатические отношения. Военный маневр, как передвижение, заменяет иногда реальное сражение и решает судьбу позиции и т.п. и т.п. Во всех этих случаях нечто малое или даже ничтожное по своему удельному весу в качестве реального фактора связывается все же с весьма тяжеловесным реальным эффектом только потому, что оно «означает» то или иное реальное, причем это «означает» иногда есть просто знак, иногда выразительный символ, иногда предварение, обнаруживающее лишь *потенцию* совершить то или иное. Только обозначенная возможность заменяет в последнем случае реальную действительность. На чем же основывается эта заместительная сила знаков, символов, предварений? В реальных жизненных отношениях все это имеет весьма разнообразную основу. Значимость заместителей в области познания и искусств представляет все же совершенно специфический случай.

Природа познавательных концептов

(...)

Понятие — это прежде всего *точка зрения* на ту или иную множественность представлений и затем готовность к их мысленной обработке с этой точки зрения. В точке зрения и заключена *общность* понятия, поскольку она может быть распространена на неопределенное множество конкретностей этого «рода».

(...)

Что именно подлежит обработке абстрагирования вовсе *не надо знать заранее*, потому что это определяет и назначает сам мысленный акт, определяясь, в свою очередь, теми или иными теоретическим или практическим интересом, волей к мысленному образованию. Мысль есть нечто императивное и творческое. Подходя к конкретностям с точки зрения определенного мысленного интереса, она сама определяет ту группу конкретностей, которая ей интересна и сама же создает «родовое» из одинаковости интереса к чему-то одинаковому во многом. *Единство родового заключено в единстве точки зрения*. А единство точки зрения заключено в единстве сознания.

Образование общностей на почве операций над конкретностями есть только предварительная работа. Когда она уже усвоена, когда мы овладели понятием, она становится не нужна. И вот тогда-то концепт и становится мгновенным и трудно уловимым мельканием «чего-то» в нашем уме. Произнося или услышав слово «справедливость», мы просто совершаем «*grimum movens*» в направлении того, что мы уже многократно совершали. В этом «*grimum movens*» имплицитарно заключено все то, что мы могли бы развернуть, если бы это потребовалось. Концепты — это почки сложнейших соцветий мысленных конкретностей. В привычной мысли мы ограничиваемся выбрасыванием этих почек, для психологического наблюдения совершенно бесформенных и, однако, заключающих в себе сложнейшую структуру возможностей. Но мы их не развертываем, потому что мы заняты и заинтересованы только их значением, а вовсе не конкретной реализацией. Что же является носителем этих значений, в чем их реальная природа? Мы можем только сказать, что она двойственна, а именно психофизиологического характера. Она есть единство душевного и телесного *акта*, т.е. процесса для нас до сих пор не вполне ясного перехода из одной области в другую, как бы ни толковать эти области в общем философском смысле.

(...)

Наше определение концепта как акта, намечающего вполне определенную мысленную обработку (анализ и синтез) конкретностей определенного рода, вполне объясняет, как концепт мо-

жет заменять то, на что он потенциально направлен. Но остается другой не менее важный вопрос, как на концепте осуществляются логические операции, как возможна строгость и четкость логических отношений там, где имеется какой-то мимолетный только зачаточный акт. Для ответа на этот вопрос необходимо иметь в виду, что зачаточное, вообще имплицитарное, может иметь чрезвычайно четкую динамическую структуру. Только намеченная потенция может быть столь же полной в своих внутренних расчленениях, как и обещаемая ею актуальность. Взмах руки пианиста над клавишами уже содержит, хотя и в иной динамической стихии, а именно в иннервационных возбуждениях, ту расчлененность движений, которая возникает, когда пальцы опустятся на клавиши. В этой готовности руки произвести аккорд или пассаж уже заложена нервная и мускульная динамика аккорда как движения. Музыкант может, так сказать, физиологически играть, не создавая на инструменте ни одного звука. Мало того, он может заранее сознавать, удастся ли ему тот или иной экскурс по клавишам. Здесь уже в зачаточном акте готовности (потенции) может быть дана правильность или неправильность последующей внятной слуху экспликации. Совершенно также концепт как зачаточный акт к возможным операциям над конкретностями способен уже заключать в себе осуществление логических норм или отступление от них.

(...)

Концепты — это эмбрионы мысленных операций, которые в своем раскрытии могли бы занять часы, дни, иногда месяцы, например, концепт «падение Римской империи» в понимании историка-специалиста. Мудрено ли, что при мимолетном их возникновении и исчезновении мы не успеваем в них ничего разглядеть, что, произнося слово «справедливость», мы не в состоянии уловить, в чем собственно заключается промелькнувшая с этим словом мысль. Но мы не можем это уловить не только потому, что это нечто мимолетное, но и потому, что ретроспективное психологическое наблюдение подходит к своему объекту как бы извне. Психологическая интуиция только тогда зряча, когда наблюдаемое и наблюдение есть один и тот же акт, т.е. когда это не ретроспекция. И музыкант не может как-то подсмотреть ту динамическую структуру, которая уже дана в подготовленной для

пассажа руке. Но он четко сознает эту подготовку и иногда с уверенностью знает, что он способен его сейчас с легкостью произвести, т.е. он сознает ее в *акте* напряжения, а не в акте психологического самонаблюдения.

Художественные концепты

Что позволяет нам говорить о них? Как будто они в самом основном не противоположны концептам познания? Концепты познания — общности, концепты искусства — индивидуальны. Но такое весьма обычное понимание далеко не верно. Конечно, художественное произведение, взятое в целом, индивидуально; но рассматривая его в частях, мы не можем не заметить, что эти части субсуммируют всегда какие-то неопределенные объемы чего-то однородного. Конечно, это однородное не претендует на логическую четкость пределов. И в этой расплывчатости главное их отличие от концептов познания. Но они отличаются еще и своей психологической сложностью. К концептам познания не примешиваются чувства желания, вообще иррациональное. Художественный концепт чаще всего есть комплекс того и другого, т.е. сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений. Было бы ошибочно утверждать, что какая-нибудь психологическая категория является для художественных концептов заведомо посторонней.

(...)

Между познавательными и художественными концептами можно усматривать еще одну существенную разницу. Концепт познания имеет всегда отношение к какой-нибудь множественной *предметности* — идеальной или реальной. Он всегда что-то «означает», что находится за его пределами. На первый взгляд в художественном восприятии дело обстоит совсем иначе. Создание художника, по-видимому, ни на что не указывает, ни к чему не относится, что было бы за его пределами. Оно есть последняя цель духовного устремления. Однако с этим нельзя согласиться. Ни создание художника, ни его первый и непосредственный эффект на воспринимающего, далеко не исчерпывают ни художественного задания автора, ни того, что он может дать восприни-

мающему. Автор всегда дает значительно меньше, чем он хотел бы дать, и воспринимающий только это непосредственно данное еще не достигает цели. Он непременно должен как-то дополнить данное, чтобы воспринять тот замысел, который был у автора, но не мог быть дан. И не мог быть дан не по недостатку времени и не по недостатку таланта, но именно потому, что нечто в этом замысле есть неисчерпаемая и часто даже невыразимая возможность. Несомненно предмет художественного произведения в гораздо большей мере *дан*, чем в научном концепте. Но все же и в нем, как в научном концепте, есть своя направленность и на что-то дальнейшее в этом «роде», в каком-то заданном направлении. Что это именно так, вполне подтверждается процессом постижения художественных произведений, которое никогда не дается сразу, а требует повторных подходов, причем каждый новый подход несколько продвигает содержание художественного восприятия в новые области. Однако этому продвижению есть предел, насколько каждое продвижение все более входит в неопределенные возможности, все более и более несовпадающие с намерениями автора.

Высказанный взгляд на природу художественных восприятий вполне объясняет тот факт, что восприятие часто не совпадает с замыслом автора, причем иногда его обедняет и искажает, в других же случаях восполняет и обогащает. Несомненно, бывает, что воспринимающий лучше понимает художественное произведение, чем сам автор, — лучше или в смысле значительности дополняемого содержания, или в смысле более правильного направления в сторону открывающихся возможностей.

Самое существенное отличие художественных концептов от познавательных заключается все же именно в неопределенности возможностей. В концептах знания и возможности подчинены или требованию соответствия реальной действительности, или законам логики. Связь элементов художественного концепта жидется на совершенно чуждой логике и реальной прагматике художественной *ассоциативности*. Нельзя сказать, чтобы в этой ассоциативности не было своей закономерности и требовательности. Но они все же не укладываются ни в какие правила и представляют в каждом отдельном случае особую индивидуальную норму

вроде нормы развития музыкальной мелодии. Если это закон, то закон индивидуального роста.

Таким образом, природа художественных концептов частично совпадает с природой концептов познания. В них тоже есть своя заместительная сила, поскольку то, что они означают, больше данного в них содержания и находится за их пределами. И именно ассоциативная запредельность придает им художественную ценность. Концепт «вещий» Олег художественно ценен именно потому, что он гораздо богаче ассоциативными возможностями, чем прозаический концепт «знающий». Он именно рисует нам Олега в каком-то неопределенном ореоле разнообразных потенций «ведения», органически сопряженных с его боевым обликом. Пусть эти ассоциации четко не осуществлены, но достаточно, что намечено их направление. Таким образом, в художественном концепте одна только динамическая направленность к не данному и только потенциальному уже имеет самодовлеющую ценность. Но что же такое это не данное, однако намечаемое актом художественного восприятия? Здесь нам несомненно придется указать и на «образы». Художественный концепт не есть образ или если и содержит его, то случайно и частично. Но он несомненно *тяготеет* именно прежде всего к потенциальным образам и также *направлен* на них, как и познавательный концепт направлен на конкретные представления, подходящие под его логический и «родовой» объем. В художественном концепте есть тоже свое «родовое», однако оно совершенно свободно от рамок логического определения. В нем «родовое» есть органический сросток возможных образных формирований, определяемый дневной семантикой художественных слов. Иногда цепь этих образов направлена совсем не туда, куда влек бы обыкновенный смысл слов и их синтаксическая связь. Когда Пушкин начинает «Евгения Онегина» словами: «Мой дядя самых честных правил» и т.д., то художественная значимость этих слов направлена совсем не на «дядю», а именно на племянника Онегина. В самом складе этих вступительных слов, в их иронии уже дано нечто от Онегина, делается первый намек именно на него. Что же этот намек — образ? В широком смысле слова — да. Здесь уже налицо некоторые психологичес-

кие черты Онегина, его взгляд сверху вниз, но спокойный, выдержанный, без наглости, его эгоизм и так далее. Но если это и образ, то он ценен не только тем, что в нем уже дано, но и тем, что он за собой органически влечет и что еще не выявлено, именно этим «и так далее». В этом смысле в каждом художественном концепте заключена как бы задача найти по части целое. Пусть это целое никогда вполне не развертывается. Но самое важное, что вы имеете ключ к его раскрытию, потенциально им обладаете, т.е. и здесь, как в познании, потенциальному принадлежит определенное значение и ценность. Но надо сказать больше. Здесь потенция иногда ценнее того, что мы в силах в ней раскрыть. Потенция здесь иногда как бы упирается в невозможность в смысле раскрытия. Ценность этого невозможного особенно ясна в концептах художественно-эмотивных, т.е. заключающих не только потенцию к раскрытию образов, но и разнообразно волнующих чувств и настроений. Неопределенное нечто, обещаемое в первичном значении, то нечто, которое мы даже бессильны вполне раскрыть в направлении обещанного, отличается иногда чрезвычайной остротой художественного воздействия. Таковы, например, концепты ужаса и любовного очарования. Здесь неизвестное и как бы бездонное нечто в этом роде волнует нас гораздо глубже, чем раскрытое или легко раскрываемое. Гоголевская ведьма, которая только ходит вокруг Хомы и шарит руками, причем ничто не говорит о возможном способе ее нападения, обвеяна гораздо большим ужасом, чем довольно подробно размалеванный Вий со всей оравой чудовищ.

(...)

В этом отношении напряженность и сила художественных восприятий совершенно не совпадает с ясностью сюжетной прагматики и с ее рациональностью. Быть может, даже она достигает наибольшей степени в некотором освобождении от них. Сила поэтических концептов у Блока в значительной мере зависит именно от этой освобожденности. Секрет творчества в таких случаях не в рациональности и не в ясности, а в особом подборе направляющих художественную ассоциацию образов и слов.

(...)

- ВОПРОСЫ**
- 1) Какие типы концептов выделяет автор?
 - 2) Как вы понимаете тезис о «концепте как заместителе»?
 - 3) Чем отличаются «художественные концепты» от «концептов познания»?
 - 4) Какова роль «ассоциативных связей» в процессе возникновения художественных концептов?

Задание

Определите основные «художественные концепты» в стихотворении А.С. Пушкина:

Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит,
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь, как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

(1834)

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906—1999) — автор основополагающих работ по истории и теории литературы, этике, культурологии. Председатель редколлегии серии «Литературные памятники», сыгравшей заметную роль в культуре нашей страны.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971.

Развитие русской литературы X—XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1973.

Заметки о русском. М., 1981.

Поэзия садов. Л., 1982.

Текстология. Л., 1983.

Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. СПб., 1997.

Д.С. Лихачев. КОНЦЕПТОСФЕРА РУССКОГО ЯЗЫКА⁴⁰

В предлагаемой ниже вниманию читателей работе я исхожу (...) из положений статьи С.А. Аскольдова-Алексеева (1928), напечатанной в сборнике «Русская речь». Редакция этого сборника в свое время совершила подвиг, напечатав статью «идеалиста», тем более что ко времени его выхода автор был арестован и не мог продолжить своего исследования. Примечание, которым была снабжена статья, конечно, не могло оградить редакцию от очень серьезных обвинений. Текст примечания следующий: «Редакция печатает и впредь будет печатать интересные философско-лингвистические статьи совершенно независимо от общего философского направления их авторов». Свое обещание, однако, редакция не смогла выполнить: сборники «Русская речь» перестали выходить, а сам автор после более чем десятилетних скитаний в ссылках умер в Германии, в Потсдаме, где его «освободители», следственные органы ОГПУ, пытались его снова арестовать. Инфаркт со смертельным исходом освободил его от дальнейших мук.

Сейчас статья С.А. Аскольдова-Алексеева приобрела особую актуальность благодаря появлению работ акад. Ю.С. Степанова, его школы, а также инициированных ими трудов. Аспекты анализа значения концепта, введенные С.А. Аскольдовым-Алексеевым, могут значительно расширить сферу исследования в сторону историко-культурного рассмотрения проблемы.

В своей работе я попытаюсь продолжить рассуждения С.А. Аскольдова.

(...)

Существенная особенность заместительной способности концептов, указывает Аскольдов, состоит в том, что она основана иногда только на потенции совершить то или иное «замещение» — потенции иногда крайне слабо осязаемой, но тем не менее действенной, без которой не может совершаться более или менее слаженное языковое общение.

⁴⁰ Статья впервые опубликована в 1993 г. в кн.: Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под общ. ред. проф. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 280—287.

В отличие от С.А. Аскольдова я полагаю, что концепт существует не для самого слова, а во-первых, для каждого основного (словарного) значения слова отдельно и, во-вторых, предлагаю считать концепт своего рода «алгебраическим» выражением значения («алгебраическим выражением» или «алгебраическим обозначением»), которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т.д.). Заместительная функция концепта облегчает языковое общение еще в одном отношении: оно позволяет при языковом общении преодолевать несущественные, но всегда существующие между общающимися различия в понимании слов, их толковании, отвлекаться от «мелочей» (иногда, впрочем, очень важных, например, в поэзии).

Какое из словарных значений слова замещает собой концепт, выясняется обычно из контекста, а иногда даже из общей ситуации. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека.

Рассматривая, как воспринимается слово, значение и концепт, мы не должны исключать человека. Потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека.

И слово, и его значения, и концепты этих значений существуют не сами по себе в некоей независимой невесомости, а в определенной человеческой «идеосфере». У каждого человека есть свой, индивидуальный культурный опыт, запас знаний и навыков (последнее не менее важно), которыми и определяется богатство значений слова и богатство концептов этих значений, а иногда, впрочем, и их бедность, однозначность.

Составители словарей языка обычно тоже отмечают «участие» словоносителей пометами к слову типа: «устар<елое>», «обл<астное>», «простореч<ное>», «разг<ворное>», но этого, конечно, слишком мало, чтобы определить участие человека в характере значения, а тем более для содержания концепта. В сущности, у каждого человека есть свой круг ассоциаций, оттенков значения и в связи с этим свои особенности в потенциальных возможностях концепта.

Чем меньше культурный опыт человека, тем беднее не только его язык, но и «концептосфера» его словарного запаса, как активного, так и пассивного. Имеет значение не только широкая осведомленность и богатство эмоционального опыта, но и способность быстро извлекать ассоциации из запаса этого опыта и осведомленности.

Концепты возникают в сознании человека не только как «намеки на возможные значения», «алгебраическое их выражение», но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом — поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т.п.

Концепт не только подменяет собой значение слова и тем самым снимает разногласия, различия в понимании значения слова, чем облегчается общение, он в известной мере и расширяет значение, оставляя возможности для сотворчества, домысливания, «дофантазирования» и для эмоциональной ауры слова. С этой точки зрения, концепт — это не просто алгебраическое обозначение, не знак и не сигнал. Концепты, являясь «посланиями» (message), могут по-разному восприниматься адресатами. Правда, контекст, в котором доходит до адресата концепт, ограничивает эти возможности, что чрезвычайно важно в науке и в поэзии особенно.

Концепты, будучи в основном всеобщими, одновременно заключают в себе множество возможных отклонений и дополнений, но в пределах контекста. Концепт находится между богатыми возможностями, возникающими на основе его «заместительной функции», и ограничениями, определяемыми контекстом.

- ВОПРОСЫ**
- 1) По аналогии с какими терминами автор создает термин «концептосфера»? Что такое концептосфера?
 - 2) Как дополняет автор представления С.А. Аскольдова о «заместительной функции концепта»?
 - 3) Как соотносятся концепт и контекст?
 - 4) Есть ли концептообразующий «потенциал» у названий художественных произведений?
 - 5) Объясните, почему «слой концептов» «чрезвычайно изменчив». Что является причиной его «нестабильности»?

Юрий Сергеевич Степанов — лингвист, историк и теоретик культуры, академик РАН. Один из создателей «концептуально-филологического» направления в современной гуманитарной науке. Его труд «Константы: Словарь русской культуры» посвящен исследованию концептов — «объединяющих идей русской культуры». Концепты «представляют собой в некотором роде “коллективное бессознательное” современного российского общества» При этом особое внимание уделяется «этимологии слов, выражающих данный концепт», а также эволюции концептов в культуре, вплоть до сегодняшнего дня. Концепт может быть воплощен не только в вербальной, но изобразительной и других формах.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ

Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.

Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М., 1993 (совместно с С.Г. Проскуриным).

Константы: Словарь русской культуры. М., 1997 (2-е изд. — 2001).

Ю.С. Степанов. КОНЦЕПТ⁴¹

Концепт

(...)

Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее.

Возьмем, например, представления рядового человека, не юриста, о «законном» и «противозаконном», — они концентрируются прежде всего в концепте «закон». И этот концепт существует в сознании (в ментальном мире) такого человека, конечно, не в

⁴¹ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. С. 43—83.

виде четких понятий о «разделении властей», об исторической эволюции понятия закона, и т.п. Тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово *закон*, и есть концепт «закон». В отличие от понятий в собственном смысле термина (таких, скажем, как «постановление», «юридический акт», «текст закона» и т.п.), концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека.

У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия (...) с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры — исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки...

(...)

Приведем пример. В русском языке слово *петух* имеет «значение» и «смысл». Его «значение» — это все птицы определенного внешнего вида (которому соответствует их зоологическая характеристика): ходячая (не летающая) птица, самец, с красным гребнем на голове и шпорами на ногах. Значение иначе называется «денотатом». «Смыслом» же слова *петух* будет нечто иное (хотя, разумеется, находящееся в соответствии со «значением»): а) домашняя птица, б) самец кур, в) птица, поющая определенным образом и своим пением отмечающая время суток, г) птица, названная по своему особенному пению: *петух* от глагола *петь* [такая же связь имеется и в близкородственном к славянским языкам литовском языке: *gaidŷs* «петух», *gaidà* «напев, мелодия», *giesmė* «торжественная песнь (в старину: ритуальное пение)», *giedbėti* «торжественно петь» (например, гимн) и «петь» (о петухе)]; д) вешая птица, с которой связано много поверий и обрядов.

«Смысл — это путь, которым люди приходят к имени», — эти слова известного логика и математика Готтлоба Фреге (1848—1925), которыми он резюмировал отношение между смыслом и именем применительно к математической логике, справедливы и для культуры. Но в культурологии такое понимание смысла включает в него и историю концепта, как бы подвергшуюся

«компрессии», сжатую и синтезированную. Это — доминирующая линия в структуре концепта, рассматриваемой с точки зрения культуры.

(...)

Итак, мы обнаружили здесь три компонента, или три «слоя», концепта:

- (1) основной, актуальный признак;
- (2) дополнительный, или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими»;
- (3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме.

С такими же компонентами, или «слоями», мы будем иметь дело в других концептах и явлениях духовной культуры вообще и современной русской в частности.

(...)

Концепты могут «парить» над концептуализированными областями, выражаясь как в слове, так и в образе или материальном предмете.

Отмеченное в этом подзаголовке свойство вытекает как следствие из наблюдений, сделанных выше. Естественно, что материально это «парение» выражается в том, что концепт находится в некотором контексте — или тексте — любой природы. Ими может быть и изобразительный мотив, и сказание или миф (хотя бы словесно он пересказывался в бесчисленных разнообразных вариациях) и т.д.

Это положение, между прочим, налагает новые требования на работу этимолога: основой этимологии является не сопоставление парадигм и отдельных лексем (слов), а текст: подлинная и истинная этимология — всегда в тексте.

(...)

Еще один важный тип — концепты о человеке. Особое проявление времени в эволюционных рядах концептов

Начнем опять с одного примера. Около половины XV в., — пишет В.О. Ключевский (Курс русской истории. Ч. 2. // Ключевский В.О. Соч.: В 8 т. Т. II. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. С. 25—27), подвизался в основанном им монастыре инок Пафнутий Боров-

ский, «один из самых своеобразных и крепких характеров, какие известны в древней Руси»; его колоритные рассказы, записанные слушателями, дошли до нас. Между прочим Пафнутий рассказывал, как в 1427 г. на Руси был великий мор, мерли «болячкой-прыщем», возможно, это была чума. Обмирала тогда одна инокиня, но не умерла, а выздоровев, рассказывала, кого видела в раю и кого в аду, и слушатели находили, что это соответствует жизни этих людей, что это правда. В раю она видела князя Ивана Даниловича Калиту, который всегда носил за поясом мешок с деньгами, из которого щедро подавал нищим. «Подходит раз ко князю нищий и получает от него милостыню; подходит в другой раз, и князь дает ему другую милостыню; нищий не унялся и подошел в третий раз, тогда и князь не стерпел и, подавая ему третью милостыню, с сердцем сказал: “На, возьми, несытые зенки!” “Сам ты несытые зенки, — возразил нищий, — и здесь царствуешь, и на том свете царствовать хочешь”. Это тонкая хвала в грубой форме: нищий хотел сказать, что князь милостыней, нищелюбием старается заработать себе царство небесное». «Видела еще инокиня в аду литовского короля Витовта в образе большого человека, которому страшный черный мурын (бес) клал в рот клещами раскаленные червонцы, приговаривая: “Наедайся же, окаянный?”». Добродушный юмор, продолжает Ключевский, которым проникнуты эти рассказы, не позволяет сомневаться в их народном происхождении. Не смущайтесь хронологией рассказа, не останавливайтесь на том, что в 1427 г. инокиня даже в аду не могла повстречать Витовта, который умер в 1430 г. У народной памяти своя хронология и прагматика, своя концепция исторических явлений. Народное сказание, забывая хронологию, противопоставляло литовского короля, врага Руси и православия, Ивану Даниловичу Калите, другу меньшей, нишей братии, правнук которого Василий Дмитриевич сдержал напор этого грозного короля на православную Русь. Народная мысль живо восприняла эту близость обеих властей, княжеской и церковной, и внесла участие чувства в легендарную разработку образов их носителей (выделено в тексте мною. — Ю.С.).

То, что, отмечает здесь Ключевский, «у народной памяти своя хронология», — по существу свойство всех концептов. Во всех концептах складываются, суммируются, идеи, возникшие в раз-

ное время, в разные эпохи, — историческое время, «хронология», вообще не играет при этом роли. Важны лишь ассоциации, сложения гармонирующих друг с другом идей (в концептах — «семантических признаков»). В образах людей это обстоятельство, несоответствие реальной хронологии, лишь выступает наглядно, делается особенно заметным в силу того, что сами люди хронологически «точно датированы». Люди живут в реальном, историческом времени, идеи — в ментальном времени или, быть может, вне времени вообще...

- ВОПРОСЫ**
- 1) Какова «внутренняя форма» слова «концепт»? Как соотносятся между собой термины «концепт» и «понятие»?
 - 2) Как Вы понимаете тезис «...*концепт* — это смысл слова»?
 - 3) Назовите три основные «слоя» концепта?

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

В современной российской филологии сложилось несколько центров, связанных с изучением межкультурной коммуникации. Один из них располагается в университетских городах — Воронеже и Тамбове. Профессора **Зинаида Даниловна Попова** и **Иосиф Абрамович Стернин** — известные специалисты в области когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ

Концепт и языковая семантика // Связи языковых единиц в системе реализации. Когнитивный аспект. Тамбов, 1999. Вып. 2. С. 69—75.

Концепты и невербальность мышления // Филология и культура: Материалы международной конференции. Тамбов, 1999. С. 69—79.

Концепты и лакуны // Языковое сознание: Формирование и функционирование / Отв. ред. д.ф.н., Н.В. Уфимцева. М., 2000. С. 55—67 (совместно с Г.В. Быковым).

Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2001 (совместно с К.М. Шилихиной).

З.Д. Попова, И.А. Стернин. ПОНЯТИЕ «КОНЦЕПТ» В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ⁴²

(...)

Концепт понимается как глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания. Концепты — это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека:

1. из его непосредственного чувственного опыта — восприятия действительности органами чувств;
2. из непосредственных операций человека с предметами, из его предметной деятельности;
3. из мыслительных операций человека с другими, уже существующими в его сознании концептами — такие операции могут привести к возникновению новых концептов;
4. из языкового общения (концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме, например, в процессе обучения, в образовательном процессе);
5. из самостоятельного познания значений языковых единиц, усваиваемых человеком (ребенок спрашивает, что такое демократия, взрослый человек смотрит значение неизвестного для него слова в словаре и через него знакомится с соответствующим концептом).

Язык, таким образом, является лишь одним из способов формирования концептов в сознании человека. Для эффективного формирования концепта, для полноты его формирования одного языка мало — необходимо привлечение чувственного опыта (лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать), необходима наглядность (что отчетливо проявляется в процессе обучения), необходима предметная деятельность с тем или иным предметом или явлением. Только в таком сочетании разных видов восприятия в сознании человека формируется полноценный концепт.

(...)

⁴² Воронеж: Воронежский ГУ, 1999. С. 2—29.

Концепты идеальны и кодируются в сознании единицами универсального предметного кода (Н.И. Жинкин, И.Н. Горелова, А.А. Залевская). Единицы универсального предметного кода имеют предметно-образный, то есть чувственный характер, а универсальность предметного кода связана с тем, что он есть у всех без исключения носителей языка, хотя и различен у каждого индивида, поскольку отражает субъективный чувственный опыт человека, лично им полученный в жизни через его органы чувств.

Единицы УПК — индивидуальные чувственные образы, формирующиеся на базе личного чувственного опыта человека. Они всегда конкретны. К примеру, концепт *университет* кодируется у одного выпускника университета образом тяжелой двери, которую надо было открывать, у другого — дверью кафедры, у третьего — видом длинного извилистого коридора, у четвертого — образом аудитории, где проходило большинство лекций и т.д.

(...)

Единица УПК — это наиболее яркая, наглядная, устойчивая личная часть концепта, имеющая образную природу. Образ, составляющий единицу УПК, может быть случайным, несущественным для данного концепта именно в силу его сугубо личной, индивидуальной природы, но, тем не менее, он выполняет кодирующие, знаковые функции для концепта в целом. Многие образы, лежащие в основе соответствующих единиц УПК, выявляются в ассоциативных экспериментах: город — Воронеж, дом — родной, мама — моя, кот — Васька и т.д. Не случайно так мало ассоциативных стимулов, на которые испытуемые давали бы в своей массе одинаковые парадигматические ответы. Если же единообразные ответы появляются, то они обычно отражают или устойчивую сочетаемость (темный — лес, интересный — фильм, дорогой — подарок, белый — Бим Черное ухо, дерево — жизни, держать — в руках, культура — речи, принимать — гостей, резать — хлеб и др.) либо уже стандартизированный концептуальный образ (кузница — молот, кровь — красная, расческа — волосы, ездить — верхом, рост — высокий, спать — долго).

Первичный эмпирический образ, лежащий в основе концепта и становящийся впоследствии единицей УПК, сродни представлению, знаку в концепции А.А. Потемни.

(...)

Образ, составляющий содержание концепта, подвергается национальным сообществом определенной стандартизации. Концепты могут быть общенациональными (стандартизованными), групповыми (принадлежащими социальной, возрастной, половой и др. группам) и личными. В национальных и групповых концептах могут также быть индивидуальные компоненты, черты, которые обуславливают в некоторых ситуациях вопросы типа «в каком смысле вы говорите о...?», «что вы понимаете под...?» и под.

(...)

Языковой знак *представляет* концепт в языке, в общении. Слово представляет концепт не полностью — оно своим значением передает несколько основных концептуальных признаков, релевантных для сообщения. Слово является средством доступа к концептуальному знанию, и получив через слово этот доступ, мы можем подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, данным словом непосредственно не названные (существующие в значении как периферийные, скрытые, вероятностные, ассоциативные семы). Слово, таким образом, как и любая номинация, — это ключ, открывающий для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности. Языковой знак можно также уподобить выключателю — он включает концепт в нашем сознании, активируя его в целом и запуская его в процесс мышления.

В языке один и тот же концепт репрезентирован самыми разными словами, синонимами, симилярами, семами в составе отдельных семем, дефинициями в различных словарях, типовыми пропозициями в высказываниях, текстах, посвященными экспликации тех или иных концептов. Сопоставив все доступные фиксации языковые средства репрезентации концепта — в системе языка, в речи и текстах, можно выявить содержание концепта как единицы мышления. Чтобы очертить концепт в национальном сознании народа, необходимо суммировать все его семемные и семные репрезентации в языке и текстах и на основе этого сделать вывод о его содержании и возможной структуре. Необходимо иметь в виду, что этот вывод будет касаться только той части концепта, которая нашла языковое выражение.

(...)

- ВОПРОСЫ**
- 1) Как характеризуют авторы единицы универсально-предметного кода (УПК)?
 - 2) Каким образом концепт репрезентируется в языке?
 - 3) Можно ли дать исчерпывающую характеристику тому или иному концепту?

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Елена Самойловна Кубрякова — известный отечественный лингвист и философ языка. В работах последних лет уделяет особое внимание когнитивным аспектам речевой деятельности. По справедливому замечанию Е.С. Кубряковой, связь между словами и вещами опосредствована ментальными структурами — «репрезентациями» (кодирования). Основной единицей ментального лексикона признается концепт.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ

Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.

Об одном фрагменте концептуального анализа слова «память» // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

Начальные этапы становления когнитивизма. Лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. М., 1994. № 4.

Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.

О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник Воронежского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2001. № 1.

О связях когнитивной науки с семиотикой // Язык и культура. Факты и ценности. К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М., 2001.

КОНЦЕПТ (concept; Konzept) — термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица **памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга** (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Понятие К. отвечает представлению о тех смыслах, которыми

оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» **знания**. К. возникают в процессе построения информации об объектах и их свойствах, причем эта **информация** может включать как сведения об объективном положении дел в мире, так и сведения о воображаемых мирах и возможном положении дел в этих мирах.

(...)

З а к л ю ч е н и е

Системный подход к культуре на рубеже XX—XXI вв. дополняется синергетической парадигмой. Культура в современном мире рассматривается как открытая, нестабильная, диссипативная система, в которой совершаются фазовые переходы, а процессы флуктуации могут завершаться кризисом, распадом системы и рождением нового смысла.

Тезис И. Пригожина о том, что порядок непродуктивен, а хаос, содержащий множество степеней свободы, продуктивен, во многом объясняет функционирование сложных экономических, социокультурных, языковых систем в современном мире.

Такой сложной системой предстает межкультурная коммуникация. Ее понимание в этой книге шире коммуникации межэтнической. Теория и практика межкультурной коммуникации связана с прогнозом развития социокультурных и языковых явлений.

Единицей коммуникации и культуры предстает вербально и невербально выраженный концепт. Овладение концептами национального культурного мира невозможно вне широкого контекста. Текст в контексте понимается как дискурс, речь, погруженная в жизнь, Дискурс и концепт — фракталы по отношению к культуре. Человек в коммуникации предстает как языковая личность, способная к самоорганизации и поиску смысла.

Темы самостоятельных работ

- 1) Соотношение культуры и цивилизации в разные эпохи.
- 2) Критика цивилизации в трудах Ж.Ж. Руссо, О. Шпенглера, русских философов рубежа XIX—XX вв.
- 3) А.Дж. Тойнби и С.П. Хантингтон о цивилизации.
- 4) Значение и смысл в культуре и языке.
- 5) Пьер Тейяр де Шарден и В.И. Вернадский о биосфере и ноосфере.
- 6) «Культура» и «цивилизация» как концепты: внутренняя форма ↔ ядро ↔ актуальный слой.
- 7) Система «культура»: общая характеристика. Генезис системного подхода к культуре.
- 8) Культура как диссипативная система.
- 9) И. Пригожин о флуктуациях и бифуркациях в системе «культура». Флуктуации в языке.
- 10) Э. Бенвенист о коммуникации в животном мире и человеческом обществе.
- 11) Основные модели коммуникации. Общая характеристика. Философская модель М.М. Бахтина.
- 12) Модель коммуникации К.Э. Шеннона — Р.О. Якобсона.
- 13) Кибернетическая модель коммуникации Н. Винера.
- 14) Межкультурная коммуникация как система.
- 15) Философские основы межкультурной коммуникации: философия нестабильности (И. Пригожин).
- 16) Межкультурная коммуникация и синергетика. Г. Хакен о синергетике.
- 17) Э. Холл о межкультурной коммуникации.
- 18) Концепт как микромодель системы «культура».
- 19) С.А. Аскольдов о концепте.

- 20) Ю.С. Степанов о концепте.
- 21) Типы концептов в когнитивной семантике: фреймы, сценарии.
- 22) «Прецедентный текст» и концепт.
- 23) Структура языковой личности.
- 24) Формирование «вторичной языковой личности».

ПРОЕКТЫ

1. Составьте список ключевых слов культуры (концептов) XXI в.
2. Интернет-сайты по межкультурной коммуникации: общая характеристика.
3. Предложите ряд «прецедентных текстов» для характеристики национальной культуры.
4. Сопоставьте неперебиваемые слова-концепты русской и английской (немецкой, французской...) культур.
5. Придумайте сценарий компьютерной игры, связанной с проблемами межкультурной коммуникации.
6. Подготовьте мультимедийную презентацию на тему «Восток и Запад. Диалог культур».
7. Приведите примеры флуктуаций и бифуркаций в национальной истории.
8. Приведите примеры межкультурной коммуникации в международных отношениях.
9. Приведите примеры синергетических процессов в экономике.
10. Проиллюстрируйте тезис о «пограничном состоянии между хаосом и порядком» на примерах из истории, экономики, культуры и языка.

Биосфера (от греч. жизнь и шар) — земная оболочка, в которой живое и неживое вещество, состоящее из геологических и физико-химических элементов, образуют живой пласт планеты Земля. Идея биосферы, предложенная французским естествоиспытателем Ж.Б. Ламарком, была разработана Пьером Тейяром де Шарденом и В.И. Вернадским.

Бифуркация (от лат. bifurcus — раздвоенный) — термин, использующийся в точных и естественных науках. Вслед за И. Пригожиным в последние годы широко применяется в гуманитарном знании. Бифуркации появляются в особых точках, где «траектория, по которой движется система, разделяется на “ветви”. Все ветви равно возможны, но только одна из них будет осуществлена. Обычно наблюдается не единственная бифуркация, а целая последовательность бифуркаций» (И. Пригожин).

Внутренняя форма — один из признаков значения слова, соединившийся с его звучанием. Наличие разных слов для обозначения одного и того же явления иллюстрирует этот феномен. А.А. Потебня определял внутреннюю форму как «образ образа», «представление».

«Внутренняя форма» является глубинной моделью возникновения смысла слова. Она значима для понимания *вербально выраженных концептов*.

Диалогические отношения — особый тип смысловых отношений, выходящий за рамки реального диалога и подразумевающий коммуникацию собеседников, которые могут быть отделены друг от друга временем и пространством. Диалогические отношения объединяют не только «Я» и «Ты», отправителя и получателя информации, но и Третьего (Бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, народ, суд истории, наука и т.п.). Концепция диалогических отношений разработана М.М. Бахтиным.

Дискурс (от лат. discursus — бег в разные стороны, туда и сюда) — текст, входящий в жизнь (Н.Д. Арутюнова), текст в контексте (М.М. Бах-

тин), в единстве внутренних и внешних (экстралингвистических) факторов. Превращение текста в дискурс — *фазовый переход*, скачок, порождающий новый *смысл*.

Диссипативная структура (от лат. dissipation — рассеянность, растворение) — возникает в процессе *коммуникации*. Отличаясь динамичностью, неравновесностью, *нелинейным* развитием, диссипативные структуры носят разноуровневый характер. Они лишены «однозначных системно-иерархических отношений» между элементами и частями (Ю.Н. Караулов). Диссипативные структуры располагаются в диапазоне бывших, будущих, наличных, а также и лишь гипотетических, возможных воплощений. Характерный пример диссипативной структуры на микроуровне — *концепт*. Примером макроструктуры такого типа является *культура*.

Знак (от греч. semeion) — основная единица науки семиотики, исследующей свойства различных человеческих и природных, вербальных и невербальных знаковых систем. Знаки возникают в *коммуникации*.

Инвариант (от лат. invariables — род, падеж) — универсальная категория, свойство *системы* либо существенных системных отношений сохранять неизменное постоянство в процессе преобразований. Применительно к понятию *культура* инвариант используется как общая идея по отношению к множественным определениям культуры (материальная, духовная, производственная, бытовая, античная, современная и т.д.). Выделение инварианта позволяет применить к культуре системно-структурный подход и построить теоретические основы *межкультурной коммуникации*.

Коммуникация (от лат. communication — связь, сообщение) — категория, обозначающая взаимодействие системных элементов, взятых в *знаковом*, семиотическом аспекте. Теория коммуникации получила развитие в последние десятилетия XX в. в связи с ускорением глобализации, появлением «сетового общества», новых информационных технологий. В лингвистике, психологии, этнологии и др. дисциплинах выявлен широкий спектр функций и возможностей коммуникации. *Культура* и коммуникация неразрывно связаны. В культуре коммуникация — условие осуществления *прямых и обратных связей системы: производитель — артефакт — потребитель*.

Коммуникация межкультурная — прямое или опосредованное общение «представителей различных культур».

Коммуникация межкультурная в узком смысле — межэтническая коммуникация. *В широком смысле* «межкультурная коммуникация» включает общение человека с Богом, природой, диалог личности и общества, взаимопонимание-непонимание различных социокультурных слоев. Возрастной и гендерный факторы также влияют на «межкультурный» характер коммуникации.

Межкультурная коммуникация — это встреча «своего и чужого». В ходе межкультурной коммуникации происходит пересечение геополитических, государственных, климатических, языковых и ментальных границ. В роли посредников в межкультурной коммуникации профессионально выступают учитель, дипломат, переводчик, способствующие сближению «своего» и «чужого». *Смысл* в межкультурной коммуникации зависит от точки зрения участников общения и контекста.

Коммуникация межкультурная — сложная синергетическая система, обладающая дополнительным срединным членом в коммуникативной цепи и внесистемными элементами, разрушающими одну культурную коммуникацию, открывая возможности построения другой. Метапродукт в принимающей системе — это артефакт, перешедший границу, несущий на себе печать интерпретации и становящийся из «чужого» «своим». Присутствие внесистемных элементов, порождающих логическую неупорядоченность, может приводить к *флуктуациям, бифуркациям, фазовым переходам*.

Когнитивная лингвистика — современная отрасль филологии, изучающая «познавательную деятельность человека» и ее выражение в языке.

Константа (от лат. constans — твердость, постоянство) — «устойчивый» *концепт культуры* (Ю.С. Степанов), постоянно возникающий в ходе коммуникации и существующий в течение длительного времени в национальной ментальности и языке.

Концептосфера — система концептов и констант в национальном культурном мире, определяемая типом сцепления концептов. Термин «концептосфера» предложен Д.С. Лихачевым по аналогии с «*ноосферой*». Можно вычленить универсальную, национальную, социокультурную, историческую, возрастную, гендерную, индивидуальную концептосферы. Функционирование всякой культуры приводит их к постоянному наложению. При сравнении концептосфер выявляются значимые несовпадения на ментальном и языковом уровнях. Преодоление этих несовпадений — задача *межкультурной коммуникации*.

Концепт (от лат. *conceptus, concipere* — понятие, зачатие) — основная единица *межкультурной коммуникации*. В концепте раскрывается *смысл* замещаемого явления. Концепт содержит: 1) общую идею явлений данного ряда в понимании определенной эпохи и 2) этимологические моменты, проливающие свет на то, каким образом общая идея «зачинается» во множестве конкретных, единичных явлений, 3) сочетание антиномических смысловых моментов (общезначимое — уникальное, порождение — бытование).

Концепт порождает коммуникацию в системе «культура» и, в свою очередь, порождается ею. Как и *культура*, концепт принадлежит к разряду *диссипативных* структур. Концепт — микромодель системы «культура».

Концепт раскрывается в *коммуникации* как «сгусток культуры» в ментальном мире человека (Ю.С. Степанов). Под *концептами* в *когнитивной* науке понимаются «оперативные содержательные единицы памяти, ментального лексикона...», отраженные в человеческой психике (Е.С. Кубрякова) и способные получать выражение в языке. Концепты бывают вербально и невербально выраженные. Вербально выраженные концепты — «ключевые слова» (А. Вежбицкая), метафоры, образы, символы языка и данной культуры. Критерии выбора «ключевых слов»: частотность, центральность, способность порождать бесчисленные ассоциации. Концепты входят в «*прецедентные тексты*» (Ю.Н. Караулов) национальной культуры. Структура вербально выраженных концептов: *внутренняя форма* ↔ ядро ↔ актуальный слой

Концепты невербально выраженные изучаются в рамках «невербальной семиотики» (Г.Е. Крейдлин). Невербально выраженные концепты — жесты, позы («язык тела»), значимые умолчания в коммуникации (подтекст), расстояние между людьми при общении (проксемика). Невербально выраженные концепты влияют на «стереотипы поведения» людей, позволяя отличить членов «*своего*» этноса от «*чужих*» (Л.Н. Гумилев).

Концепты можно классифицировать: 1) по типу порождения (как единицы мышления и языка); 2) по типу выраженности (вербальные и невербальные); 3) по составу (простые и сложные; многокомпонентные концепты — фрейм и сценарий); 4) по степени абстрактности (познавательные и художественные); 5) по сфере функционирования (индивидуальные, групповые, общенародные и т.д.).

Культура (от лат. *cultura* — возделывание, воспитание, образование) — особый способ *осмысленной* организации и развития человеческой

жизнедеятельности, реализуемый в материальных и духовных ценностях в системе отношения людей к природе и обществу. Культура — это «природа, которую пересоздает человек, утверждая себя посредством этого в качестве человека» (П.С. Гуревич).

Понятие «культура» вошло в обиход с XVIII в. Тогда же как синоним «культуры» начало употребляться понятие «цивилизация», получившее в дальнейшем преимущественное значение исторического воплощения культуры. Культура есть передаваемая из поколения в поколение *система концептов и констант*, а также моделей их порождения и изменения.

В настоящее время насчитываются сотни определений культуры и множество подходов к ее изучению. Переход от *системного подхода к синергетической* парадигме отражает современное представление о культуре, связанное с *философией нестабильности*.

Ментальность — система представлений о мире, обуславливающая нормы поведения человека, язык, поступки, а также объяснения поступков.

Нелинейность — принцип мышления, противоположный детерминизму, основанному на системе Ньютона. Нелинейные математические уравнения, как правило, имеют несколько (более одного) качественно различных решений. Нелинейная система может эволюционировать различными путями, переживая *бифуркации* (С.П. Курдюмов).

Ноосфера (от. греч. разум) — область человеческой культуры и проявления человеческой мысли, возникшая над биосферой и лежащая «вне космических просторов, где она теряется как бесконечно малое, и вне области, где царят силы атомов и атомных ядер с миром их составляющих частиц, где она отсутствует как бесконечно большое» (В.И. Вернадский).

Прецедентный текст — понятие *когнитивной лингвистики*, связанное с социальным и речевым поведением *языковой личности*. Прецедентный текст обнаруживается «в межпоколенной передаче» и носит «сверхличностный характер». Его признаки: постоянная возобновляемость, значимость в познавательном и эмоциональном отношениях, способность быть узнаваемым по одному или нескольким ключевым *знакам* (словам, изображениям, звукам и т.д.). Концепция «прецедентного текста» принадлежит Ю.Н. Караулову.

Свое и чужое — концепты, специфичные для *межкультурной коммуникации*. Взаимопереходы «своего ↔ чужого» / «чужого ↔ своего» свиде-

тельствуют о пересечении границ и смене точек зрения участниками межкультурной коммуникации. В каждой национальной культуре *чужое* необходимо для распознавания *своего*. Справедливо и обратное утверждение: без опоры на *свое* невозможно узнавание *чужого*. Соотношение «своего и чужого» по-разному раскрывается в национальных культурных мирах.

Синергетика (от греч. «синергия» — содействие, совместный труд) — универсальная научная парадигма, теория, исследующая точки соприкосновения между живой и неживой природой. Синергетика — новое междисциплинарное научное направление 2-й половины XX в. В рамках синергетики «изучаются процессы перехода от хаоса к порядку и обратно» в открытых нелинейных сложных *системах* различной природы (Г. Хакен).

Система (от греч. слова, обозначающего «целое, составленное из частей») — совокупность элементов, находящихся в связях и взаимных зависимостях. Основное свойство системы состоит в том, что в системе целое больше суммы ее частей.

Построение «общей теории систем» принадлежит австрийскому биологу-теоретику Л. фон Берталанфи. Среди главных свойств системы — принцип целостности и всеобщей зависимости, несводимости системы к сумме свойств ее элементов, относительной самостоятельности элементов, являющихся по отношению к системе подсистемами. Существуют открытые и закрытые, устойчивые и неустойчивые, *диссипативные* системы. Гиперустойчивые структуры не способны к развитию. Открытые системы наиболее продуктивны. Потеря равновесия, переход системы в *нестабильное* состояние ведет в культуре к разрушению одной структуры и созданию другой.

Системный подход — направление методологии, в основе которого лежит исследование *систем*. В научный обиход вошел в последние десятилетия XX века в связи с открытиями в термодинамике. Порождение новых качеств в сложных системах изучает наука *синергетика*.

Исследование *системы культуры* в процессе развития делает наглядным ее устойчивость и одновременную способность к переходу на качественно новый уровень, происходящий в момент скачка, *бифуркационного* взрыва. Множественность путей развития культуры, обусловленная природой элементов системы (их относительной самостоятельностью, непредсказуемостью), оказывается необходимой предпосылкой *межкультурной коммуникации*, взаимопроникновения *своего и чужого*.

Смысл — фундаментальная категория бытия. Смысл антиномичен, поскольку возникает как «арена встречи» (А.Ф. Лосев) природного и человеческого, человеческого и Божественного, общезначимого и уникального.

Для межкультурной коммуникации принципиально разграничение «смысла» и «значения», восходящее к трудам немецкого философа, логика и математика Г. Фреге.

Фазовый переход — переход от одного связанного многообразия к другому, принципиальное изменение состояния системы.

Философия нестабильности — одна из мировоззренческих опор *межкультурной коммуникации*, связанная с представлением о *нелинейном*, незаданном, многовариантном будущем. В основе философии нестабильности представление о том, что хаос продуктивен, порядок непродуктивен. Хаос содержит бесконечное число степеней свободы.

Флуктуация — случайное отклонение мгновенных значений величин от их средних значений, показатель хаотичности процессов на микроуровне системы (С.П. Курдюмов). Флуктуации и *бифуркации* можно наблюдать в истории, культуре и языке.

Фракталы — объекты, которые обладают свойствами самоподобия или масштабной инвариантности. Фракталами являются варианты культуры по отношению к *инварианту*. *Культура* и *концепт* — фракталы.

Языковая личность — человек, погруженный в *дискурс*, способный производить речевые поступки (Г.И. Богин), взятый в единстве речевого и социального поведения.

О г л а в л е н и е

Введение	3
<i>Тема 1.</i> Общие понятия о культуре и цивилизации	9
<i>Тема 2.</i> Смысл в культуре	19
<i>Тема 3.</i> Системный подход	36
<i>Тема 4.</i> Коммуникация в культуре. Основные модели коммуникации	76
<i>Тема 5.</i> Межкультурная коммуникация	105
<i>Тема 6.</i> Синергетический подход к межкультурной коммуникации	121
<i>Тема 7.</i> Межкультурная коммуникация и когнитивная лингвистика	137
<i>Тема 8.</i> Концепт как единица коммуникации	162
Заключение	212
Темы самостоятельных работ	213
Глоссарий	215

Учебное издание

**Зинченко Виктор Георгиевич
Зусман Валерий Григорьевич
Кирнозе Зоя Ивановна**

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
ОТ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА
К СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ**

Учебное издание

Подписано в печать 31.01.2007. Формат 60 × 88/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,7. Уч.-изд. л. 11,6. Тираж 2000 экз. Изд. № 1342.

ООО «Флинта», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д.17-Б, комн. 345.
Тел./факс: (495) 334-82-65, тел.: (495) 336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru, flinta@flinta.ru; Website: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, Москва В-485,
ул. Профсоюзная, д. 90.